
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 15 АПРЕЛЬ 1980

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 15 (2752)

5 АПРЕЛЯ 1980

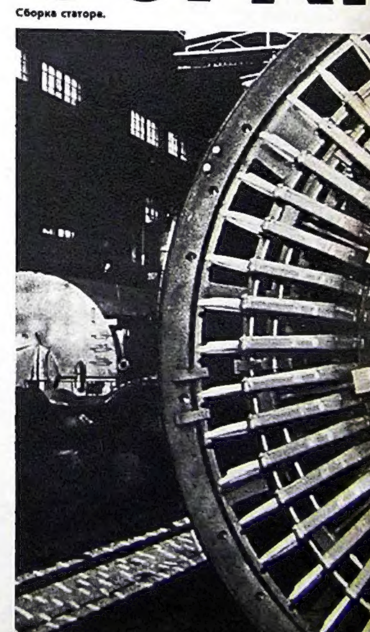
Герой Социалистического Труда мастер Юлиан Адольфович Врублевский.

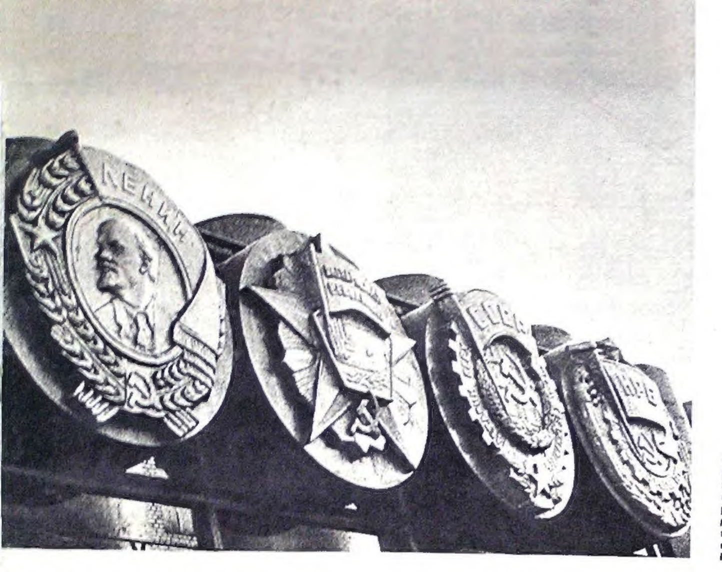

Ордена «Электросилы».

СОРАТ

Сборка статора.

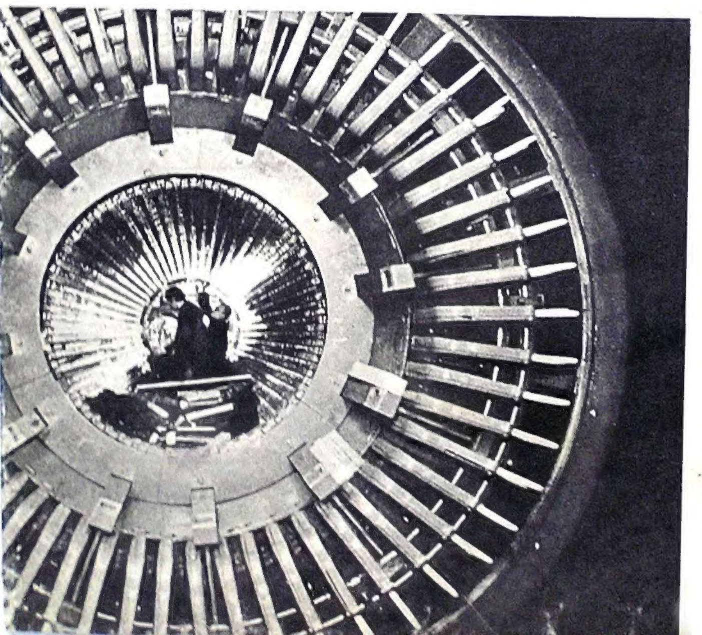

Пятьдесят лет назад, 6 апреля 1930 года, был учрежден орден Ленина. Сегодня «Огонек» рассказывает о ленинградском заводе «Электросила» имени С. М. Кирова, дважды награжденном орденом Ленина, и о Т. А. Юркине, кавалере ордена Ленина, на котором стоит номер 00016 (см. стр. 4).

НИКИ СОЛНЦА

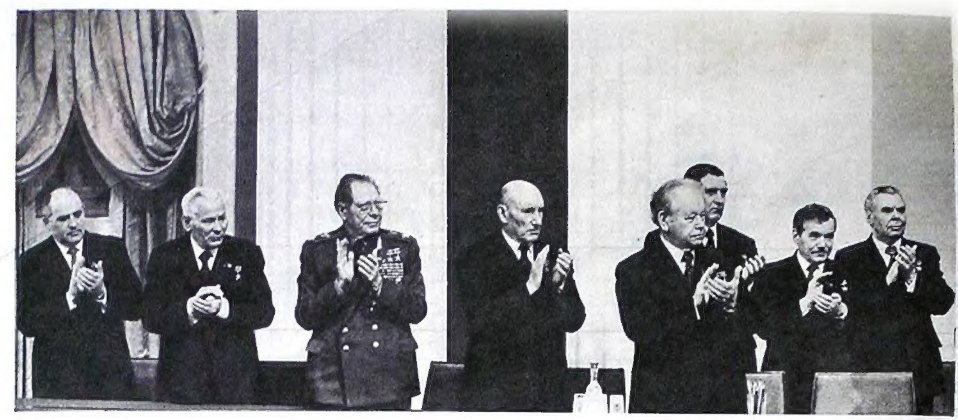
О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Весной 1930 года, когда Советское государство учредило свою высшую награду — орден Ленина, Юлиан Врублевский был принят на «Электросилу» учеником обмотчика. Но для ученика Юлиан держался не по годам уверенно. Да и в работе проявлял удивительную зрелость. Мастерство, конечно, пришло не сразу, но сноровка, знание многих секретов слесарного дела выдавали человека, уже знакомого с теорией и практикой этой профессии.

Его отец, А. И. Врублевский, с четырнадцати лет гнул спину на основателя завода, известного промышленника Сименса. Из подневольного мальчишки вырос редкостный умелец, заслуживший славу первого специалиста по динамо-машинам. Вырос из него и революционер — настоящий боец, прошедший школу подполья.

Все лучшее, что знал и умел А. И. Врублевский, передал он сыну. Впервые познакомил его с заводом, когда Юлиану исполнилось всего восемь лет. И хоть не дожил отец до светлого часа, когда не гостем, а хозяином при-

Во время вручения.

НЕУСТАННОМУ

ВРУЧЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,

За книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина», за неустанную борьбу за мир Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу присуждена Ленинская премия. 31 марта в Кремле состоялось торжественное собрание представителей трудящихся Москвы, посвященное вручению этой премии Леониду Ильичу Брежневу.

В Свердловском зале — члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, члены Центральной ревизионной комиссии КПСС, представители партийных, советских и общественных организаций, деятели науки и культуры, передовики производства.

Участники собрания бурными, продолжительными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, М. С. Горбачева, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина.

В президиуме вместе с ними — председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР Г. М. Марков, заместители председателя комитета, члены президиума комитета, видные деятели литературы и искусства.

Торжественное собрание открыл Г. М. Марков.

Под бурные аплодисменты участников собрания Г. М. Марков вручил Л. И. Брежневу диплом и знак лауреата Ленинской премии. Собравшиеся стоя, горячими, продолжительными аплодисментами приветствовали товарища Л. И. Брежнева.

Перед собравшимися выступили: участник боев на Малой земле, бывший заместитель начальника политотдела 18-й армии, полковник в

шел сюда сын, в будущем его не сомневался: был уверен, что в заводской летописи династия Врублевских еще будет отмечена не одним добрым словом.

Так и случилось. Уже через год Юлиан отличился при изготовлении первого отечественного электропривода для первого отечественного блюминга. Об этом в книге истории «Электросилы» сохранилась соответствующая запись. Столь стремительный рост — из учеников прямо в историю! — характерная примета того времени, отмеченного небывалым взлетом энтузиазма.

Гидрогенераторы Волхова, Свири, Днепра, турбогенераторы на 24, 50 тысяч киловатт, моторы постоянного тока для металлургии, мощные ртутные выпрямители — вот лишь краткий перечень достижений «Электросилы». А в 1937 году была одержана победа, вызвавшая шок у зарубежных недругов, без устали кричавших о «варварстве и технической отсталости дикой России». Руками электросиловцев был создан первый в мире турбогенератор мощностью 100 тысяч киловатт. До этого крупнейшим считался действовавший в Бельгии турбогенератор немецкого производства. И вот сенсация: ленинградский завод вышел на ведущие позиции в мировом энергомашиностроении.

На всю страну гремели тогда имена Алексея Стаханова, Петра Кривоноса, Марии Демченко, удостоенных высшей награды Родины. Стахановское движение становилось символом нового, социалистического отношения к труду, и в числе первых новаторов «Электросилы» наряду с кузнецом Е. Т. Мартеховым, токарем Ю. Е. Скоробогатько, инструментальщиком Ф. Ф. Смоловым встречаем и фамилию обмотчика Ю. А. Врублевского.

К тому времени он был уже опытным мастером. Вместе со своим товарищем Николаем Лебедевым организовал одну из первых комсомольско-молодежных бригад, прославившихся победой в споре со стариками-«секретчиками», которые ради высоких заработков охраняли от посторонних глаз свои профессиональные приемы. Комсомольцы обошлись без чужих тайн. На изготовлении обмотки машин постоянного тока для «Магнитки» они применили свои, самостоятельно придуманные «секреты» и стали выполнять по две нормы за смену. О массовости стахановского движения на «Электросиле», об его отдаче свидетельствует такой факт: в 1937 году средняя выработка на человека достигла здесь 147,3 процента. Так завод отпраздновал двадцатилетие Советской власти!

А 21 апреля 1939 года, отмечая выдающиеся заслуги «Электросилы» в постановке безаварийной работы на электростанциях, успешной организации стахановского движения и освоении производства новых типов энергооборудования, Советское правительство наградило коллектив завода орденом Ленина.

В ответ электросиловцы поставили перед собой еще более дерзновенную задачу: за месяц до начала войны здесь состоялась научно-техническая конференция, созванная руководством предприятия совместно с Ленинградским политехническим институтом. На ней была намечена об-

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

БОРЦУ ЗА МИР

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВУ

отставке С. С. Пахомов; Герой Социалистического Труда, бригадир тракторно-полеводческой бригады совхоза «Шуйский» Атбасарского района Целиноградской области М. Е. Довжик; лауреат Ленинской премии, вице-президент Академии наук СССР академик Ю. А. Овчинников; Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии поэт Э. Б. Межелайтис.

Слово предоставляется лауреату Ленинской премии, Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Участники торжественного собрания встают и продолжительной овацией приветствуют товарища Л. И. Брежнева.

Заключая свою речь, товарищ Л. И. Брежнев сказал:

— Вся история нашей партии — это служение интересам трудового народа. Смысл всей деятельности коммунистов — борьба за счастье трудящихся. И, конечно, защита их прав и свобод, закрепленных в нашей Конституции. Весь накопленный опыт, складывающаяся международная обстановка, особенно факты последнего времени, обязывают нас держать порох сухим, быть настойчивыми и последовательными в отстаивании дела мира, помнить о своей исторической ответственности за судьбы Родины и всего человечества.

Со своей стороны буду и впредь делать все от меня зависящее, чтобы успешно претворялась в жизнь ленинская политика нашей партии — политика неуклонного повышения уровня жизни народа, обеспечения мира и безопасности страны, строительства коммунистического будущего.

Ради этого стоит жить и бороться, ради этого можно не жалеть ни времени, ни сил.

ширная программа, выполнение которой позволяло советскому энергомашиностроению стать лучшим в мире.

Нападение фашистской Германии заставило отложить мирные планы. Завод оказался на переднем крае обороны. Трамвай останавливался теперь за двести метров до проходной. Кондуктор объявлял: «Конечная остановка». Дальше — фронт!

В самые трудные дни блокады самолеты вывозили из осажденного города быстродействующие автоматические выключатели для управления агрегатами, применяемыми в производстве цветных металлов. Их изготавливали на «Электросиле», и на каждом стоял штамп: «Сделано в Ленинграде в период блокады». Завод жил, отражал атаки врага и трудился во имя грядущей победы.

Несмотря на обстрел, голод, нехватку топлива, сырья, а главное — людей, электросиловцы к 26-й годовщине Октября выпустили три турбогенератора, десять крупных машин постоянного и переменного тока, 68 быстродействующих выключателей и другие изделия. В мае 1944 был выполнен особый заказ — гидрогенератор для Рыбинской станции на Волге.

За образцовое выполнение заданий правительства в период Великой Отечественной войны и большие заслуги в деле обеспечения электрооборудованием ведущих отраслей народного хозяйства в послевоенный период 15 апреля 1948 года завод «Электросила» был награжден вторым орденом Ленина.

Два ордена Ленина украсили и грудь потомственного электросиловца Героя Социалистического Труда Ю. А. Врублевского. Их история — уже история наших дней, заслуженная оценка трудового вклада Юлиана Адольфовича и его товарищей в создание Братской, Красноярской, Усть-Илимской, Саяно-Шушенской и других ГЭС.

— Сегодня продукцию объединения покупают восемьдесят стран,— с гордостью рассказывает Ю. А. Врублевский.— А в СССР пятьдесят процентов установленной мощности тепловых, шестьдесят процентов гидравлических и почти сто процентов атомных электростанций обеспечены генерирующими электрическими машинами «Электросилы». Исполнились и давние, еще довоенные планы: по гидрогенераторостроению, крупным машинам постоянного тока и другому оборудованию объединение определяет ныне мировой технический уровень. В нынешнем году на Костромской ГРЭС будет смонтирован и пущен в эксплуатацию гигант мощностью в один миллион двести тысяч киловатт. Я вам не просто цифры привожу... Вижу за ними, как мы здесь, в городе Ленина, осуществляем заветы Ильича.

...Объединение «Электросила» имени С. М. Кирова — явление во многом уникальное даже в масштабах нашей могучей индустриальной державы. Уникальны и заслуги объединения перед страной. И потому закономерно, что высшей наградой Родины отмечены здесь восемнадцать человек. Среди них и Герой Социалистического Труда обмотчик А. П. Васильев, товарищ и последователь Ю. А. Врублевского, работающий с ним в одном цехе.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ...

Б. СМИРНОВ

Тихон Александрович Юркин, советник при Совете Министров РСФСР, раскрыл папку и положил передо мной серенький, согнутый вчетверо лист бумаги. Это была обложка журнала «Огонек», вышедшего 15 сентября 1929 года. Фотоснимок во всю полосу: несколько человек, столпившись, смотрят прямо в фотообъектив. Типографская краска стерлась, да и снимок не очень четкий — лиц почти не разобрать.

— Узнаете? — спросил Тихон Александрович.— Вот это Максим Горький у нас в «Гиганте». Рядом — рабочие совхоза, среди них — и я.

Нет, узнать невозможно. Краска стерлась, да и годы... Время безжалостно. Но есть у времени волшебное свойство: высвечивать в жизни человека самые яркие дни и надежно закреплять их в памяти. В жизни Т. А. Юркина было очень много памятных дней, но несколько лет работы в совхозе «Гигант» стоят не совершенно особом месте. Рассказывая о себе, Тихон Александрович все время оговаривается: это до «Гиганта», а вот это — после... И какие бы большие должности, вплоть до наркома и министра, он позже ни занимал, о нем всегда говорили: «Это — тот самый Юркин, первый директор «Гиганта». И многочисленные награды Тихона Александровича ведут свой счет от ордена Ленина, врученного ему за работу в «Гиганте»,— первого из пяти орденов Ленина, заслуженных этим необыкновенным человеком.

— Обо мне писали, что я питерский рабочий. Это неверно. Я коренной москвич, сын извозчика, вырос на Шаболовке и токарному делу выучился на заводе «Бромлей» — теперь на его месте «Красный пролетарий», а перед самым началом империалистической войны год жил в Петербурге, оттуда и был направлен на фронт...

Такое теперь уже не часто услышишь, чтобы люди начинали рассказ о биографии «с империалистической». В свои восемьдесят два года Тихон Александрович помнит все подробности того времени. Обучение минометному делу в Луге. Служба в частях, которыми командовал знаменитый генерал Брусилов. Революционные события. Приезд в Москву в составе солдатской делегации. Потом работа в военных обозных мастерских.

— Когда начался голод, я как военный человек был включен в продотряд. Тогда-то, в девятнадцатом, я впервые познакомился с сельским хозяйством. Перенес два тифа — сыпной и возвратный, а по выздоровлении меня командировали уже как знакомого с сельским делом в Самарскую губернию, в рабочую хлебную инспекцию. Потом работал в Наркомпроде, Наркомземе, был политкомиссаром в одном из первых совхозов — «Константиновском», ездил в Оренбург, чтобы проверять, как закупают лошадей для Красной Армии... Жалеть себя не приходилось, и кончился этот этап моей жизни серьезным заболеванием. Врачи сказали: если хочу жить, должен уехать на Кавказ. Ничего не оставалось, как отправиться в распоряжение Северо-Кавказского крайкома и получить назначение — сначала управляющим совхоза «Красный хутор», потом директором совхоза «Хуторок».

Тихон Александрович вынимает из стола стопку машинописных листков.

Обложка журнала «Огонек» за 1929 год.

Т. А. Юркин.

Фото И. ГАВРИЛОВА

— Вот, хочу подготовить к изданию свои заметки — зачем и как был создан зерносовхоз «Гигант». Считается, что его день рождения в июне 1928 года, а я здесь пишу, что еще в марте комиссия специалистов поехала осматривать земли будущего совхоза. Помню, я прихватил с собой лопату, чтобы сподручнее было показать комиссии чернозем: вокруг этого чернозема шли тогда горячие споры. Дело в том, что ЦК партии предполагал создать в Донском округе крупное зерновое хозяйство, а некоторые специалисты утверждали, что земли в Сальских степях использовать под зерновые культуры нецелесообразно. Кто я был против них? Начинающий земледелец. Но зато я хорошо знал, на что способен совхоз — еще «Константиновский» меня многому научил, а работа в «Хуторке» убедила, что только по-настоящему крупным хозяйством можно покорить целинную черноземную степь. А специалисты ориентировались на опыт единоличников, которым такое дело было не под силу. И еще — для нас, сторонников создания совхоза, могучей опорой были ленинские слова на VIII съезде Советов в 1920 году, когда он говорил о донской земле и о тракторах — важнейшем средстве ломки старого земледелия... Короче говоря, не знаю, всех ли специалистов убедили тогда мои доводы, но хорошо помню, что там, в степи, секретарь крайкома партии внимательно на меня посмотрел и напрямую спросил: «Если примем решение создавать совхоз, берешься взять все это дело на себя?» «Берусь!» — в ту же секунду ответил я. Так и решилась моя судьба...

89 страничек текста, исправленного остроконечным, слегка волнистым почерком. Это не повесть и не мемуары, это деловые заметки о смелом, я бы даже сказал, отчаянно смелом эксперименте партии в период коллективизации. И не только в области сельского хозяйства, но и в области экономики, психологии... Была ведь даже комиссия из Москвы, из Зернотреста, которая все осмотрела, все одобрила, но напоследок кто-то сказал: «Провалишься ты, Юркин!» А Юркин знал, что делал, знал и верил.

Он начинал на пустом месте, в степи, с колышка. К нему стали приезжать по направлению комсомола молодые, горячие ребята. И возник в степи палаточный городок. Самый первый или один из самых первых! Сплотить незнакомых людей, подчинить всех одной идее, примирить с неизбежными трудностями нелегко и сейчас, а ведь тогда у создателей совхоза не было абсолютно никакого опыта. К тому же многие новоселы букваря в руках не держали, а им предстояло обрабатывать совхозную землю тракторами. И все смотрели на «гигантовцев» — одни с надеждой, другие с недоверием и со злобой... Не забывайте, шел 1928 год.

Тихон Александрович сам размечал землю для совхоза — огромную территорию, размером с иное государство. Строил усадьбу совхоза, организовывал курсы трактористов, создавал бригады...

— Тракторы тогда выпускались без фар, и для ночной пахоты мы подвешивали на них впереди шахтерские «летучие мыши». Горючее часто подвозили на лошадях...

Т. А. Юркин, конечно, был не одинок в создании «Гиганта», и в его рукописи целая страница отведена только перечислению самых главных и самых деятельных соратников директора.

— Тихон Александрович, говорят, в вашем распоряжении был самолет?

— Нет, это легенда. О нас тогда много рассказывали и былей и небылиц. Все, что делалось в совхозе, было не только новым словом в земледелии. «Гигант» стал лучшим пропагандистом политики партии в сельском хозяйстве.

Вся страна взялась за сельскую новостройку — в палаточный поселок потоком шли грузы стройматериалов, промышленных изделий, подарков. Прибыли сотни тракторов «Интернационал», «Ойль-Пуль», «Джон-Дир», «Катер-Пиллар» и других марок, прибывали купленные за валюту комбайны, сеялки, жатки. Провалиться, как предрекали маловеры, «Гигант» просто не мог: порукой тому была крепнущая мощь государства, воля партии. Впрочем, все это нельзя разделить: из чего же, как не из центнеров зерна, тонн стали, умелых человеческих рук, рождается эта мощь...

Сегодня история знаменитого совхоза «Гигант», что в Ростовской области, насчитывает более полувека. Но еще 3 октября 1930 года его первому директору Тихону Александровичу Юркину был вручен в Кремле орден Ленина. И стоит ли говорить о том, что эта бесконечно дорогая каждому советскому человеку награда особенно знаменательна для Тихона Александровича еще и тем, что на его ордене выгравирован номер 16: быть награжденным в год учреждения ордена, быть одним из первых кавалеров этого ордена — великая честь!

интервью «огонька»

ДЛЯ МЕНЯ БОЛЬШАЯ ЧЕСТЬ

Илья ГЛАЗУНОВ

В резиденции Генерального секретаря ООН в Нью-Йорке состоялась торжественная церемония передачи Курту Вальдхайму его портрета, написанного известным советским художником Ильей Глазуновым. Портрет является даром Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций от Советского правительства. Корреспондент журнала «Огонек» В. Дунаев встретился с художником, только что прибывшим из Нью-Йорка, и попросил рассказать, как создавалось это полотно.

— Еще три года назад я получил приглашение Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма написать его портрет: согласно традиции ООН, создается портрет каждого Генерального секретаря этой организации. Узнав о желании Курта Вальдхайма, Советское правительство решило, что написанный мною портрет будет даром Советского правительства Организации Объединенных Наций.

Работая над портретом, я хотел выразить мое уважение Генеральному секретарю ООН, который прилагает много усилий для поддержания мира и международной безопасности и для сближения народов и их национальных культур.

— Как проходила работа над портретом?

— На следующий же день после приезда в Нью-Йорк я начал работу над портретом. Я приходил в старый особняк, которых так мало в Нью-Йорке. На стенах комнат я увидел пейзажи Коро и Ренуара.

К. Вальдхайм — худощавый, высокий человек. У него острый взгляд умных голубых глаз. Человек большой культуры и широкой, многогранной эрудиции.

Работа над портретом проходила в трудной и даже сложной обстановке. Генеральный секретарь занят очередными и неочередными заседаниями, часто сеансы прерывались телефонными звонками. Делались перерывы, после чего К. Вальдхайм приходил озабоченный и извинялся, что был вынужден прервать работу художника.

— Предстоит ли в ООН новая работа для вас?

— В здании ООН в двух первых этажах расположен музей искусств. Здесь собраны многочисленные произведения искусства, подарки художников и правительств разных стран. И для меня явилось большой честью предложение, высказанное К. Вальдхаймом, о предоставлении мне стены в одном из центральных холлов здания для росписи на тему «Вклад народов Европы в мир, культуру и цивилизацию». Это очень ответственная работа, которая потребует большого творческого напряжения для раскрытия темы, охватывающей многовековую и многонациональную сокровищницу европейской культуры, где должны быть представлены: Данте и Шекспир, Моцарт и Бетховен, Диккенс и Достоевский, Толстой и Бальзак и т. д. — словом, все то, что является понятием цивилизации и культурного наследия нашей планеты. Срок представления эскизов — сентябрь месяц.

— Расскажите о работе портретиста?

— Задача портретиста всегда очень трудна. Художник-портретист должен почувствовать внутренний мир человека, я бы сказал, музыку его души, дать свою оценку личности человека. При этом, само собой разумеется, если портрет не похож — это не портрет. Словом, задача самая сложная, требующая максимального напряжения сил и ответственности художника. Я лично считаю, что нет неинтересных лиц, — каждый человек имеет свое «Я», свой характер, свою душу, и потому портрет является проявлением наивысшей формы гуманизма. Мне думается, что каждый художник, в том числе художник-портретист, должен понять и прочувствовать традиции русского и европейского портрета.

Во время церемонии передачи портрета. Слева направо: Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм, посол СССР в США А. Ф. Добрынин и И. С. Глазунов.

— Что вы вкладываете в понятие «портрет»?

— Уходят цивилизации, гаснут государства, меняются исторические формации человеческого общества... Очень часто мы имеем понятие об ушедших временах через портреты людей, живших в тот исторический момент, и потому история портретного искусства — это во многих случаях история человечества.

Фаюмский портрет, римский портрет, портреты Веласкеса, Гойи, Тициана, Вандейка, Рубенса являются для всех нас бессмертными эталонами реализма в высшем смысле этого слова.

— Ваши ближайшие планы?

— В настоящее время я заканчиваю работу над росписью холла ЮНЕСКО в Париже. Работа ведется по приглашению секретариата ЮНЕСКО. Это панно размером 3×7 метров. Одновременно заканчиваю последнюю работу из цикла «Куликовская битва», 600-летие которой — знаменательного для всего мира события — мы будем праздновать в сентябре этого года. Летом я продолжу работу над циклом «Братья Карамазовы» — эпохального произведения Ф. Достоевского.

Петр Устинович БРОВКА

Советская многонациональная литература понесла большую утрату. На 75-м году жизни скончался выдающийся советский писатель, народный поэт БССР Петр Устинович Бровка — депутат Верховного Совета СССР, член ЦК КП Белоруссии, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Академии наук БССР, секретарь правления Союза писателей СССР.

Жизненный путь и литературное творчество Петра Устиновича Бровки были неразрывно связаны с судьбами Родины и советского народа. Его вдохновенные произведения поэзии, прозы, публицистики проникнуты глубокой верой в победу ленинских идей, любовью к нашему социалистическому Отечеству, несут высокий заряд партийности, социалистического интернационализма и советского патриотизма.

Родился Петр Устинович Бровка 25 июня 1905 года в деревне Путилковичи Ушачского района Витебской области в бедной крестьянской семье. На всех этапах жизненного пути — от комсомольского секретаря, председателя сельсовета в первые годы Советской власти, литератора-фронтовика, пламенного публициста в годы Великой Отечественной войны до руководителя писательской организации республики, одного из руководителей Союза писателей СССР, видного ученого, выдающегося общественного деятеля — П. У. Бровка оставался верным сыном Коммунистической партии, убежденным марксистом-ленинцем, литератором высокого гражданского пафоса и долга.

Широкую известность получили стихи и поэмы военных лет П. Бровки, его книги поэзии «А дни идут...», «Всегда с Лениным», «Среди красных рябин», роман «Когда сливаются реки», повесть «Вместе с комиссаром».

Его произведения, переведенные на языки народов СССР и многих зарубежных стран, несут миллионам читателей правду о советском человеке, о социалистическом образе жизни, о славной истории и сегодняшнем дне нашего народа.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги П. У. Бровки, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда, наградив 4 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов, другими орденами и медалями.

Произведения П. У. Бровки служат и будут служить делу коммунистического строительства в нашей стране.

Светлый образ выдающегося писателя, человека большого сердца, исключительного душевного богатства, высокого творческого горения навсегда останется в памяти народа.

М. А. Суслов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, И. В. Капитонов, М. В. Зимянин, Т. Я. Киселев, И. Е. Поляков, А. Н. Аксенов, В. Ф. Шауро, В. Г. Афанасьев, А. А. Епишев, С. Г. Лапин, Б. Н. Пастухов, Б. И. Стукалин, М. П. Георгадзе, Г. М. Марков, В. И. Бровиков, А. Т. Кузьмин, В. Ф. Мицкевич, В. А. Микулич, С. М. Шабашов, Н. П. Бажан, А. А. Беляев, Ю. Н. Верченко, Н. М. Грибачев, П. А. Загребельный, Р. Ф. Казакова, Л. М. Леонов, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, С. С. Наровчатов, В. М. Озеров, Б. Н. Полевой, С. В. Сартаков, Е. И. Скурко (М. Танк), Ю. И. Суровцев, А. А. Сурков, А. Б. Чаковский, О. Н. Шестинский, М. А. Шолохов, А. Н. Чепуров, К. К. Атрахович (К. Крапива), Н. А. Борисевич, Г. Н. Бородулин, В. В. Быков, А. Е. Макаенок, П. Е. Панченко, И. П. Шамякин.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ДЕНЬ, КОГДА ПРИШЛА СВОБОДА

Корнел ХАЙНАЛ,
главный редактор журнала
«Орсаг-вилаг»

4 апреля 1945 года. День освобождения Венгрии. Мне шел тогда 22-й год. Это значит, мы были уже достаточно взрослыми, чтобы на собственном опыте узнать жандармские порядки полуфеодальной-полукапиталистической Венгрии и понять, что такое режим Хорти. Сброд грабителей в черных мундирах с фашистскими повязками решал судьбы сотен тысяч людей. Человеческая жизнь в моей стране в ту пору не ставилась ни в грош, а гуманизм считался проявлением слабости.

Среди моих сверстников нашлись и такие, которых увлек с собой этот грязный поток. Но большинство — я знаю и потому утверждаю это — большинство осталось людьми! В те решающие дни они сумели найти способы оказать сопротивление бесчеловечной фашистской войне: помогали преследуемым, слушали запрещенные радиопередачи, распространяли полученную информацию. Из наших рядов вышли люди, которые вопреки свирепым угрозам отказывались служить на стороне Германии и с оружием в руках боролись против нацизма; из наших рядов создавались красные батальоны, которые впоследствии перешли на сторону Советской Армии — вспомните Будайский добровольческий полк.

И он настал, этот день! Уже тридцать пять лет 4 апреля — красная дата в венгерском календаре. Да сколько бы лет ни прошло, мне не забыть всеобщий энтузиазм и вдохновение, единый горячий порыв: прочь, мрачное прошлое! Да здравствует новое общество, новая Венгрия!

На квартире у моих родителей жил молодой советский офицер. Сколько интересного, нового он рассказал о Советском Союзе, об армии, которую мы с такой надеждой ждали, о советских людях, об их стремлении к миру. В его руках я впервые увидел партийный билет, из его уст впервые услышал о ленинских тезисах революции. Он спас мою тяжелобольную мать: приносил каждый день молоко, иногда даже мясо, делился своим хлебом. А мне, тогда только вступавшему в самостоятельную жизнь, он открыл новый мир. Мир, которому принадлежало и мое будущее.

Вы скажете — это только мои, личные впечатления. Но подобное повторилось в масштабе всей Венгрии! Стала легендой фигура советского солдата, раздающего хлеб голодным, распахивающего вместе с венгерским крестьянином разоренные войной поля. СССР предоставил Венгрии тысячи тонн продуктов, машины — и это в то время, когда миллионы советских людей голодали, не имели крыши над головой.

СССР первым признал новую Венгрию и в 1948 году заключил договор о дружбе и сотрудничестве, вызволив страну из послевоенной международной изоляции.

Отсталая, полуфеодальная Венгрия превратилась за 35 лет в промышленно развитое государство, завоевала международный авторитет. Без использования огромного опыта Советской страны за столь короткий срок это было бы невозможно. Сотрудничество с Советским Союзом и сегодня мощный импульс для повышения уровня венгерского народного хозяйства. Они неотделимы — советская помощь и самоотверженный труд венгерского народа, его социалистические устремления, его высокий энтузиазм. Это пример братской интернациональной связи, присущей лишь новому, социалистическому миру. Л. И. Брежнев сказал при посещении Чепельского комбината: «...Когда мы объединяем свои усилия, то в итоге выходит не простое сложение, а умножение сил».

35 лет назад на нашу землю пришла свобода. Как распорядиться ею, зависело от каждого из нас, от партии коммунистов, которая с самого начала боролась с фашизмом и с первых минут после освобождения стала общепризнанным руководителем страны. Я с гордостью думаю, что зерна, посеянные тогда нашими освободителями, попали в плодородную почву. Не напрасной была смерть советских солдат, погибших в боях с фашизмом.

Тогдашние двадцатилетние стали учеными, преподавателями, инженерами, бригадирами, писателями и журналистами, офицерами. История Венгерской Народной Республики — это их биография.

Без хвастовства скажу — я тоже из их числа. И до последних дней буду благодарен тому советскому офицеру, который три с половиной десятилетия назад открыл для меня Советский Союз. Мы и сейчас дружим, иногда встречаемся, у нас общие заботы, и радуемся мы одному. Оба мы уже дедушки. Но теплое рукопожатие весной 1945-го и наша сегодняшняя дружба времени неподвластны. Они будут жить и после нас, в наших детях и внуках.

ФРГ

В ЗАЩИТУ ИДЕАЛОВ

1

На красочных плакатах — олимпийский Мишка и надпись: «Да — Олимпиаде-80 в Москве!». Большое количество таких плакатов и листовок распространено в Дортмунде и других городах Рура участниками широкого общественного движения ФРГ в поддержку летних Олимпийских игр нынешнего года. «Проводимая президентом Картером политика бойкота и конфронтации противоречит олимпийским идеалам»,— говорится в воззвании движения.

В ФРГ ширится движение против попыток администрации Картера организовать бойкот летних Олимпийских игр в Москве. Представители спортивной общественности, а также видные политические деятели земли Бремен провели собрание в поддержку Московской Олимпиады. Выступившие на нем ораторы подчеркнули, что участие западногерманской олимпийской команды в Играх в Москве явится очередным шагом на пути упрочения процесса разрядки в Европе. И наоборот, подчеркнули выступающие, бойкот негативным образом повлиял бы на другие области отношений между странами Востока и Запада.

САЛЬВАДОР

ПРОТИВ

2

В Сальвадоре обстановка накалена до предела. По-прежнему от пуль террористов из ультраправых группировок погибают мирные жители. Прогрессивные силы требуют демократизации страны, положить конец репрессиям, провести земельную реформу.

Правые спешно вооружаются, создают банды, которые совершают злодейские убийства своих противников. ОРДЕН (так называется их погромная организация) насчитывает, по оценкам прессы, 60 тысяч головорезов. Его основатель генерал Медрано, который тесно связан с ЦРУ (хотя из-за алкоголизма и наркомании он был в забвении), вновь всплыл на поверхность и координирует действия ОРДЕНА. Ныне он частый гость американского посольства.

Погромщики развязали настоящую охоту на патриотов Сальвадора. Гремят выстрелы, взрывы бомб, льется кровь. Недавно реакционеры в упор застрелили в церкви во время проповеди главу католической церкви страны Оскара Арнульфо Ромеро. Он был подло убит за свои выступления в защиту обездоленных и угнетенных, против вмешательства американского империализма во внутренние дела страны.

Соединенные Штаты проявляют особый интерес к Сальвадору. Подобно тому, как политика США в Латинской Америке была направле-

НИДЕРЛАНДЫ

ТАНКИ НА

3

Атака началась на рассвете. В небе кружили вертолеты с целью координации действий. Танки, броневики и 1100 полицейских ринулись по улицам, чтобы захватить район, прозванный жителями «свободной республикой Амстердам». С помощью бульдозеров и танков полиция сокрушила баррикады, сооруженные из камней, перевернутых парковых скамеек и опрокинутых машин. Защитники отступили. В результате этого сражения 37 полицейских и 50 обороняющихся были ранены.

Это были самые крупные военные действия на улицах Амстердама со времен второй мировой войны. Что явилось причиной этих столкновений? В крупнейшем городе страны Амстердаме около 150 тысяч человек не имеют крыши над головой, в то время как тысячи домов пустуют только потому, что стоимость жилья в них не по карману даже довольно состоятельным голландцам. «Спекулян-

США

ПРЕСТУПНЫЙ

4

Организованная преступность все активнее проникает в законную деловую активность. Она забрасывает крючки в такие области, как строительные корпорации, банки, и даже на фондовую биржу. Гангстеры зачастую берут в свои руки контроль над какой-либо фирмой лишь для того, чтобы «отмыть» деньги — создать впечатление, что незаконно полученные доллары идут из легального источника. В других случаях гангстеры проникают в компанию, захватывают ее капиталы, приводят ее к банкротству и исчезают.

ОЛИМПИАДЫ

Участники спортивной конференции, состоявшейся в Гейдельберге, заявили, что решение Международного олимпийского комитета о том, что летние Олимпийские игры 1980 года должны состояться в Москве в назначенный срок, говорит за себя. Выступившие в ходе дискуссии известные западногерманские спортсмены, тренеры выразили решительный протест против политических махинаций США в области международного спорта.

«Четырехлетняя подготовка спортсменов к Олимпийским играм всегда связана с огромным напряжением сил. Кроме того,— и это исключительно важно,— Олимпийские игры служат сближению и взаимопониманию народов. Вот почему мы отвергаем всяческие призывы к бойкоту, с помощью которого президент Картер надеется нажить себе политический капитал в ходе предвыборной кампании в США»,— заявили они.

На снимке: демонстрация в защиту Московской Олимпиады в Дортмунде.

Фото А. Бочинина

1

ОБОРСТВО

на на то, чтобы не допустить появлéния «второй Кубы», так и сегодня цель латиноамериканских стратегов Соединенных Штатов состоит в том, чтобы не допустить «второго Никарагуа», пишет журнал «Нейшн». Опоздав в своих попытках остановить перерастание народной оппозиции Анастасио Сомосе в Никарагуа в революцию, американские официальные лица твердо намерены предотвратить аналогичный взрыв в соседнем Сальвадоре. Для этого Вашингтон не жалеет ни сил, ни денег. Сумма американской помощи уже превысила 55 миллионов долларов. Репрессии и террор резко усилились вскоре после прибытия в страну 35 американских «советников по противоповстанческой борьбе».

Один из руководителей Народных сил освобождения Умберто Гонсалес заявил, что существует реальная угроза военной интервенции США. Для такого заявления есть основания: у берегов Сальвадора происходит сосредоточение военных кораблей США с морской пехотой на борту. В ряде районов Сальвадора строятся новые взлетно-посадочные полосы, способные принимать тяжелые самолеты.

На снимке: арест патриотов в Сан-Сальвадоре, столице страны.

2

УЛИЦАХ ГОРОДА

ты — вот причина нехватки жилья,— говорит один из жителей города,— у них есть дома, но они предпочитают держать их пустыми, пока не найдется богатый квартиросъемщик».

Уже много лет население ведет борьбу со спекулянтами. Молодежь создала специальные мобильные группы, которые окрестили «взломщиками». Они явочным порядком занимают пустующие дома и ведут их оборону.

Когда наряд из 200 полицейских попытался выселить «взломщиков» тремя днями ранее, молодые люди быстро обратили их в бегство, забросав камнями. И вот теперь, после очередного побоища, объединенными усилиями армия и полиция оккупировали «свободную республику Амстердам».

На снимке: танки, а за ними полицейские идут на прорыв.

3

По материалам зарубежной прессы

БИЗНЕС

Официальные лица заявляют, что мафия держит в своих руках транспортные компании, предоставляющие автобусы для перевозки нью-йоркских школьников. За эту службу городские власти платят ежегодно 200 миллионов долларов. Мафия скупает участки земли вокруг недавно узаконенных казино и устанавливает контроль над барами, ресторанами, мотелями.

На снимке: ставки на рулетке растут, у мафии — тоже.

4

ПОМНИТ МИР СПАСЕННЫЙ

Г. СМЕТАНИНА

11 апреля отмечается Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Мир помнит одиннадцать миллионов заживо сожженных, задушенных в газовых камерах, умерщвленных голодом в Освенциме, Майданеке, Маутхаузене, Равенсбрюке, Дахау, Бухенвальде, Саласпилсе...

Но даже в аду фашистских застенков люди продолжали бороться, продолжали верить в Победу, в освобождение от нацистской чумы. Тридцать пять лет назад, 11 апреля 1945 года, подняли восстание узники Бухенвальда. С одним из них, членом подпольной военно-политической организации лагеря, Дмитрием Емельяновичем Сиваченко, мне довелось встречаться.

...День стоял сухой, жаркий. Сиваченко не заметил, как промелькнула последняя неделя. Заканчивал чертежи, спал урывками, почти не видел детей и жену. Предстояла защита диплома. Мечтал наконец выспаться и всем семейством отправиться на море. В субботу, 21 июня 1941 года, Дмитрий Емельянович защитил дипломный проект. Теперь он архитектор...

Двадцать третьего июня Сиваченко записался добровольцем во флот. Сразу попал на передовую. 7 июня 1942 года под Севастополем был ранен в голову и грудь. Очнулся в плену. В товарном поезде везли на запад, в Германию. Проезжали родные места. Сейчас тут хозяйничают фашисты. Все равно бежать! Выломали доски из стен теплушки, на ходу Сиваченко и еще несколько раненых спрыгнули. Их поймали.

В Бухенвальде он попал в каменоломню — туда направляли штрафников, советских военнопленных. Их заставляли бегом таскать пятидесятикилограммовые глыбы. «Держись за вагонетку,— говорили ему товарищи,— упадешь — пристрелят». Помогали, кто как мог, потом спрятали. Сняли одежду штрафника, дали номер умершего — 53843. Друзья-подпольщики устроили в строительную бригаду. Не знал тогда Сиваченко даже их имен.

...Подпольный центр действовал. Среди заключенных, работавших в вещевом складе, был советский человек Константин Руденко. Уже через несколько часов руководству подпольного центра становилось известно, кого привезли в лагерь. Людей проверяли и старались помочь, вызволить, подлечить, подкормить, использовать для подпольной работы. Под самым носом у фашистов творились героические дела.

Дмитрий Сиваченко работал в строительной бригаде. Рабочие этой команды могли появляться на территории всего лагеря. И, конечно, руководство подпольного центра старалось это использовать. Они устанавливали, где что надо починить, а сами незаметно вели разведку. Вот и пригодилось Дмитрию умение рисовать. Его привлек в организацию Сергей Котов, он был комиссаром, членом политического центра, который готовил восстание узников. Иногда можно было наблюдать, как у входа в барак двое-трое говорят вроде о безобидных вещах — о супе с брюквой, а на самом деле уточнялся какой-нибудь тактический вопрос: как лучше организовать саботаж или как вывести нужного человека из штрафной команды, изучались выкраденные у эсэсовцев карты и планы, даже планы подземных сооружений, или выяснялось, где находится скрытый выход из лагеря: гитлеровцы не могли его не предусмотреть. Собирали оружие: самодельное (хранили его в тайниках 7-го блока) и оружие, которое раздобыли после раскопок разбомбленного на территории лагеря завода. Даже «изобрели» гранату, которую по частям, по винтикам проносили в лагерь; был и свой радиоприемник, спрятанный в ведре с ваксой, и передатчик. Была и своя газета, которую издавали в двух экземплярах.

Дмитрий и его товарищи знали: их во что бы то ни стало уничтожат. 3 апреля эсэсовцы потребовали, чтобы узники-евреи явились с вещами к главным воротам. Было решено сорвать отправку. И это удалось. На другой день евреям приказали явиться на аппель-плац. К этому времени лагерный комитет сменил нашивки на одежде заключенных-евреев. Многих спрятали на чердаках, в подвалах, в канализационных трубах.

Эсэсовцы все время пытались заслать провокаторов, чтобы выведать зачинщиков сопротивления. Несмотря на всю бдительность и конспирацию, доносчики иногда кое-что пронюхивали. Нашелся предатель и в эти дни.

Но когда 4 апреля гестаповцы хотели расправиться с руководителями подпольного центра, лагерь единодушно отказался их выдать. 8 апреля гестаповцы требуют построить весь лагерь на аппель-плаце с личными вещами. Общелагерный политический совет 19 национальностей выносит решение: остаться в бараках. Лагерь вышел из подчинения! 800 конвойных эсэсовцев, вооруженных автоматами, гранатами, пистолетами, начинают избивать безоружных людей, пытаясь выгнать на аппель-плац. Им помогают блоковые с белыми нарукавными повязками. Член подпольного комитета Геннадий Щелоков немедленно раздобыл в портновских мастерских несколько десятков поддельных повязок и вывел с площади сотни людей.

11 апреля с утра явственно слышна артиллерийская канонада. Ясно: эсэсовцы эвакуировать лагерь не успеют, но еще могут его уничтожить. Подпольный комитет приказывает раздать оружие. Под пулеметными очередями узники в одиночку и группами от барака к бараку перебегают в 7-й блок и оттуда в одеялах, в карманах, за пазухой выносят винтовки, гранаты, пистолеты.

15 часов 15 минут. Андрей Борзенко первым взобрался на вышку, сшиб эсэсовца, захватил пулемет. Прямо через площадь, с винтовками наперевес, с взведенными гранатами ударная группа бросилась к главным воротам. В это же время батальон 44-го блока — 300 человек во главе с командирами рот Даниилом Малым, И. Харламовым, Федором Богомоловым, Николаем Паничем, Геннадием Щелоковым — под пулями эсэсовцев рвет проволочное заграждение, опрокидывает сопротивление и устремляется к военному городку. Восстание началось. Взят военный городок эсэсовцев. Захвачен склад оружия. Через полчаса все люди вооружены. А через два часа лагерь свободен. Тут-то подошли первые американские танки.

Несмотря на то, что уже пришла свобода, ежедневно до 40 человек умирало. Их не могли спасти ни усиленное питание, ни врачебная помощь.

Но нельзя утратить ни одного свидетельства о бесчинствах фашистских извергов! Так возникла газета «Клич свободы». Всю организаторскую работу поручили историку, комиссару батальона Сергею Котову.

У меня в руках огромные листы, отпечатанные на синьке. Читаю фамилии: Г. Бойко, Г. Гаркавенко, Д. Сиваченко. И. Давыда — это редколлегия. Заметки от руки писали на кальке, а затем на светокопировальной машине, разысканной где-то в Веймаре среди эсэсовского имущества, делали «синьку».

Вот свидетельства тех дней, вчитайтесь в них:

«16 сентября 1941 года голодные, раздетые заключенные стояли на поверке. В это время вдоль ограды эсэсовцы гнали колонну русских военнопленных к «конюшне смерти». Транспорт состоял примерно из 300 человек. Фашистские убийцы приказали стоящим на аппель-плаце петь. В этот вечер эсэсовцы уничтожили всех 300 русских людей».

Анатолий Яночек, Турнов, Чехословакия

«В феврале 1942 года каждую ночь в манеже и в «конюшне смерти» расстреливали десятки и сотни русских военнопленных. Когда я проходил мимо крематория, мое внимание привлекла шинель на мостовой. Я поднял ее. Она была вся в крови. Кто владелец ее? В кармане оказался небольшой клочок бумаги. На нем было написано: «Гор. Копейск. Челябинской области (номер дома и название улицы забыл). Яков Федорцев».

Н. Френкель. Томашув. Польша.

«...В конце 1941 года нас, 2500 русских военнопленных, привезли в Бухенвальд.

К апрелю 1942 года осталось в живых 600 человек. 1 Мая погибло еще 49 товарищей.

Ко дню освобождения из 2500 человек нас осталось десять».

К. Руденко.

Около десятка газет видела я у Сиваченко. Сохранился и другой уникальный документ: рукописная книга, изданная бывшими военнопленными Бухенвальда таким же способом, на светографе. Листаю ее страницы. Вот рисунки Ивана Новика. Ребенок у горы трупов, узники, впряженные в упряжку, везут штабели мертвых тел. Расстрел заключенных...

Собраны в книге и рассказы о мужестве, об организаторах саботажа на военных заводах, о борьбе, которую патриоты вели всюду. Есть там и стихи, ходившие по рукам, многие знали их наизусть.

19 апреля оставшиеся в живых узники Бухенвальда пришли на аппель-плац, куда столько раз сгоняли их фашистские палачи. Приспущены национальные флаги, звучит траурная музыка, медленно идут шеренги людей.

В тишине тысячи голосов на разных языках скандируют слова клятвы: «Мы, антифашисты, бывшие заключенные концлагеря Бухенвальд, собрались на траурный митинг, чтобы почтить память умерщвленных фашистской бестией в Бухенвальде и его командах пятидесяти одной тысячи (теперь известно: 56 тысяч) заключенных.

Пятьдесят одна тысяча отцов, братьев, сыновей приняли мучительную смерть потому, что они были борцами против фашистского режима убийц.

Мы имели одну мысль: наше дело правое, победа будет за нами!

Мы, все национальности, проводили жестокую, беспощадную обильную жертвами борьбу!

И эта борьба не закончена! Гитлеризм не окончательно уничтожен.

...Мы клянемся перед всем миром, на этом аппель-плацу, на этом месте ужасов, творимых фашистами, что мы прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судьями народа!»

...И мы, живущие сегодня, тоже повторяем вслед за пережившими ад нацизма: это никогда не должно повториться!

М. Савицкий. Род. 1922. ХЛЕБ НОВОГО УРОЖАЯ. 1979.

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

А. Левитин. Род. 1933. ВЕЧЕР В САЯНСКИХ ЧЕРЁМУШКАХ. 1979

XIV выставка произведений членов Академии художеств СССР

Я ОПЯТЬ ВОЗВРАТИЛСЯ В ЮНОСТЬ

Максим ТАНК

●

Прописали покой
И какие-то капли,
Запретили ходить...
Но что я вижу!
Сорвалась с крюка моя шапка,
За ней покинул вешалку плащ,
А за плащом
Тихо двинулись к двери
Мои старые друзья —
Дорожный посох
И стоптанные сапоги.
Куда это они?
С трудом догнал их
На знакомой дороге,
Ведущей к Нарочи.

●

У меня и у реки
Одна судьба.
Только я, плывя к небосводу,
Могу одновременно двигаться
И против течения.
Вот и сегодня
Я опять возвратился в юность.
И слушаю
Давно отзвучавший
Звон рассветного жаворонка
Над полевой дорогой.

ВЕРНОСТЬ

Должно быть, ваятель, который
Запечатлел ее в мраморе,
Клятвенно обещал,
Что скоро к ней возвратится.

Пробежали дни,
Прошли месяцы,
Прошествовали годы.
Она неизменно ждет.

Даже когда надрывались
Сирены воздушной тревоги
И все устремлялись в траншеи,
Спускались в бомбоубежища,
Она, как положено верным,
Оставалась на месте.
Когда уходили многие
Из горящего нашего города,
Она не спешила к вокзалу,
Не желала эвакуации.

И даже когда захватчики
Закричали ей: — Хенде хох! —
И автоматной очередью
Полоснули ее по груди,
Она в глаза им глядела,
Не поднимая рук.

Не зря к постаменту статуи,
К ногам бессмертной богини
Кто-то кладет ежедневно
Свежую розу.

●

Разумнее всех многомудрый дуб,
Которого не могут обмануть
Нетерпеливые скворцы
или жаворонки,
Побуждающие его зазеленеть
преждевременно,
Подобно березам и вербам,
Как я, легковерным.

О, сколько раз
Неожиданный северный ветер
Остужал их листву
И мои ноги!
Но и сегодня
Мы, как прежде,
Раньше других
Встречаем весну.

●

На счастливом месте
Стоит наш дом —
Пять дорог расходятся
От его порога,
Пять дорог встречаются
У его крыльца.

Одна ведет на Восток,
К материнскому лону России,
Другие — к четырем
Любимым сестрам:
К Украине, к Литве,
К Латвии, к Польше.

Пять дорог дымятся,
Когда гости едут
В памятную пору,
В праздничные дни.

Пять буханок хлеба
Мы гостям выносим
На льняных, расшитых
Тонких рушниках.

Пять застольных песен
Вторят песне нашей,
Пять застольных песен
О большой родне.
На счастливом месте
Стоит наш дом.

●

Дожди идут затем,
Чтоб вспенились ручьи,
Луга цветут, чтоб вновь
Вспорхнули пчел рои.

Свет солнца дан Земле,
Чтоб колосилась вся,
Чтоб в жизни мы с тобой
Не разминулися.

Дождям и солнцу рад
С младенческих времен,
Где я ни встречу их,
Отвешу им поклон.

ВЕСНОЙ

Асфальт. Асфальт. Асфальт.
Я чуть не забыл,
Что еще существует живая земля,
По которой протопало
Мое босоногое отрочество.
И вдруг сегодня
Послышался мне
Чей-то знакомый голос.
Остановился.
А это,
Пробив асфальтовую твердь,
Залпом весенней травы
Мне салютует весна.

АННА

Тебя б давно назвали
Известные поэты
Богиней, чаровницей,
Офелией, Джульеттой.

Я рад, что ты зовешься
Совсем обычно — Анна,
Что в сердце, словно эхо,
То имя — непрестанно.

И в час, когда идешь ты
С полей, пропахнув мятой,
И в час, когда смолкает
Твой шаг, почти крылатый.

Я рад, что ты со мною,
Обычная, земная,
И не отдам тебя я
За все посулы рая.

●

Условились —
Не волноваться,
Не сердиться,
Не ревновать,
Когда кто-либо из нас
Задержится на работе
Или у друзей.

Хотя уже полночь,
Я впервые чувствую себя
Так хорошо.
Не о чем беспокоиться.
Только никак не найду
Нужные таблетки.
Куда же подевался
Валидол?

●

Правда бывает не очень пригожая,
Босая, она неказиста на вид.
А кривда, выхоленная, ухоженная,
Как нож убийцы, блестит.

●

Можно спастись от стужи,
Разложив костер,
От ливня,
Укрывшись под навесом,
От гриппа,
Приняв соответствующие таблетки,
От несправедливости,
Обратившись в суд,
От землетрясения,
Выбежав из дому.
Но никто не знает,
Как уберечься
От безжалостных расхитителей времени —
Многосерийных фильмов.

●

Когда потомки будут
(А они порой любят этим заниматься)
Подсчитывать, сколько раз я ошибался
В любимых, в друзьях,
В направленье дорог,—
Пускай учтут:
Жизнь человеческая
Так ошеломляюще коротка,
Что на исправление ошибок
Уже не хватает времени.

●

— Я царь. Могу,— хвалился Меч,—
Снять голову любую с плеч.

— А я Стило. Могу убить.
Но ведь могу и воскресить.

САМОКРИТИКА

Я знаю, что страшно отстал
От запросов нашего времени:
Дольше всех донашивал широченные брюки,
Последним голосовал за мини-юбки,
Я и поныне еще не усвоил,
Как надо завязывать модный галстук,
Не отрастил и длинных волос,
Не научился мгновенно менять свои взгляды,
Обладаю старым пороком сердца,
Продолжаю писать
В реалистическом стиле.

Поэтому вам и незачем
Слушать меня.

●

Было одиноко
В моей конуре,
Пока не прилетела птица,
Напомнившая о тебе.

Было глухо во всем городе,
Пока не послышались
Твои шаги на крыльце.

Было холодно
На всей земле,
Пока не повеял ветер
С твоей стороны.

Было сумрачно
Во Вселенной,
Пока ты не положила ладони
На мои глаза.

●

Спокон веку
Изучаем галактики
И пока что нигде,
Кроме нашей Земли,
Не обнаружили
Признаков жизни.

Но если и вправду
Человечество так одиноко
В бескрайней Вселенной,
Как же должны мы с тобой
Дорожить нашей дружбой!

Перевел с белорусского Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

КОСТРОВЦЫ ИД

Марк БАРИНОВ

ФОРМУЛА ПОБЕДЫ

У педагогов существует такое понятие — качество знания: это процент всех «хорошистов» и «отличников» от общего числа учащихся. Два года назад у костровцев он составлял 19 процентов. Поэтому школа и занимала то самое «коронное» место. Прошлый учебный год закончили гораздо лучше — 36 процентов, а к финишу нынешнего выходят на еще более высокий рубеж. Сравните: школа — рекордист страны имеет показатель качества 50 процентов.

И вырисовывается такая вот схема: четыре года назад, в день открытия XXV съезда КПСС, начала свое существование производственная бригада костровской средней школы. Далее, два года шла упорная борьба за становление новой формы взаимоотношений: учеба — производственный труд, школа — совхоз, детская беззаботность — взрослая ответственность и т. д. Шла, говоря военным языком, большая перегруппировка сил перед стратегическим наступлением. Внешне все оставалось по-прежнему, только трудностей прибавилось да маячили впереди все те же 19 процентов. А потом начался стремительный рост — в становлении бригады, во взрослении вчерашних акселератов и, как следствие, взлет в усвоении школьных наук.

Как же все это происходило и происходит? Прорастание психологии трудовых отношений членов бригады в трудовое отношение к занятиям идет разными путями. И прямым, так сказать, воздействием: «Миша, комиссар не может быть троечником»,— заметила как-то Наталья Федоровна. И комиссару этого оказалось вполне достаточно, чтобы быстро и решительно перестроиться. Ведь и в самом деле, не имеет права комиссар быть троечником!

Но прямые назидания в общем-то и не требовались. Очень сильно действовало то, что, работая на ферме, ребята остро ощутили, как серьезно, с какой отдачей приходится трудиться человеку, чтобы достигнуть хороших результатов. И как глубоко презирает рабочий коллектив лодырей и лентяев. Такая трудовая психология, естественно, проецируется на отношение к любому делу, в том числе и к учению.

А еще школьники столкнулись с совершенно неожиданным для них явлением: с уважением взрослых к их «учености». Ведь большинство совхозных рабочих учились в те времена, когда у нас в стране еще не было всеобщего полного среднего образования. Имея за плечами от четырех до восьми классов, они гордятся своими юными товарищами и глубоко уважают их и за знания и за отношение к труду.

Руководство совхоза тоже относится к школьникам-рабочим по-особому уважительно. Совет бригады и школьный комитет комсомола вполне на равных обсуждают с директором совхоза жизненно важные дела костровцев.

Так возник в школе новый психологический климат, более серьезное и ответственное отношение к занятиям.

Итак, открытие костровцев, сразу поднимающее их школу на новый уровень, заключается прежде всего во включении молодого человека в постоянный ритм производственных отношений, со всеми вытекающими отсюда психологическими, экономическими, правовыми последствиями.

Но, заметим сразу, это вовсе не значит, что ребят прямо со школьной скамьи запрягают в производство, заставляя их «вкалывать» наравне со взрослыми полный трудовой день.

Производственная бригада — это комсомольцы, то есть все учащиеся восьмых, девятых, десятых классов. Кстати, любопытный штрих: недавно представитель министерства, проверяя школу, спросила восьмиклассников с нажимом: «А бригада у вас добровольная? Вы голосовали за нее?» Ответ был таков: «Нет. Зачем нам за нее голосовать? За бригаду голосовали наши старшие товарищи, когда начинали дело. Теперь бригада — наша комсомольская традиция!» «Какие они у вас раскованные в обращении... Прямо как настоящие рабочие! И все, как один, стоят за бригаду!» — заметила потом строгая дама Мартьяновой. «Именно такими бригада их и воспитывает!» — ответила Наталья Федоровна...

Так вот, производственная бригада насчитывает примерно девяносто — сто школьников. Работают они звеньями, по четыре человека. Утром и вечером. Утренняя смена — два мальчика и две девочки из девятого класса, вечерняя — мальчик и девочка из десятого и мальчик и девочка из восьмого. Дежурство этой пары звеньев продолжается неделю, затем на вахту заступает другая пара таких же звеньев. Работа, выполняемая вахтенными,— это норма одной телятницы. Таким образом, ежедневная нагрузка каждого вахтенного составляет восьмую часть нормы взрослого рабочего. В течение года нагрузка на учащегося, выходит, незначительна, вполне посильна.

Все, что происходит в телятнике, каждодневно волнует всех — не только членов бригады, но и малышей, которые ждут не дождутся приобщения к взрослому делу. Практически руками восьми своих товарищей на ферме ежедневно трудится вся школа.

Так бригада, ее жизнь, ее заботы связывают взрослых, подростков и совсем маленьких ребятишек в единую семью.

НИЧЕГО ОСОБЕННОГО

Возглавляет бригаду десятиклассник Миша Зямзин. Ребята решили: он будет называться не командиром, а комиссаром. Это не только дань романтике. Комиссар — самое точное слово для бригады, в уставе которой есть такие слова: «Основная задача ШПБ — всемерно способствовать воспитанию достойных граждан СССР, активных строителей коммунизма».

Отец Миши — тракторист. Сам он тоже окончил тракторный класс (есть такой в школе). И выпускники уже решили: все мальчики после окончания десятилетки остаются в совхозе механизаторами. Никакой работы среди ребят по этому поводу специально не велось. Их желание — естественный результат деятельности бригады.

— В Мише я уже сейчас ясно вижу все задатки руководителя. По уму, хозяйственной хватке, знаниям. Он немногословен, но авторитет у него непререкаемый,— сказала мне Наталья Федоровна.— Однако дело не в одном Мише. Главное то, что в нашей школе, которая, можно сказать, еще вчера была самой плохой в районе, выросли такие замечательные ребята, такие вожаки, как Миша Зямзин, Марина Рыбакова, Таня Ртищева.

О Марине, секретаре комсомольской организации школы, упоминала районная газета «Ленинский путь». В ней рассказывалось о поездке костровцев в обком КПСС.

«Трудно, Марина, управляться с комсомольцами, с работой школьной производственной бригады?» Марина Рыбакова, секретарь комитета ВЛКСМ костровской средней школы совсем не чувствовала в кабинете первого секретаря обкома партии Василия Ивановича Конотопа никакой скованности. Ответила, чуть тряхнув непокорной челкой: «Нет, сейчас уже не трудно!»

За этим коротким ответом скрывались такие проблемы и заботы, о каких не приходится думать секретарям комитетов комсомола многих других школ: отношения в бригаде, взаимоотношения с рабочими в совхозе, с руководством... И один из главных вопросов, который не дает покоя секретарю, это судьба девушек-выпускниц: куда после школы? Ведь ни одна из них не останется в селе. И совсем не потому, что не хотят... (Но об этом разговор впереди, а сейчас хочу сказать: убежден, что эти мысли, заботы очень способствуют внутреннему росту девятиклассницы Марины Рыбаковой.)

Знакомя меня с Таней Ртищевой — старшей пионервожатой, Наталья Федоровна заметила, что ей, директору, редко приходится вмешиваться в дела октябрят и пионеров. Потому, что Таня — мастер своего дела. Мартьянова говорила мне, что вообще «совершенно не вмешивается» в дела своих помощников. Сперва я удивлялся: почему же тогда она чуть не каждый день допоздна засиживается в школе? А потом понял: очень приятно Наталье Федоровне, что за эти годы появились у нее надежные и верные помощники, что есть ей теперь на кого опереться. Отсюда и преувеличение: «Не вмешивается!» Да есть ли такое дело, в которое бы она не вмешивалась?

Трудовой ритм бригады влияет и на самых младших. С первого класса тут все привлечены к трудовым делам. А как же иначе, если Таня, которая задает тон у малышей,— ветеран бригады?! Она, бывшая школьница, прошла все самые сложные этапы становления этого коллектива.

Да, и у октябрят полно забот. Постоянная работа в звездочках: командиром, хозяйственником, санитаром, библиотекарем. Причем по очереди. Проходит определенное время, и командир становится, скажем, библиотекарем, а санитар — хозяйственником. Это пока тренировка на самостоятельность, на умение работать в коллективе. Сами октябрята относятся к своим обязанностям всерьез.

У пионеров тоже много интересных дел. Они воссоздают боевую историю родных мест. Собирая реликвии и документы, ребята организовали Музей боевой славы и теперь продолжают его пополнять. Они познакомились в Кострове и соседних деревнях со всеми ветеранами, записывают их военные воспоминания, приглашают на встречи со школьниками. А над теми, кто по возрасту или состоянию здоровья нуждается в помощи, взяли тимуровское шефство. Школьники отыскивают мо-

Окончание. См. «Огонек» № 11.

УТ В БУДУЩЕЕ

гилы земляков, павших на долгом военном пути, чтобы ухаживать за ними так же заботливо, как за могилой на окраине Кострова. Их родное село освобождала в годы войны 36-я стрелковая бригада. Ее ветераны побывали в гостях у костровцев, и трудно сказать, кто кого слушал с бо́льшим вниманием: следопыты — рассказы бывших воинов или ветераны — рассказы пионеров об их поисках, связывающих настоящее с прошлым и будущим...

А бывают у школы такие дела, такие дни, когда все шумное Танино войско вместе со старшеклассниками выходит на авральные операции. Такие, например, как «Сурепка» и «Урожай».

Сурепка, этот симпатичный желтенький цветочек, — страшный сорняк. В операции «Сурепка» особенно отличаются октябрята. Набирают огромные букеты. Они так по букетам и соревнуются: у кого больше цветов, тот и работал лучше. А вот операция «Урожай» — это осенний аврал. Тут поднимаются все. Картошка!..

Много хороших людей встретил я в костровской школе. Большинство из них работало здесь и тогда, когда школа слыла худшей в районе. Просто в то время не было человека, который сплотил бы на общее дело и разбудил бы лучшее в их душах. Теперь этот человек есть: директор.

...Завуч, Галина Ивановна Будаева, долго растолковывала мне, каким образом она перестроила уроки математики. Дома ребята сами исследуют алгебраические функции, а потом на уроке всем классом «добирают» истину. И я понял, что принцип урока-дискуссии Мартьянова стремится внедрить не только в преподавание гуманитарных предметов.

А потом завуч рассказала, какие важные перемены произошли в педагогической деятельности благодаря тому самому новому климату, что установился в школе, новому отношению к труду. Здесь ведется научно-практическая работа по совершенствованию мастерства учителя. Педагоги обсуждают методику проблемного преподавания, упорно добиваются выработки навыков самостоятельной работы на уроках. Делают творческие отчеты о своем труде. И главная тема этих отчетов: «Развитие познавательной и творческой активности учащихся в процессе обучения».

Если вы посетите костровскую школу, то сначала решите, что здесь вроде все, как везде. Но, познакомившись с ее жизнью досконально, увидите, поймете, почувствуете главное, что отличает костровцев. Любое дело здесь отмечено высокой осмысленностью, серьезностью, ответственным отношением даже к мелочам.

«КОРОВИЙ СЮЖЕТ»

— Вот корова печальная... — Галина Васильевна, учительница рисования, показывает мне еще один яркий листок. — Если подходить строго, художник, конечно, допустил тут немало вольностей. Например, ноги у коровы устроены как-то «не так», но она и правда — печальная! Он ее и задумал такой, — поясняет моя собеседница и достает все новые рисунки.— Здесь работы и малышей и старших, а недавно вот пришли в студию бывшие выпускники школы. Попросили организовать кружок и для них...

Сюжеты рисунков самые разные: натюрморты, старинные избы с наличниками, но больше всего «коровьих сюжетов». Коровы в поле, одинокая корова, множество всевозможных телят.

«Вы что, специально рекомендуете им этот животноводческий сюжет?» — спрашиваю я. Галина Васильевна возражает: «Нет, это их собственное пристрастие. Вы и представить не можете, какое место занимает трудовая бригада в душах ребят!»

Галина Васильевна — местная. Училась в Москве, в педагогическом институте имени В. И. Ленина, на художественно-графическом факультете. Выпускница одного из лучших учительских вузов страны могла выбрать местечко «потеплее», «покомфортнее», хотя бы и в Москве. Но Галина Васильевна мечтала о маленькой деревенской школе, где так удобно экспериментировать.

Потом она рассказывала о своих любимых малышах: они обладают такой поразительной врожденной способностью передавать эмоциональную атмосферу сюжета, что эту способность вполне можно приравнять к большому таланту. И пригласила посмотреть некоторые работы. В коридоре висят два рисунка. На обоих лес. Но какие это разные леса! Один — светлый, веселый. Другой — мрачный, таинственный. И удивительно, что при такой пронзительной эмоциональной точности рисунки в остальном были абсолютно «нормальные» детские, беспомощные по части мастерства. Но все это вовсе не умаляло первого сильного впечатления.

— Я им рассказала сказку про веселый лес гномов, а потом про страшный лес Бабы-яги и попросила изобразить все это, — заметила Галина Васильевна. — Уверена, что это важно: искать возможности каким-то образом фиксировать, закреплять раннюю «эмоциональную гениальность».

С утра она преподает рисование в школе. А во второй половине дня переходит через дорогу, в Дом культуры, где в большой комнате расположилась ее студия — тоже для школьников. Здесь ребята трудятся, не считая часов, благо нет звонков на переменки. Увлечены и младшие, и старшие, и руководитель. Работают гуашью, маслом, акварелью. Шьют кукол для школьных спектаклей. Сами же пишут пьесы, в которых немало «коровьих сюжетов». Увлекаются художественным ткачеством. Совершают многодневные походы (пешком и на велосипедах) на натуру.

Даже само здание школы для юных художников — объект творческих поисков, экспериментов, находок. В холле вас встречает яркое радостное панно из обливной мозаики — во всю стену. А на втором этаже я долго-долго стоял перед удивительной настенной росписью: «Кострово в двухтысячном году». И не знал, чему больше удивляться: любви к родному селу или фантазии, спаянной с архитектурным расчетом, или эпической манере исполнения — в картине ясно просматривались древнерусские традиции.

Вообще ни одна деталь оформления школы, будь то стенд, лозунг или просто табличка-указатель, не минует строгого контроля художников во главе с Галиной Васильевной, тщательно следящих за тем, чтобы не нарушался стиль, общий замысел интерьера. «Ведь это тоже — воспитание, — заметила моя собеседница, — ненавязчивое, порой даже примелькавшееся, как будто и не замечаемое, но обладающее большой силой!»

Очень здорово, что в костровской школе есть художественная студия, есть Галина Васильевна Никифорова! Бригада и студия — два союзника в воспитании юных граждан.

Изостудия в школе.
Фото И. Тункеля

ИХ МЕЧТЫ

Костровские ребята мечтают... Мечтают о культуре производства, о полной механизации, о гигиене труда и эстетике. И мечты эти порой... раздражают некоторых взрослых: «Что им надо, детишкам?»

Детский, подростковый, юношеский максимализм. Сколько хлопот доставляет взрослым это неудобное возрастное явление: «Я сам!», «Не хочу ждать!», «Не хочу терпеть!», «Желаю немедленно!». А максимализм в отношениях?! У них ведь или «да», или «нет»! Середины не бывает. Но нельзя ли, чтобы это неудобное свойство юности работало на общее благо? Взаимоотношения бригады и совхоза в Кострове дают в этом отношении повод для размышлений.

Ребята, приобщившись к совхозному труду и руководствуясь здравым смыслом (научились у Мартьяновой!), начинают задавать «неприличные» вопросы: почему в телятниках нет полного цикла механизации? Ведь именно из-за этого уходят из села девочки после окончания школы — не хотят работать по старинке! Почему, случается, нарушают трудовую дисциплину взрослые? Почему норовят порою низвести бригаду на положение подсобного подразделения? Почему не прислушивается администрация совхоза к требованиям жителей некоторых деревень: добиться постройки хорошей дороги от Кострова к их «глубинке»?..

Да, ребята задают вопросы и не хотят ждать, терпеть, «принимать во внимание». Это очень хлопотно и, прямо скажем, неудобно для администрации совхоза. И надо отдать должное ди-

ректору Анатолию Андреевичу Сухинину за его долготерпение к столь беспокойным сотрудникам. А может быть, дело не только в долготерпении. Может быть, понимает директор: в главном школьники правы! Да, нужны и механизация, и гигиена, и эстетика! Но вот ребячье нетерпение... Максимализм? Что ж, и это неплохо: стимулирует к поиску, к размышлениям, к действиям! Конечно, только взрослым умам присуще умение планировать, реализовать длительное волевое усилие. Зато ребята в таких стратегических делах трубачи и барабанщики! Очень беспокойное подразделение! Но и очень нужное. Наверное, это хорошо понимают коммунисты совхоза. Отсюда и директорское долготерпение...

Школьная бригада вносит свежую струю во многие стороны жизни Кострова. Недавно Марьянова провела среди родителей старшеклассников анкету. В ней был только один вопрос: «Ваше отношение к участию вашего ребенка в работе?» А вот ответы:

«Считаем, что труд облагораживает ребенка. Желаем, чтобы наш сын учился и трудился на благо Родины.— Ровные, рабочие-строители».

«Трудовое воспитание в школе устраивает нас, родителей.— Шепелевы, тракторист и телятница».

«Моя дочь очень довольна работой на ферме. Приходит с работы и говорит: «Мама, они такие маленькие!» (телята). Вижу — моя дочка относится с душой к делу. Сама ставит будильник, чтобы не проспать по утрам...— Худошевская, бригадир-полевод».

«Считаем, что трудовое воспитание в школе необходимо. В школе эта работа поставлена грамотно, но на фермах необходима механизация.— Титовы, слесарь и культработник Дома культуры».

«Все правильно. Вообще надо их больше приобщать к труду, к помощи нашему совхозу.— Зямзины, тракторист и работница почты».

Это голоса родителей, их мнение. А как относятся к бригаде остальные работники совхоза? Они хорошо знают, как такое сотрудничество подтягивает, поднимает лучшее в душе.

Все заметнее сказывается влияние бригады и на демографию Кострова и окрестных деревень. Если за первые пять лет существования школы на селе осталось всего три ее питомца, то теперь у выпускников уже нет «охоты к перемене мест». В прошлом году почти все выпускники-юноши остались в родных местах. И в нынешнем никто не выразил желания уехать. А девочки... Можно надеяться, что будут, наконец, созданы условия труда, отвечающие времени, тогда и девочкам незачем будет уезжать из Кострова.

...Так в чем же все-таки основной смысл опыта костровской школы? Конечно, в том, что повысились успеваемость, дисциплина, улучшилась общественная работа. Но и вот еще в чем: стены школы покидают теперь совсем другие люди. Юноши и девушки, прошедшие трехлетний трудовой цикл, более осмысленно, более сознательно и ответственно входят в жизнь.

Костровская школа и **научила и воспитала**, как и положено **школе**.

Евгений **РЯБЧИКОВ**

РАБОЧИ

Самолет взял курс на Волгу, в Горький, и хотя от Москвы лета совсем немного, все же представилась возможность нам вспомнить былое и как бы совершить полет в детство.

— А ты помнишь?..— Федоров заговорил о походах по рощам и оврагам вокруг старого Нижнего Новгорода, о первых юннатских наблюдениях в кустарниках Мызы.

— А ты помнишь?..— заторопился я.— Помнишь тот рассветный час, когда после выпускного школьного вечера мы вышли на Волгу, стояли на Откосе, смотрели в заречные дали и мечтали о будущем?..

Реактивный самолет уже развернулся над Волгой и шел на посадку. В иллюминаторе показались венценосный Откос, башни кремля, суда на реке, и вот мы в объятиях друзей. С ними пошли в свою школу, в свой класс, сели за парту, и я заметил, как повлажнели глаза академика, Героя Советского Союза Евгения Константиновича Федорова. Здесь, в этих стенах, зарождались его мечты и планы. Здесь определил он цель своей жизни, решив стать естествоиспытателем.

Школьники, преподаватели, студенты, переполнившие аудитории, восторженно слушали рассказы академика о его жизни, и многим казалось неправдоподобным, что перед ними выступает тот Евгений Федоров, который вместе с легендарным Папаниным трудился на Северном полюсе.

Протянулась тоненькая рука школьницы:

— Скажите, пожалуйста, Евгений Константинович, вы сразу поехали на Северный полюс?

Шум в аудитории, улыбки, смех. Нет, конечно, не сразу. Е. К. Федоров рассказал, как он после окончания школы год проработал радиотехником — долгими часами трясся на телеге по области, оберегая от толчков катодные лампы, и устанавливал в избах-читальнях радиоприемники. В деревнях собирались толпы, наблюдавшие за тем, как Федоров снимал с телеги большой деревянный ящик с несколькими ручками, черный лакированный громкоговоритель с изогнутым в форме лебединой шеи рупором, громоздкие батареи.

— Много часов, а то и несколько дней нужно было возиться на глазах большой группы добровольных помощников и отпускавших ехидные замечания скептиков,— рассказывал Е. К. Федоров.— Не верили в то, что можно будет слушать голос Москвы.

Только умолк Федоров, как взметнулась другая рука:

— А что влекло вас к радиотехнике?

— Если хочешь работать в экспедиции, должен знать радиотехнику,— разъяснил академик.— Я присоединился к Нижегородскому обществу радиолюбителей. Нижегородская радиолаборатория была не только первым очагом современной радиотехники в нашей стране, но, объединив вокруг себя молодых людей и мальчишек, стала также первой базой радиолюбительского движения. Робко отправляя свои неуверенные точки и тире в эфир, я не подозревал тогда, что через несколько лет буду дублировать знаменитого радиста Эрнста Теодоровича Кренкеля.

А тут уже новые вопросы. Их много. И про Северный полюс, и про первые метеорологические ракеты и метеорологические спутники, и о климате 2000 года, и будет ли новый ледниковый период, и, конечно, всех интересовало, как дальше складывалась жизнь Федорова после окончания школы.

Я помню то время: он уехал из Горького, стал студентом физического факультета Ленинградского университета, избрав при этом геофизическую специальность: она открывала перед ним пути-дороги в дальние экспедиции. После третьего курса Евгений Константинович занялся поисковыми работами на Среднем Урале: ему поручили как руководителю партии вести по программе Генеральной магнитной съемки страны работу на большой территории. То верхом на коне, то на вертлявой лодчонке пробирался он тайгой через горные увалы. В дождь и ветер, в суровых условиях осваивал Федоров профессию геофизика-магнитолога. Его работа была признана хорошей, и по окончании университета ему предложили вести Генеральную магнитную съемку. Он мог остаться и в аспирантуре, но его интересовали полярные экспедиции. И дело тут не только в том, что очень уж романтическим выглядел труд полярников — плавания на небольших шхунах среди льдов, долгие зимовки на Новой Земле, Диксоне и на Вайгаче, встречи с белыми медведями... Федоров знал, как много загадок и тайн хранит Арктика, и их нужно раскрывать. А тут представилась возможность участвовать в работах Международного полярного года (1932—1933 гг.), да еще под руководством И. Д. Папанина и на наиболее трудной и ответственной в ту пору полярной станции на Земле Франца-Иосифа.

Арктика пленила Федорова. Здесь он обрел свое призвание ученого. В мире белого безмолвия нашел свое счастье. В только что вышедшей прекрасной книге «Полярные дневники» Е. К. Федоров с теплотой рассказывает о том, как во льдах зарождалась его крепкая и светлая любовь к Анне Викторовне Гнедич, которой и посвятил он свою книгу. В далекое теперь уже время к полярникам прибыл ледокол «Малыгин», и вдруг Федоров увидел, как от борта судна отошла шлюпка, а в ней была Анна Викторовна: она пришла с экспедицией профессора Вериго. Встрече молодых людей мешали авралы, тяжелая работа на разгрузке. Но иногда, сменившись с вахты, Федоров брал тузик — маленькую шлюпку, подгребал к ледоколу, Аня спускалась по шторм-трапу, и молодой ученый легко гнал шлюпку по бухте. Они подходили и к тому берегу, где стоял неумолчный гул огромного птичьего базара,— там высился мыс Рубин-Рок, обрывавшийся отвесными стенами в море. Молодые люди подплывали на тузике к зеленовато-голубым ледниковым стенам, и Аня, знавшая много стихов, читала их другу.

Дружба перешла в любовь. На мысе Челюскина Федоров зимовал уже с женой Анной Викторовной Гнедич-Федоровой. Здесь, как и на Земле Франца-Иосифа, руководил станцией Иван Дмитриевич Папанин.

Зимовки под его руководством имели большое значение для Е. К. Федорова — он осваивал полярные традиции и познавал тот особый «папанинский стиль» жизни, который неизменно приносил успех. Приглядываясь к трудолюбивому, талантливому молодому ученому, И. Д. Папанин оценил в Е. К. Федорове искреннюю любовь к науке и Арктике, глубину мысли, желание познать неизнаемое. В 1937 году Евгений Константинович, включенный в состав «папанинской четверки», готовился к полету на полюс.

Помнится, около тяжелых воздушных кораблей, стоявших в сугробах, я нашел тогда одетого в меха Федорова: он тщательно проверял, все ли погружено в самолет. Его, как и всех, беспокоило состояние раскисшего под мартовским солнцем летного поля Центрального аэродрома. Весна надвигалась, и всей воздушной армаде нужно было возможно скорей выбираться в Арктику. В свободную минуту, усевшись на ящике, вспомнили мы с Евгением Константиновичем давние школьные годы и недавнее время, когда накоротке встречались в старом угрюмом здании торговых рядов в Рыбном переулке, что между улицами Куйбышева и Разина,— там, в тесноте, в комнате, с низкими потолками и большим ок-

Й СТОЛ — ПЛАНЕТА

Академик Е. К. Федоров.

ном, начинавшимся прямо от пола, располагался штаб И. Д. Папанина. Тогда казалось невероятным все то, что было намечено и к чему готовилась четверка, хотя в Москве уже была поставлена в театре пьеса прославленного полярного летчика Михаила Васильевича Водопьянова «Мечта пилота». На сцене предстало все, что проектировалось осуществить в экспедиции на Северный полюс. Пилот в своей мечте оказался провидцем. Я был на спектакле — в Москве только и говорили о нем. Мечта приблизилась к реальности, когда по Большой Калужской улице прошла к Теплому Стану полуторка с Папаниным в кабине, Ширшовым, Кренкелем и Федоровым в кузове,— они сидели на вещах и ящиках с приборами. Папанинцы проехали мимо строившегося тогда здания ВЦСПС и, наконец, остановились в Теплом Стане. В ту пору это было далекое Подмосковье. Здесь началась репетиция жизни на льдине. Поставили палатку, поставили мачты радиостанции Кренкеля, водрузили на место метеорологические приборы Федорова.

Обо всем этом вспомнили мы с Евгением Константиновичем в тот пасмурный мартовский день, когда близилось время старта. На аэродроме не было Анны Викторовны — она осталась в Ленинграде: ждала ребенка. Федоров, скрывая волнение, сказал:

— На полюсе узнаю: мальчик или девочка. Аня очень волнуется за меня, ей поэтому и лучше быть в Ленинграде.

Первой пошла на взлет флагманская машина Водопьянова. Из-под ее огромных колес фонтанами полетели потоки мокрого снега и талой воды. Папанинская четверка забралась в корабль летчика Алексеева. Перегруженный самолет долго не мог оторваться от раскисших сугробов. Пилот два раза повторил длинные разбеги по аэродрому. Я смотрел, и сердце замирало: неужели у моторов не хватит сил вытащить воздушный корабль в небо? Но вот и он, натужно ревя моторами, тяжело поднялся и стал набирать высоту.

О рождении сына Федоров узнал на полюсе. Журналисты многих газет на Большой земле с восторгом обыгрывали то, что в свидетельстве о рождении сына указывалось: «Место работы отца — Северный полюс». Работа на вершине планеты закалила Федорова. Он и раньше, зимуя на Земле Франца-Иосифа и на мысе Челюскина, знал, что значит непроглядная темень полярной ночи, рев снежной бури, перехватывающий дыхание мороз. Но жизнь на дрейфующей станции принесла и другие тяготы — грохот надвигавшихся торосов и появление в лагере предательских трещин и промоин. Но что бы ни случилось, Федоров, как и все папанинцы, нес свою суровую вахту, и в установленное время Большая земля регулярно получала метеосообщения.

Там, где сходятся меридианы, Федоров стал задумываться не только о проблемах освоения Арктики, но и всего земного шара, о взаимодействии атмосферы с океаном, об особенностях арктического климата и о далеком прошлом Крайнего Севера, когда на месте льдов пышно развивалась тропическая растительность. Слишком много тайн и загадок в Арктике. И уж сплошным «пятном тайн» представляла тогда Антарктида. По существу, весь земной шар являл «клубок тайн». Поэтому так и необходимо, думал Федоров, разрабатывать комплексные, глобальные по масштабам, стратегические планы познания планеты, вооружения ученых совершенной техникой.

Мечты и планы, что вынашивались там, во льдах, на полюсе, обрели реальность, когда Е. К. Федорову поручили руководство всей гидрометеорологической службой страны. Мне посчастливилось летать с академиком Е. К. Федоровым на «самолетах-обсерваториях», исследующих метеорологические процессы и начинавших первые эксперименты по искусственному воздействию на облака и начиненные градом тучи. Я поднимался с ним на высоченную метеорологическую башню в Обнинске, знакомился с новейшей аппаратурой Гидрометеоцентра, и перед взором открывалась удивительная панорама коренного научного и технического «перевооружения» обсерваторий и станций, внедрения новой методики и воспитания новых кадров.

С именем академика Е. К. Федорова ныне связаны экспедиции в Арктику и Антарктиду, запуски метеорологических и геофизических ракет, создание самолетных «летающих обсерваторий». Он стоял и у истоков космической метеорологии. Его труд и воля воплощены в метеорологические спутники, и в корабли науки, и в электронику, и вычислительную технику, и в новейшие средства связи.

Изучая планету, ее воздушную оболочку, ученые становятся все озабоченнее. В повседневной своей жизни люди не представляют себе, какую угрозу навлекает на себя человечество масштабом своих действий: громадные размеры всевозможных сооружений, величина преобразуемой доли земной поверхности, количество извлекаемых из недр ископаемых, мощность производимой и потребляемой энергии, загрязнение атмосферы и гидросферы отходами производства стали настолько значительными, что сравнимы со стихийными бедствиями. Углекислота, накапливаясь в атмосфере, заметным образом изменяет ее прозрачность.

— А это значит,— поясняет академик Е. К. Федоров,— что скопившаяся в атмосфере углекислота, подобно стеклу в парнике, задерживает тепловое излучение Земли в космос. Атмосфера разогревается, и чем дальше, тем сильнее.

Само существование человечества в течение длительного периода зависит от гармонии между обществом и окружающей средой. Люди должны понять, что атмосфера, как и океан, едина для всех: воздух над Альпами не отличишь от воздуха над Памиром. Не знают границ и течения в океанах. Поэтому так необходимо единение всего человечества в борьбе за жизнь на нашей голубой планете.

Так точные науки о Земле, вступив в сферу политики и общественных отношений, обратились к Разуму и Совести миллиардов людей. Простой, очень скромный, милый и мирный человек Федоров стал воинствующим рыцарем жизни и мира. Он одним из первых среди ученых забил тревогу в связи с созданием сокрушительного атомного оружия. Советское правительство настойчиво предлагало запретить испытания ядерного оружия, но США и их союзники всячески от этого уклонялись. Они потребовали изучить «проблему контроля» за возможными нарушениями соглашения. Е. К. Федорову вместе с группой крупнейших ученых СССР и социалистических стран было поручено доказать западным коллегам — противникам соглашения, что контроль вполне возможен и практически осуществим. Это и было сделано в 1958 году, после чего открылся путь к политическим переговорам. В 1974 году правительство СССР предложило всем странам заключить соглашение о запрещении воздействия на природную среду в военных и других враждебных целях (армия США уже проводила в 1966—1972 годах «метеорологическую войну» во Вьетнаме, стараясь вызвать дополнительные дожди, чтобы тем самым продлить распутицу на грунтовых дорогах и способствовать разрушению дамб). Е. К. Федорову с группой советских ученых было поручено выработать с американскими коллегами взаимоприемлемый проект соглашения, который уже вступил в силу.

— Мир — единственная возможная форма существования человечества,— убежденно говорит Евгений Константинович.— Важно объединить людей доброй воли, сплачивать ряды ученых, готовых бороться за мир, разрядку в международных отношениях.

Год назад, в феврале 1979 года, на Всемирной конференции по климату собрались крупнейшие ученые из многих стран. С первым докладом на этой конференции «Изменения климата и стратегия человечества» выступил Е. К. Федоров. Докладчик показал, что наряду с решением одной из актуальнейших задач современной науки — прогнозом изменения климата — человечество должно выработать долговременный план действий, дабы своевременно подготовиться к предстоящим изменениям климата или, что особенно важно, к предотвращению их.

Говоря о необходимости совместных действий человечества для сохранения своей планеты, академик Е. К. Федоров настаивал, что они возможны лишь при соблюдении нескольких обязательных условий, главнейшим из которых является установление прочного мира.

Знаменательно, что крупный ученый, занимающийся комплексным исследованием планеты Земля, академик Евгений Константинович Федоров стал председателем Советского комитета защиты мира, членом Президиума Верховного Совета СССР, видным партийным и государственным деятелем.

...Для иного семьдесят лет — много, а Федорову — мало. Он многое сделал за свою большую, трудную и сложную жизнь первооткрывателя. Но ему кажется, что он все еще в начале пути. Надо научиться управлять погодой. А как использовать глубинное тепло планеты? Что случится с климатом, если повернуть Обь и Печору или другие реки на юг? Проблемы, проблемы... Одна кардинальнее другой — и все взаимосвязаны...

Евгений Константинович полон оптимистической веры в торжество Мира, Разума, Науки, и, как прежде, планета для него — лаборатория, «рабочий стол» исследователя, родной дом.

ФАМИЛИЯ НАША — ПОНОМАРЕВЫ

Из нашей семьи в Великой Отечественной войне участвовали трое: отец, сестра и я.

1 июня 1942 года добровольно пошла в ряды ВМФ моя старшая сестра Таисия. Участвовала в боях в Сталинграде, на Кубани. Погибла 20 ноября 1943 года при форсировании Керченского пролива в составе 369-го отдельного батальона морской пехоты Черноморского флота.

Вот строки из ее дневника и писем домой.

1 июня 1942 г. Утром пришли в военкомат. Настроение хорошее. Нас ознакомили с предстоящей для нас дисциплиной.

9 июня 1942 г. Сегодня праздник. Нас зачисляют на действительную военно-морскую службу. Мы краснофлотцы. А было торжественно как! Зина, Лида и я в одном взводе. Хорошо.

13 июня 1942 г. Ведь я ушла из дома и ни с кем не попрощалась. Жалко папу, он очень хороший человек и никогда мне ни в чем не отказывал, и мама тоже меня жалеет, все старается для меня. Всех жалко, а вдруг последний раз виделись с ними, ведь еду в прифронтовую полосу — все может быть!

18 июня 1942 г. Праздничный день. Нас переодели. Стали настоящими краснофлотцами. Воротничок — гюйс, фланелька, тельняшка — морская душа, как красиво все! Все стали похожи друг на друга. Хочется на фронт, доказать извергам-фашистам, что мы, советские девушки, можем быть полезными, можем бить, уничтожать гитлеровских головорезов. Будем уничтожать, как уничтожают герои-севастопольцы.

22 июня 1942 г. Год, как идет Великая Отечественная война, год, как гитлеровские полчища напали на нашу советскую землю. А сколько за это время враги разорили городов, сел, домов. А сколько убито хороших молодых ребят и девушек, сколько стало сирот. Где-то оккупированы в Мариуполе на берегу Азовского моря мои родственники — бабушка старенькая, тетя Вера моя любимая..

2.8.1942 г. Привет из Сталинграда! Добрый день, дорогие мама, папа, Шура, Лия и Люся. Передаю вам свой чистосердечный боевой краснофлотский привет!

Мама, ты пишешь, что опять плачешь, что это такое? Не пойму. Города оставляют — это временно, придет время, и фашистские псы костей не соберут. Разобьем их. Не все сразу. А для этого надо лучше работать, лучше заниматься, больше давать продукции, и победа будет за нами. Ведь не может быть, чтоб советский народ был порабощен, чтоб кругом были эти изверги. Фашизм должен быть уничтожен, и он будет уничтожен.

Мама, не беспокойся, в Сталинград фашистов не пустим. Целую крепко всех, ваша Таиса

19 августа 1942 г. С каждым днем все больше и больше пожаров от бомбежки вражеских самолетов. Сегодня ходили сдавать кровь. Я донор! Хочется скорее поехать на фронт.

26 августа 1942 г. Живем в лесу. На правый берег реки Волги страшно смотреть — одни развалины,— вот фашисты что наделали! Придет время — ни одного фашистского выродка не останется на нашей земле!

11 октября 1942 г. Сталинград все время горит. Идут упорные бои. Раз я пошла добровольно во флот служить, значит, должны пустить и на фронт. Это моя идея, и я этого во что бы то ни стало добьюсь. Изучаю револьвер, пистолет, повторяю сан. дело.

Таисия добилась своего — попала на фронт.

Добрый день, дорогой отец! Передаю тебе свой горячий краснофлотский привет и самое лучшее пожелание в твоей жизни и работе. Папа, что там мама такие печальные всегда письма пишет, как будто уже меня не увидит и т. д., что за новость — я ведь собираюсь с победой возвратиться домой, чему-нибудь научиться хорошему.

Но она не вернулась. Матери принесли извещение, в котором говорилось:

Ваша дочь ст. к/ф Пономарева Таисия Григорьевна в бою за социалистическую Родину, верная присяге, проявив геройство и мужество, убита 20.11.43 г., похоронена на побережье Керченского полуострова.

А всего за несколько дней до этого погиб наш отец. В «похоронке» сообщалось, что сержант Пономарев Григорий Васильевич, уроженец Ульяновска, в бою за социалистическую Родину, верный присяге, проявив геройство и мужество, был убит 8.11.43 года и похоронен в селе Малый Букрин, Ржищевского района, Киевской области.

Посылаю вам строки из писем отца.

15.8.43 г. Добрый день, жена Фрося и дочери Лия и Люся! Шлю вам свой фронтовой привет и желаю всего хорошего. Сообщаю вам, что я получил небольшое ранение в левую ногу. Это было 11 августа, так что, наверное, скоро пойдем снова на фронт. С боями продвигается вперед, на запад. Как только освободим Украину, так и домой придем.

Я пока жив-здоров, изучаю станковый пулемет. Сейчас у нас задача, кабы скорее выучить оружие и скорее закончить с Гитлером, тогда будем строить мирную жизнь, залечивать те раны, которые нам нанес Гитлер. Восстановим города, заводы, сельское хозяйство. И тогда заживем еще лучше, как жили до войны. Но только сломать рога Гитлеру — у нас пока одна задача.

26.10.43 г. Добрый день, жена Фрося, дочери Лия и Люся! Шлю вам свой боевой привет и желаю всего хорошего. Фрося, ты пишешь, что Люсю не усыновила — надо усыновить, пока находишься там, а то будет волокита. Если без меня или моей подписи нельзя усыновить, то напиши, что надо. Что нового, чем Люся занимается?

Люся — это девочка, которую наша семья в 1942 году взяла на воспитание из Ульяновского детдома. Ей было тогда пять лет. Сейчас она живет и трудится в Жданове, имеет свою семью, член КПСС, награждена орденом «Знак Почета».

В марте 1944 года добровольно отправился на фронт я, Пономарев Александр Григорьевич,— мстить за отца, сестру и за друга Костю Бирева, расстрелянного гестаповцами в оккупированном Мариуполе. Возвратился я в феврале 1945 года после тяжелого ранения.

Очень памятен для меня первый бой.

Утром 23 июня 1944 года был получен приказ о наступлении — началась знаменитая операция «Багратион». Мое отделение ПТР придавалось второй мотострелковой роте старшего лейтенанта Хабибулина. Кругом рожь высокая да вдали несколько деревьев и высот. Роте было приказано занять деревню Макаровщина. Когда мы стали располагаться на высоте, на нас обрушился шквал огня из автоматов, пулеметов, минометов. Я и комсорг роты младший сержант Брус решили остаться на высоте и удержать ее до прихода подкрепления.

Ночью к высоте подошла мотострелковая рота. Утром пошли в наступление и с ходу заняли деревню. За успешное выполнение заданий командования я был награжден орденом Красной Звезды, а младший сержант Брус — медалью «За отвагу».

Вскоре пришел заместитель командира батальона по политчасти капитан Чернопеский и сказал мне, что боевая характеристика есть, рекомендации есть — можно оформлять вступление в партию. Я написал заявление, и возле штабной машины меня приняли в члены партии. В этот же день был зачитан приказ о назначении меня на офицерскую должность — командиром взвода ПТР.

Итак, в первом бою произошло много памятных для меня событий: приняли в члены КПСС, наградили орденом Красной Звезды, назначили на офицерскую должность, да еще в этот день мне исполнилось 19 лет.

А. ПОНОМАРЕВ

Жданов.

Моя сестра Таисия Пономарева. Погибла в ноябре 1943 года при форсировании Керченского пролива.

Наш отец Пономарев Григорий Васильевич. Был пулеметчиком, парторгом роты. Убит в сорок третьем.

А это моя фронтовая фотография — Пономарев Александр Григорьевич. Был комсоргом роты, затем батальона.

Левый снимок сделан в Сталинграде 15 февраля 1943 года. На стене центральной лаборатории завода «Красный Октябрь» надпись: «Здесь стояли насмерть герои-таращанцы». Фотографию прислал в «Огонек» комиссар бывшего 1-го стрелкового батальона 253-го Таращанского стрелкового полка Тимофей Алексеевич Ромашкин из Цимлянска Ростовской области. Вместе со своими боевыми товарищами он выбил фашистов из этого здания.

На правом снимке — сам Тимофей Алексеевич после одного из боев за Сталинград в декабре 1942 года.

НАПИСАНО В СТАЛИНГРАДЕ

Посылаю письма, которые я писал жене со Сталинградского фронта.

ЧИЧЕЛАНОВ
Филарет Захарович,
член КПСС с 5 января 1920 года
Ровно.

7/I—43 г.

Варя, я здоров, нахожусь все там же. Ждем вот со дня на день решающей схватки с окруженной группировкой, чтобы окончательно ликвидировать засевшую здесь вражью шайку. Варя, если мы только ликвидируем эту группировку, то мы сразу окажемся в тылу, т. к. наши войска ушли уже на юго-запад и запад на 200—250 и 300 км от Сталинграда.

20/I—43 г.

Здравствуй, моя дорогая Варенька! Позавчера получил твое письмо и сыночкину записку с рисунком аэроплана и «катюши». Очень, очень был им рад.

Пишу из фрицевского блиндажа. Когда занимаем их блиндажи, то по траншеям масса трупов врагов. Ничего, фашисты узнают кузькину мать!

Ну, пока.

Целую крепко тебя с сыночкой.

Твой Филарет

20/I—43 г.

Милая и славная моя Варенька! Сейчас три часа ночи с девятнадцатого на двадцатое. Пишу это письмо в землянке, которую мы заняли два дня назад. Лампочка горит тускло. Сейчас стрельбы нет, но фрицы находятся в 300 метрах от нас, а поэтому спать всю ночь мне как зам. комроты не придется.

Позавчера я допрашивал двух пленных. Черти, а вернее, гады, несмотря на ультиматум советского командования о капитуляции и несмотря, что и хлеба получают 150—200 граммов, все же не сдаются. Как видимо, слишком сильно вбили в их башки, что они могут быть спасены. Ну что ж, черт с ними, пусть пеняют на себя.

Варя, сыночка Женя неплохо стал рисовать. Он самолет неплохо нарисовал. Открытки все твои получил. Спасибо, сыночка. Пиши чаще.

Ну, а пока привет, целую обоих крепко и горячо.

29/I—43 г.

Моя дорогая и славная Варенька! Пишу уже из г. Сталинграда. Бои продолжаются, фрицы хотя и сдаются, но есть еще и такие, которые продолжают сопротивляться.

Дорогая моя! Хотя и жалко, как разрушается такой прекрасный город, но важнее все же выкурить из всех щелей фрицев, а чтобы их выкурить, надо уничтожить весь дом, так как они забираются в основном в подвалы. Вот поэтому и сегодня нам приходится стрелять, как минометчикам, так и артиллеристам, по тем зданиям, где работал я, и по тем зданиям, где ты работала вместе с Колесниковым и с Тамарой. От того места, где я сейчас сижу, до тех зданий 500—800 метров. Обстановка на сегодняшний день такова, что фрицы занимают только тот участок, который ты обслуживала, когда работала в том учреждении, где начальником был Колесников. Когда ты получишь это письмо, весь город будет полностью очищен.

А пока, моя родная, шлю тебе свой горячий и крепкий привет и сладко целую тебя, а также моего славного сыночку. Очень доволен я, что сыночке ты купила лыжи и что он катается на лыжах.

Твой Филарет

30/I—43 г.

Милая и дорогая моя касатка Варя! Пишу тебе в 11 час. вечера. Через два часа переходим на новую огневую позицию, к Дворцу пионеров. Ты ведь знаешь, где он. Сегодня мы торжествуем как победители над наглыми зарвавшимися фашистскими гадами. Мы их уже разгромили. Осталась лишь жалкая небольшая группа в центре, которую, может быть, уже к утру ликвидируем и как крайний срок — завтра днем.

Какие жалкие прохвосты теперь они, когда оставшиеся в живых попадают в плен. А ведь кажется не так давно, когда они шли в Сталинград, то с каким гонором. Как надутые куры, держались они. А теперь идут как мокрые курицы с сосульками под носом, заросшие, небритые, с головами, замотанными в разные тряпки, с ногами, замотанными в несколько портянок. Сегодня вечером мы наблюдали редкое и интересное явление. Есть рыболовы, которые ловят рыбу в воде. А сегодня происходит массовая рыбная ловля в небе. Каким образом? А вот каким. Прилетают фашистские транспортные самолеты в Сталинград. Они должны с парашютами сбросить своим оставшимся войскам продукты: колбасу, масло, хлеб, сало, шоколад. А куда сбрасывать, они не знают, вот и летают кругами. А наши бойцы, чтобы сбить с толку фашистов, пускают в небо массу ракет. Фашисты и бросают в наше расположение.

Сегодня, как и прошлые дни, партия за партией по 500 человек и больше все идут и идут пленные в наш тыл.

Завтра весь Сталинград будет очищен от всей этой погани, о чем я тебе сообщу.

А пока, дорогая, крепко и горячо целую тебя и сыночку.

Твой Филарет

2/II—43 г. 10 час. вечера

Моя дорогая Варенька!

Наконец-то мы разделались с фашистскими гадами, окруженными под Сталинградом.

Эх, Варя! Если бы ты посмотрела, как они разрушили город.

А сколько их, гадюк, набито всюду! Да, дорого им стал Сталинград!

Как происходила ликвидация фашистов в городе?

В 2 часа ночи 31 января наша минометная батарея из-за реки Царицы выдвинулась дальше Дворца пионеров и немного подальше Московской улицы. Рассчитывали, что как будет утро, будем вести бой, будем стрелять в сторону вокзала и в сторону наших домов на площадь 9 января и т. д.

Минометы поставили, ребята и я пошли искать подвалы, где бы можно было обогреться.

Подбегает ко мне боец, сообщает: «Там вон, в подвале, фрицы!» Мы бегом туда. Я по-немецки кричу им, чтоб выходили все. Смотрим, вылезают. Один, два. Спрашиваю, сколько их. Отвечают — 14 человек. Ну, вывели их всех. А в это время по улицам уже тут и там ведут партии пленных. Мы их также направили к одной из колонн пленных, идущих по Советской улице. А по всему центру их были тысячи.

Итак, 31 января нам уже не пришлось вести бой с фрицами. Они капитулировали. А сколько трофеев бросили! Сегодня мы уже третий день едим консервы, которые они привезли самолетами из Норвегии, Франции и даже из Португалии.

Сегодня в честь победы над фрицами мы скушали по 4 штуки мандаринов.

Варя, вокзал сильно разрушен...

(Окончание письма не сохранилось.)

4/II—43 г.

Моя дорогая и славная Варенька!

Мы были на митинге, на котором выступали командующие нашими армиями, секретарь обкома ВКП(б) т. Чуянов и др.

Милочка! После разгрома фашистов мы разместились на окраине города на несколько дней на отдых, а потом дадут нам пополнение и опять будем продолжать очищать советскую землю от фашистской нечисти.

Дорогая моя! Во время митинга я думал, что такой исключительной победы мы достигли потому, что и моя славная Варя и мой дорогой сыночка своим трудом по строительству оборонительных сооружений помогли разгромить этих гадов. Благодаря этим сооружениям Красная Армия изматывала, ослабляла сильно врага, а потом, накопив сил, сама перешла в наступление, окружила и уничтожила врага. А теперь мы ходим с гордостью по городу, хотя скрепя сердце за то, что фашисты так изранили, так изуродовали его.

Но пленные фашисты уже приступили к восстановлению города.

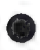
Твой Филарет

ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ ВЕСНА

Новелла ИВАНОВА,
фото Александра НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

«Баттоня — 23.IX.1944. Немешмедвеш — 4.IV.1945» — выбито на табличке. Два села, две даты. Между ними — двести дней тяжелых боев, которые вели воины 2-го и 3-го Украинских фронтов. Указом Президиума Венгерской Народной Республики день 4 апреля объявлен национальным праздником. «4 апреля — праздник вечной благодарности, горячей любви, дружеской и союзнической верности венгерского народа своему освободителю, защитнику независимости Венгрии, главному стражу и могучей опоре мира — Советскому Союзу, доблестной Советской Армии».

На южной границе страны расположено село Баттоня, которое первым встретило советских воинов-освободителей. Праздником в этом селе каждый год начинаются в Венгрии юбилейные торжества. С Баттони начинается репортаж наших специальных корреспондентов, которые проехали по стране полторы тысячи километров и побывали на местах минувших сражений.

БАТТОНЯ

7 часов утра. Туман. С зажженными фарами мы едем по автотрассе номер пять по маршруту Будапешт — Сегед — Баттоня, на машине, которую нам предоставил для этого путешествия «Орсаг-вилаг», журнал — побратим «Огонька» в Венгрии. Обычно весна приходит в междуречье Тисы и Дуная рано, а нынче она что-то задержалась. Ночью упала температура, и деревья вдоль шоссе стоят в легких снежных накидках. По обе стороны дороги — поля, виноградники и снова поля. Нас обгоняют громадные автофургоны с надписью «Хунгарокамион». У этих махин путь дальний: они везут экспортные товары за рубеж. Венгрия сегодня торгует со 149 странами. Куда короче путь велосипедистов и крестьянских повозок, которых так много в эту пору на дороге. Автотрасса номер пять свидетельствует о том, что Венгрия встает рано и сразу же приступает к делам.

Четыре часа пути — и мы в нескольких километрах от румынской границы, в селе Баттоня. На окраине скромные, небольшие домишки, но их явно теснят добротные, просторные дома под черепичными крышами. Раскрашенные полосами в желтое, коричневое и голубое, они словно опоясаны трехцветной лентой. По центральной широкой улице катят на велосипедах солидные бабушки, укутанные в теплые клетчатые шали. Молоденькие мамы везут малышей в корзиночках, прилаженных к сиденьям. Объезжаем новостройку, где вовсю кипит работа. Интересно, что здесь будет? Оказывается, спортивный комплекс. А вот еще одна новостройка. Вывеска у входа гласит: «Филиал будапештского завода оптического оборудования». Вот тебе и деревня! Наше удивление очень обрадовало Яноша Эчеди, руководителя сельской партийной организации, с которым мы встретились в правлении сельскохозяйственного кооператива имени Шандора Петефи.

— Кроме филиала будапештского завода, у нас в селе есть цех обувной фабрики и предприятие по изготовлению ковров. Треть из восьми с половиной тысяч жителей,— рассказывал он,— молодые люди. Мы взяли курс на промышленное развитие села с перспективой, чтобы молодежь нашла себе занятие по душе в Баттони! У нас есть средняя сельскохозяйственная школа. Собираемся открыть профтехучилище для подготовки кадров заводу оптических приборов. Строим дом на 56 квартир.

— Но ведь это все требует средств, и немалых?

— Конечно! Но мы можем теперь себе это позволить! Если до 1960 года тут было несколько мелких кооперативов, то после объединения их в три крупные хозяйства, ориентированные на растениеводство и крупный рогатый скот, мы даем продукции на 300 миллионов форинтов в год!

— И куда думаете вложить средства в будущем?

— Хотим купить небольшой самолет для полевых работ. И еще надо кое-что из новой техники — между прочим, у нас вы встретите польские комбайны, советские тракторы, грузовики из ГДР...

Сын бедняка, потомственный кузнец, коммунист Янош Эчеди планирует купить самолет, а сидящий рядом с нами Йожеф Осип, который годился ему в отцы и помнил село совсем другим, замечает:

— Прежде всей землей этой владел зять диктатора Хорти! Этот крупный землевладелец был министром сельского хозяйства и не предполагал, что в этом бедном селе растет будущий министр иностранных дел народной Венгрии Фридьеш Пуйя. Наши дома стояли на окраине по соседству с семейством Пуйя. Эту часть села люди называли «ханты». Крестьяне вырезали на лугах дерн и укладывали его на крышах вместо соломы. Вот и получался «хант» — луг, значит...

Двадцать пять лет прослужил Йожеф Осип на границе, вернулся в родные места, и односельчане избрали его председателем местного отделения Общества венгеро-советской дружбы.

— А когда в Баттони родилось общество?

И старый пограничник ответил:

— Мы все считаем — 23 сентября 1944 года!

...Он хорошо помнит то раннее утро: всех жителей села — стариков, женщин, детей — погнали рыть окопы. Их пугали: «Идет Иван, он сожжет село, а вас всех убьет!» Но из-за кукурузного поля, где уже стояли советские танки, кто-то кричал: «Расходитесь по домам! Расходитесь!» Выходит, русский Иван беспокоился за них? Крестьяне ушли. Местные власти исчезли из села еще накануне, а в полдень в Баттоню вступили первые советские части. В доме Йожефа временно остановились двое молодых офицеров. Расстелив карту на столе, они объяснили деревенскому парню, где проходит фронт. Фамилий их он не запомнил, а фотографии хранит по сей день и всякий раз, встречаясь с советскими людьми, показывает, не узнает ли кто.

А Дьёрдь Роцко, или, как он представился, дед Юрай, пришел с целой пачкой фотографий советских друзей. Он отлично говорит по-русски.

— Где научился? В Красной Армии. Я ведь в Венгрию пришел в составе 317-й дивизии. Служил в роте разведчиком у майора Орлова.

Он родился в этом селе, жил в страшной бедности. Взяли в армию, послали на русский фронт. В первом же бою Юрай сдался в плен, а спустя короткое время познакомился с советским капитаном Миклошем Штейнмецем, венгром, который в Испании был бойцом Интернациональной бригады, личным другом генерала Мате Залки.

Мы рассматриваем фотографии. Вот Юрай, молоденький светловолосый солдат, стоит рядом с капитаном Штейнмецем.

— Он научил меня очень важному делу,— говорит Юрай,— умению вести агитационную работу! Во вражеской армии, а я это хорошо знал, было немало солдат, одураченных пропагандой. Мы писали листовки, разъясняющие ситуацию. Только за период Будапештской операции было издано 255 таких листовок на венгерском языке тиражом почти в 40 миллионов!

29 декабря, перед штурмом Будапешта, советское командование, стараясь избежать кровопролития, отправило в окруженный город своих парламентеров. Одним из них был родившийся в Будапеште капитан Штейнмец, другим — капитан Илья Остапенко. Оба были убиты. Дед Юрай показывает снимок: искореженная взрывом машина парламентеров, распростертое на земле тело Штейнмеца.

— Эх, жаль, не дожил до этих дней Миклош Штейнмец! И мой командир Орлов тоже не дожил. Он погиб спустя несколько месяцев в одном маленьком селе под Секешфехерваром. Вечная им память! — По-русски закончил свой рассказ баттоньский крестьянин Дьёрдь Роцко, который по-прежнему считает себя солдатом Советской Армии.

БУДАПЕШТ

Из Пешта, равнинной части столицы, проехав по мосту Эржбет через Дунай, мы поднялись на холмистую Буду. История, сотворив эту часть города, словно остановила время на ее улочках. Вот Рыбачий бастион, Будайская крепость. Позади бастиона — церковь короля Матьяша. Сегодня здесь празднуется сразу несколько свадеб, и туристы с энтузиазмом щелкают затворами фотокамер. Мы поднимаемся дальше, на гору Геллерт. Здесь возвышается над столицей памятник, созданный скульптором Ж. Кишфалуди-Штроблем. «Освободителям — советским героям от вечно благодарного венгерского народа» — высечены на мраморе строки. Живет в Ивановской области тот советский солдат-гвардеец Василий Головцев, который освобождал венгерскую столицу и послужил скульптору моделью. Двухсоттысячная вражеская армия, окруженная в Будапеште, полтора месяца отчаянно сопротивлялась, превратив каждый дом в крепость, а гора Геллерт, увенчанная древней цитаделью, стала особенно мощным узлом обороны. 13 февраля 1945 года в 21 час

Будапешт в праздничный вечер. (Фото Шандора Ковача) * Тот Ласло и Андраш Иштван строят атомную станцию в Пакше * Прядильщицы из города Калоча.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Мы учимся в Баттони», — говорят Юдит Шипош, Иван Мудрич, Маргит Балла * Венгерские костюмы «Олимпиады-80» * «Баттоня 23.IX.1944. Немешмедвеш 4.IV.1945. * Сегодня на «Видеотоне» * Есть «Икарус»! * Скульптор Имре Варга

BATTONYA
1944 IX 23
NEMESMEDVES
945 IV 4

Москва салютовала двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами доблестным войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, овладевшим Будапештом. Вот о чем вспоминалось у памятника на горе Геллерт.

...Малыш в ярко-желтом комбинезоне вырвал ручонку из рук отца и потопал по ступенькам к цветам, лежащим у подножия монумента. «Вы часто здесь бываете?» — спросила я у отца малыша, и Бела Ковач, тридцатилетний будапештский инженер, ответил: «Это уже традиция нашей семьи. Когда-то сюда меня приводил отец и рассказывал, как в сорок пятом он помогал поднимать из руин город. А теперь я привожу сюда своего Йожку!»

Да, та весна сорок пятого года была решающим поворотом в тысячелетней истории страны и в судьбах миллионов венгров.

...Андялфёльд, промышленный район столицы, иногда сравнивают с Выборгской стороной Ленинграда. У них — пролетарское революционное прошлое, социалистическое настоящее. Здесь, на судо- и краностроительном заводе, одном из крупнейших в Европе, часто бывают ленинградцы, проекты реконструкции завода разработаны специалистами из города Ленина. За тридцать лет завод поставил в нашу страну 2,5 тысячи плавучих кранов, морских, озерных и речных судов.

— Нет в Советском Союзе ни одного порта, где бы не работали будапештские краны! — утверждает Ласло Эперьеши. Сорок лет отдал он заводу. Был токарем, кузнецом, возглавлял бригаду и был делегатом XI съезда партии. Он помнит страшное время экономического кризиса, когда выгнали с завода отца и семья голодала. Стал членом профсоюзной организации рабочих-металлистов, слушал выступление товарища Яноша Кадара перед рабочими, когда нацисты вступали в Австрию. Ласло узнал фронтовые окопы и плен, вернулся в Будапешт, и первым делом — в районный комитет коммунистической партии. «Хочу, чтобы наш народ жил счастливой, мирной жизнью!» — заявил он секретарю, объясняя, почему решил стать коммунистом.

— В первые годы после освобождения советские воины помогали нам восстанавливать заводы, мосты, дороги. Это были первые шаги советско-венгерского сотрудничества, которое сыграло и продолжает играть большую роль в жизни моей Венгрии. И я от души хочу сказать: мы, венгерские рабочие, помним все, что сделано для нашей страны, с благодарностью!

...Мы в мастерской крупнейшего скульптора Имре Варги. Это удивительно разносторонний художник. Железо, бронза, известняк, мрамор, медь — все эти материалы «оживают» в его руках. Его «Прометей» завоевал международное признание, стал поворотным пунктом в развитии венгерской пластики. Он не раз приезжал в нашу страну, в Москве была выставка его работ, некоторые из них сегодня представлены в Эрмитаже.

В Мохаче несколько лет назад появился памятник Ленину. Заложив руки в карманы брюк, Ильич стремительно шагает по ступенькам прямо в центре города.

— Когда я работал над этой скульптурой, мне хотелось, чтобы Ленин, который дорог каждому венгру, стал нам еще ближе, роднее... И мне кажется, это удалось. Люди полюбили эту скульптуру...

Разговор заходит о том, как могла бы сложиться его жизнь, не будь весны сорок пятого. Как? Да разве мог он, сын скромного ремесленника, мечтать о Будапештской высшей школе изобразительного искусства, куда он пришел с завода, где работал электромонтером!

...В будапештском Национальном театре идет спектакль. Сегодня актер Томаш Майор в нем не занят. Прикрыв ладонью глаза, он вспоминает.

— Январь сорок пятого года. Пешт взят! Но еще идут бои за Буду, а мы с одним актером отправились на улицу Деревьев в дом номер три. Мы узнали — там находится майор Гуркин, которому советское командование поручило налаживать культурную жизнь города. Мы еле доплелись — сил не было от голода, представляете, я, с моим ростом, весил 40 килограммов! Объяснив, кто мы такие, я сказал, что еще до войны помогал по заданию коммунистов налаживать работу нелегальной типографии. Гуркин выслушал и сказал: «Действуйте, открывайте театр. Если что надо будет — поможем!» Собрали мы всех уцелевших артистов, написали от руки афиши и расклеили по городу. И вот 28 января — первый спектакль. Зал переполнен, хотя добраться к нам было нелегко: город лежал в развалинах, засыпанных снегом. Комендант города Замерцев прислал двух солдат, которым удалось наладить электричество, и целых три лампочки освещали сцену! Что это был за спектакль! Мы декламировали стихи, пели революционные песни, которые так много лет нам запрещалось исполнять. Когда наша прославленная драматическая актриса Гильда Гобби декламировала стихотворение, раздался грохот — театральную крышу пробила немецкая мина. Зал замер. Актриса не растерялась и продолжала выступление. Сверху в образовавшийся проем падал густой снег, и актриса стояла словно за снежным занавесом.

Буда была еще в руках врагов, а наш театр давал спектакли. Мы начали с «Тартюфа» Мольера, потом поставили вашу замечательную пьесу «Беспокойная старость». Я сыграл профессора Полежаева 300 раз, это моя любимая роль. Но самым памятным была одна репетиция этого спектакля.

В пьесе есть сцена с выстрелом. Мы такой выстрел организовали, и тут же с улицы прибежал советский патруль: «Где фашисты? Кто стрелял?» Я объяснил, что идет репетиция. «Ну-ка, покажите свою репетицию!» — решительно сказал молодой высокого роста лейтенант.

Мы начали заново сцену, где матрос делает обыск у Полежаева... И тут лейтенант вскочил, вышел на сцену и говорит: «А не лучше, если матрос заходит к профессору и, смутившись, бросает папиросу на пол, а потом, уходя, ее поднимает?» Я удивился: «Да, так действительно лучше! Как вы это поняли?» «Я играл до войны в театре роль этого матроса!»

Так начал жить наш театр.

А через год с первой делегацией деятелей культуры Венгрии коммунист Майор приехал в Москву, встретился с актерами прославленного МХАТа.

— Из Москвы мы привезли пьесы Островского, Чехова, Горького. Мы учились у МХАТа, мы радовались, что каждый его приезд в нашу страну всегда становился большим событием. Советские артисты, режиссеры помогали и продолжают помогать нам в постановке пьес, и мы очень дорожим этой дружбой.

ПАКШ

Шесть лет назад в Пакше, расположенном в 115 километрах от Будапешта, было начато строительство первой атомной электростанции мощностью 1760 мегаватт.

Высокий, энергичный Шандор Бараня, комиссар по строительству, разговаривая с нами, нет-нет да и заглянет в свой рабочий календарь. Времени у него в обрез...

— С чего начался ваш сегодняшний рабочий день?

— Встречей с председателем горсовета, доктором Тибором Далошом. В январе прошлого года Пакш — бывшее село — получил статус города. Каким он будет, обсуждали мы с мэром. Вчера здесь были представители телевидения, снимали репортаж, как Пакш заботится о молодоженах,— их у нас много, ведь тут в основном работает молодежь. Нужны детские сады, ясли. В Пакше уже 15 тысяч жителей...

— Вы комиссар по строительству. Что это значит? Что вы можете? Что в вашей власти?

— Я являюсь личным представителем министра строительной промышленности. У меня большие полномочия. Это помогает оперативно решать проблемы с предприятиями внутри нашего ведомства.

— У вас на стенах графики строительства. Как идут дела?

— По графику строительство двух первых реакторных блоков будет закончено к концу 1981 года, остальные два — в 1984 году. Венгрия, как вы знаете, заключила межправительственное соглашение с СССР о сооружении четырех атомных реакторов-блоков мощностью по 440 мегаватт каждый. Проекты разработали советские специалисты. У нас отличные контакты. Каждые три недели детально обсуждаем все вопросы с руководством группы советских специалистов. Наши проектировщики работают с ними вместе. Начальники цехов и участков уже научились говорить по-русски.

— Скажите, почему первым атомным городом стал именно Пакш?

— Строительство атомной станции более рентабельно там, где есть вода. Дунай у Пакша образует широкую излучину...

— А что означает для Венгрии строительство атомной станции?

— Наша страна бедна энергетическими ресурсами. И хотя капитальная стоимость объекта около 56 миллиардов форинтов — все же это экономически выгоднее, чем строить ТЭЦ. Мы на некоторое время законсервируем строительство ТЭЦ в стране. Ядерное топливо для Пакшской станции будет поставлять Советский Союз. Работы много, нет времени для отдыха, и все-таки я счастлив, что имею возможность работать именно здесь. Я хожу по стройке и радуюсь — чудеса техники совершаются у нас, в Венгрии!

КАЛОЧА

В День Советской Армии мы оказались в городке Калоче, основанном во времена короля Иштвана I, почти тысячу лет назад. На площади Свободы, у памятника советским воинам, погибшим на венгерской земле, лежат красные гвоздики. Здесь спят вечным сном 145 героев. Имена 56 неизвестны. А рядом, у стены старинного собора, на холмике,— мраморная плита. На ней написано по-русски: «Здесь покоится летчик-лейтенант Игорь Марапулев 23 лет. Мир праху твоему, дорогой сынок! Мама».

В этом городке не было больших боев. Тут размещался госпиталь, куда привозили раненых во время битвы на Дунае.

Дунай. Вот он рядом, мутный, темно-серый, еще не проснувшийся от зимней спячки. У берега лежат вверх дном лодки и баркасы... В ночь на седьмое ноября началось форсирование Дуная. Разрывы мин вздымали высокие фонтаны. Первые подразделения, которые переправились на тот берег, одну за другой отбивали танковые атаки. Пулеметчики Станислав Моисеев и Ефим Пахалюк из 703-го стрелкового полка форсировали Дунай в числе первых и за двое суток отбили шестнадцать атак, уничтожив около двух рот противника. Битва здесь шла жестокая, но уже к концу ноября отдельные части 3-го Украинского фронта за успешное форсирование реки получили название Дунайских...

Старинный придунайский городок Калоча славится «красным золотом» — паприкой, то есть красным перцем, и еще знаменитыми вышивками.

В летнюю пору в этих местах вокруг, насколько хватает глаз, простираются поля красного перца. Без него немыслима венгерская кухня. Наряду с токайским вином и прославленной сегедской салями, паприка поддерживает гастрономический престиж Венгрии во всем мире. Кстати, в этом городе единственный в мире музей перца!

И мы ничуть не удивились, когда увидели на столе директора завода по переработке перца в большой хрустальной вазе... букет из засушенных стручков паприки! Любовно упакованный в холщовые мешочки — на каждом шелковая ленточка цветов национального флага, пломба с номером и датой выпуска партии — перец отправляется в 32 страны.

— Мы считаем, наша футбольная страсть порождена любовью к перцу,— шутит главный инженер Иштван Бартек.— У нас принято говорить «настроение папричное» или «папричная обстановка». Медицина утверждает, что наш красный перец гораздо полезнее черного. У него много лечебных свойств. Так что угощайтесь на здоровье!

И мы отведали его, испробовав местную уху, рецепт которой, нам сказали, очень прост — нужно положить поровну рыбы, воды и перца!

Отправившись в Дом народного творчества, где выставлены лучшие образцы калочских вышивок, мы снова увидели.... паприку! Красные стручки соседствовали с пышными розами, незабудками и маргаритками на скатертях, салфетках, кофточках, которые за большие деньги покупают модницы всего мира. Местный кооператив объединяет полторы тысячи вышивальщиц из 80 окрестных сел.

Мы рассматривали вышивки, не переставая поражаться смелому сочетанию красок и затейливости узоров. Как же этому учатся?

— Бабушка учит дочку, а та — свою дочку — вот и весь секрет! — улыбается директор кооператива.— У наших девушек, говорят, в крови чувство прекрасного. Сначала они учатся рисовать, потом вышивать вручную, а уж затем садятся за машинку.

●

И все это сделано руками Маргитки Светак! * Детская мода * Калочайская вышивка * Ворота в госхозе «Баболна».

Калочские мастерицы разъезжают по белу свету и показывают свое творчество. За два часа художница расписывает целую стену сказочными цветами, и ни один не повторяется! Сейчас одна из искусниц в Париже, две в ФРГ, а Маргитка Светак, с которой мы познакомились, назавтра уезжала в Вену.

Мастерица встретила нас в калочском уборе: плиссированная юбка, фартук и чепчик — все в ажурной вышивке. Загляденье! Мы вошли в дом, словно угодили в середину огромного букета: все стены комнаты сплошь расписаны.

— Это мы с мамой моей расписывали,— сказала Маргитка,— она имеет звание мастера народного искусства. Я была еще совсем маленькой, когда мама поручала мне смешивать краски...

— Помните свою самую первую работу?

— Конечно! В школе я вышила обложку к учебнику венгерского языка.

Маргитка расправила фартук на коленях.

— А сколько времени ушло, чтобы расшить этот фартук?

— Месяц.

Спрашиваю у Маргитки, довольна ли она своей судьбой.

— Я влюблена в рисунки и вышивки. Даже когда очень устаю, все равно не могу без них. На отдыхе рисую, вышиваю... Жаль, что у меня сын, он хочет учиться в сельскохозяйственном институте. Теперь одна надежда — если появится внучка. Ей передам все, чему меня мать научила и что сама умею.

СЕКЕШФЕХЕРВАР

Стольный белый град — вот какое у него красивое название! А прежде, до турецкого владычества, он назывался Альба Регия и был местом коронования и погребения венгерских королей. Сегодня это центр электроники и техники связи. Марка объединения «Видеотон» известна во многих странах Европы и Америки.

— Помню, когда в 1957 году я сюда пришел работать техником, здесь было около трех тысяч человек,— говорит секретарь партийной организации инженер Иштван Бруннер.— А сегодня — девятнадцать тысяч!

— Мы с тобой пришли почти одновременно,— вступает в разговор директор завода вычислительной техники Янош Кажмер,— и нас, инженеров, на весь завод было... девять! Теперь больше тысячи только специалистов по вычислительной технике.

— Если сравнивать с прошлым, то начинать, по-моему, все-таки надо с 1955 года,— горячится Йожеф Бозоки, директор радиозавода.— Тогда мы только начали выпускать первые радиоприемники. С того дня с конвейера сошло десять миллионов аппаратов — приемников и телевизоров. Треть этой продукции отправлена на экспорт, главный наш экспортер — Советский Союз. Ежегодно в рамках кооперации мы поставляем сто тысяч радиоприемников для «Жигулей»...

Три инженера, три ровесника, увлеченно рассказывали, как шаг за шагом рождался современный «Видеотон» — этот сплав электроники, тонкой механики и интеллектуального труда. На этом предприятии, прошагав по всем ступенькам производства, они выросли от техника до директора. И на вопрос о том, в чем же секрет успеха, ответили: сотрудничество с Советским Союзом и человеческий фактор!

Заводу необходимы молодые кадры. Средний возраст рабочих на счетно-вычислительном производстве — 26 лет. И здесь хорошо понимают, что быстрое развитие и совершенствование современного производства связаны с ростом профессионального, культурного уровня рабочих.

И вот результат — работает 19 тысяч, а 26 тысяч учатся! Как же так? А очень просто — многие одновременно посещают несколько курсов повышения квалификации, учатся в вечерних техникумах.

Человеческий фактор... А разве не он был главным в сорок пятом году, когда сюда, на бывший патронный завод, оборудование с которого фашисты вывезли в Германию, пришли 150 рабочих и начали разбирать развалины? Об этих самых первых и самых трудных шагах Стольного белого града нам рассказал Дюла Дерендёзи.

Еще до войны он, типографский рабочий, руководил профсоюзной организацией печатников и случайно избежал ареста во время оккупации. Как только в город вступили советские освободители, тотчас собрал всех уцелевших от тюрем и расстрелов печатников, и буквально через несколько дней стала выходить газета коммунистов «Известия Секешфехервара».

Давно отгремели бои за Секешфехервар. Но война нет-нет да и напомнит о себе. В прошлом году, когда строили железную дорогу, нашли неизвестную братскую могилу советских воинов. Город с почестями проводил их останки на кладбище Героев.

— Здесь помнят и будут вечно хранить в памяти поколений подвиг советских людей,— сказал первый секретарь городского комитета партии Хорват Андраш. Он передал нам фотографию, сделанную здесь 35 лет назад, в день первомайских торжеств: два советских офицера с охапками сирени в руках смотрят в объектив.

— Нам очень бы хотелось отыскать этих людей. Мы приглашаем их в гости: приезжайте, город ждет вас!

СОМБАТХЕЙ

Мы едем на границу с Австрией, в город Сомбатхей. Серая лента бетонки огибает озеро Балатон и через старинный Веспрем подходит к городку Айка. Здесь центр добычи бокситов, по запасам которых Венгрия занимает одно из первых мест в мире.

И вот мы въезжаем на улицы одного из самых древних городов Венгрии. Если верить летописцу, он был основан из-за кружки воды. Римский император Клавдий во время путешествия напился здесь воды и, почувствовав прилив сил, решил возвести поселок в ранг города. Так в 43 году нашей эры город стал называться Колония Клаудиум Саварин.

Во время хортистского режима здесь были кварталы ужасающей бедности, а в последние дни войны город этот стал оплотом главаря венгерских фашистов Салаши. Здесь, в гористом районе, шли тяжелые бои. 29 марта Сомбатхей, сильно пострадавший от бомбардировок, был освобожден. В городе оказалось 300 тысяч жителей и беженцев, страдавших без воды, продовольствия. Надо было налаживать жизнь.

...Янош Варга, скромный страховой агент, больше всего на свете сторонился политики. Едва стихла стрельба, он вышел на улицу, чтобы раздобыть что-нибудь из продуктов для семьи, и был остановлен советским патрулем. «Кто такой, фашист?» Янош испуганно поднял руки: «Нет, нет!» «Грамотный?» «Да!» «А город хорошо знаете?» «Всю жизнь тут живу!» Его привели в военную комендатуру. Здесь он, обомлев, услышал: он будет мэром города. Нужно срочно разместить раненых, наладить снабжение электричеством, водой и продовольствием! «Я не сумею,— испуганно сказал тихий человек,— я свою семью и то не знаю, чем накормить!» «Сумеете — мы помогать будем!» И что же? Сумел! И раненые были устроены в больницу, и рабочие нашлись, которые взялись наладить подачу электроэнергии. Три дня крутился он как белка в колесе, а на четвертый... сбежал, послушав жену: а ну как дальше не справишься и тебя арестуют? Потом, когда жизнь города наладилась, он вернулся в свое страховое агентство и много лет скрывал историю тех трех дней, которые были самыми страшными и самыми прекрасными в его жизни.

Нынешний мэр Миклош Чузек — в прошлом директор одного из строительных предприятий — считает, что нужно как можно больше серьезных, больших дел доверять молодежи. Тот громадный скачок в промышленном развитии, который Сомбатхей сделал за минувшие годы, по мнению мэра, был бы невозможен без активного участия молодого поколения. До войны тут была единственная текстильная фабрика. Сейчас Сомбатхей производит 80 процентов всего венгерского домашнего текстиля — ковры, одеяла, шторы. Здесь самый крупный в стране деревообрабатывающий комбинат, современный машиностроительный завод, обувная фабрика, завод средств связи.

— Мы стараемся превратить город в центр машиностроения,— подчеркнул первый секретарь горкома ВСРП Лайош Хорват.— А это дает большую перспективу молодому поколению. Вообще молодые у нас пользуются большим авторитетом: 20 процентов секретарей первичных партийных организаций — моложе 20 лет, больше половины тех, кто пополняет ряды нашей городской партийной организации,— молодые люди.

Потом мы объехали улицу за улицей, увидели отлично спланированные микрорайоны, которые лишь недавно появились в этом древнем городе. Да, здесь бережно сохраняют прекрасные архитектурные памятники прошлого, не забывая о больших социальных задачах, связанных с будущим!

НЕМЕШМЕДВЕШ

Из Сомбатхея наш путь в ту самую деревню, где было завершено освобождение Венгрии. Она называется Немешмедвеш, что значит «благородный медведь». Медведей тут давно не встречали, а деревушка сама, как нам объяснил по пути заведующий отделом агитации и пропаганды Кёрлендского райкома партии Миклош Бакша, станет памятником.

— Последние десятилетия принесли в жизнь венгерского общества колоссальные изменения,— говорит Бакша.— Выросли индустриальные центры, возникли новые города. На селе все больше работ выполняется машинами, и все меньше там потребности в рабочих руках. Сейчас производством хлеба занято на миллион человек меньше, чем, скажем, двадцать лет назад. Почти половина десятимиллионного населения страны живет в городах.

Немешмедвеш стоит в стороне от дорог, на самой границе, и теперь там уже осталось всего пять семейств.

Въезжаем в погранзону. Молоденькие ребята-пограничники останавливают нашу машину и внимательно изучают наши пропуска: «Все в порядке! Можно ехать!» Узкая наезженная дорога среди гор ведет на окраину села. Выходим из машины. Ноги вязнут в раскисшей земле. Снег стаял недавно, и земля, набухшая, раздобревшая, жадно дышит весенними парами.

А вот и танк Т-34, из него 35 лет назад радист передал сообщение: «Освобождение Венгрии завершено!»

Время словно замерло в разбеге у танка, что стоит неподалеку от деревенской колокольни. Мы подошли к нашей «тридцатьчетверке» вместе с начальником погранзаставы полковником Яношем Марком.

— Мы очень бы хотели узнать,— говорит полковник,— кто сражался в этом танке? Кто был его командиром? Знаем только, что танк прошел в составе 6-й гвардейской танковой дивизии. Взгляните, номер выбит на броне... Жалко, цифры искорежены взрывом, не разобрать!

Начиная службу на границе, венгерские парни слушают историю боя за это село.

— Здесь, у этого танка, я говорю: служите так, как дрались ваши ровесники, советские ребята!

— Кто же из жителей села помнит те далекие дни апреля сорок пятого?

— Рудольф Унгре, дядя Руди! — отвечает полковник.

...Ему за шестьдесят. С рождения он живет здесь. Дядя Руди встает с табуретки и подводит нас к окну:

— Вон за тем холмом немецкие окопы были, там я видел много немецких танков, и советских танков тоже было много. Когда стрельба затихла, я выглянул — горят дома! Крыши-то были у всех соломенные, и фашисты ночью 3 апреля подожгли 78 домов, чтобы уйти, скрывшись за дымовой завесой. Помню, вон то поле сплошь было заминировано. И когда наш дом загорелся, я кинулся вытаскивать шкаф. Смотрите,— показал дядя Руди,— на нем остались следы пуль.

— А как вы узнали, что Венгрия свободна?

— Услышал звон деревенского колокола. Это лесник Рудольф Томаштич ударил. Я побежал к колокольне — смотрю, а там танк стоит, и радист, русский паренек, смеется, кричит Рудольфу, чтобы сильнее бил в колокол, потому что по радио передали: Венгрия освобождена!

В сводке Советского информбюро за этот день было сказано: «В результате наступления с 16 марта по 4 апреля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили освобождение от немецко-фашистских захватчиков всей территории Венгрии».

Вместе с полковником Марком мы возвращаемся к нашей машине. Четверть века провел он на государственной границе, и здесь, в этом селе, завершается его долгая беспокойная служба. «Знаете, что тут самым трудным для меня оказалось? Переписка! Да, да, сюда приходит много писем, и чаще всего из школ. Вот вчера пришло письмо из Дебрецена, ребята спрашивают, как они устроятся с ночлегом, когда приедут на празднование 4 апреля всем классом. Адрес на конверте такой: «Немешмедвеш. Директору школы». Ребята не знают, что тут нет ни школы, ни директора! Вот я и пишу им всем: приезжайте в гости, будем рады!»

Каждый год в апреле сюда, в Немешмедвеш, приезжают люди со всех концов Венгрии.

Каждый год 4 апреля звонит старый деревенский колокол. И люди в молчании стоят у танка с пробитой броней. На постаменте его изображена карта Венгрии, на которой обозначены только два села и две даты: «БАТТОНЯ — 23.IX.1944. НЕМЕШМЕДВЕШ — 4.IV.1945».

Н. ЛЕЙКИН

...Многочисленные представители семейного клана Муре абсолютно убеждены в том, что прародительница этого клана 106-летняя Селина Муре,— Мамуре, как они называют ее,— неспособна ни на что другое, кроме как дремать в своем кресле-каталке, бормотать что-то себе под нос да безропотно вкушать свой протертый супчик. О, как они все глубоко ошибаются!

Когда в опасности оказывается любовь, судьба двух чистых, скромных молодых людей, престарелая француженка показывает, на что она еще способна, как отзывчиво и горячо ее сердце, как благородны, мудры ее помыслы и побуждения, как решительна и бескомпромиссна она в своих намерениях, энергична в поступках.

Преображения Елены Гоголевой в заглавной роли спектакля Малого театра «Мамуре» поистине великолепны! Героиня распрямляется и духовно и физически, когда надо действовать. Глаза Гоголевой—Мамуре лучатся, горят, когда она вспоминает свою единственную любовь! И ведь именно она, Мамуре, поднимает голос протеста против буржуазной корысти и несправедливости, против мещанской тупости и злобы, отважно вступает с ними в борьбу и победительно, остроумно их посрамляет.

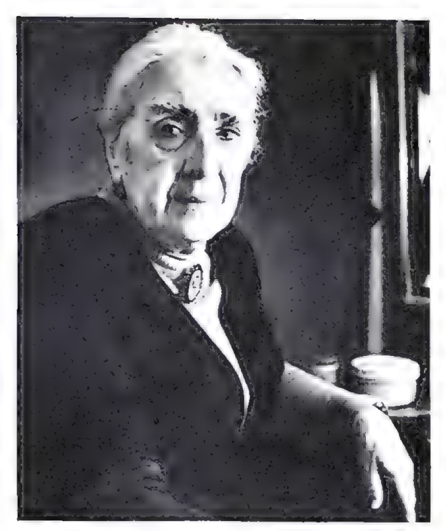
Мамуре — одна из последних по времени ролей народной артистки СССР, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственных премий СССР Елены Николаевны Гоголевой, пришедшей к своему 80-летию.

Как же счастлив должен быть художник, встречающий такую славную, знаменательную дату своей жизни в энергичной, неостуженной, интересной творческой работе! И это не просто привычные слова юбилейной вежливости! Зрители рукоплещут Гоголевой не только в «Мамуре»: среди самых недавних ее сценических творений — целый ряд впечатляющих классических образов.

Это и зловещая, мрачная фигура озлобленной, буквально источающей ненависть к большевикам, к революционному народу игуменьи Мелании в пьесе Горького «Достигаев и другие». Это и две несчастные, страдающие матери в драмах «Перед заходом солнца» Гауптмана и «Пучина» Островского. Если Меланию Гоголева очерчивает штрихами резкими, сурово разоблачительными, то образы матери Инкен — фрау Петерс, как и матери Кирилла Кисельникова — Анны Устиновны, актриса наполняет сочувствием к этим женщинам. В разных странах, в разной социальной среде, многотерпеливо, скорбно, покорно несут свой жизненный крест эти матери; отчетливо очерчено их национальное своеобразие, но и та и другая, это подчеркивает актриса, не утратили ни гордости, ни человеческого достоинства.

А вот полусумасшедшая барыня в «Грозе» — персонаж «темного царства» Островского. Образ отмечен точным, глубинным психологическим подтекстом...

А вот властная, чванная, вздорная, пренебрежительно помыкающая всеми крепостница-самодурка Хлестова из «Горя от ума».

К 80-ЛЕТИЮ Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА

Роли... роли... роли... Сколько же их было за шестьдесят с лишним лет самоотверженного, истового служения родному театру? Не перечесть! И в каждой — частица души актрисы, ее любовь и боль, ее утверждение или отрицание.

Народный артист СССР М. И. Жаров, товарищ Гоголевой по сцене, сказал однажды: «Искусство Малого театра невозможно представить себе без искусства Елены Николаевны Гоголевой». Но ведь и она сама, дочь провинциальной актрисы, выросшая в атмосфере кулис, буквально с детских лет не мыслила себе жизни без Малого театра. Почему? Послушаем саму Елену Николаевну.

«С самого детства,— вспоминает она,— мать готовила меня к сценической деятельности. Она внушала мне, что я должна быть актрисой Малого театра. Ни о чем другом я не думала...» Надо ли говорить, что творилось в душе ученицы Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, когда после переходных экзаменов со второго на третий курс она получила заветное приглашение в Дом Островского. И вот—дебют. 16 октября 1918 года в Малом играли шекспировского «Венецианского купца». После первого акта известный актер О. А. Правдин, по старинному обычаю, взял за руку исполнительницу роли Джессики, дочери Шейлока, и подвел к рампе, представив публике юную дебютантку.

Успех сопутствовал актрисе с первых же шагов. В окружении и с помощью именитых корифеев Малого театра,— это были Садовские, Лешковская, Южин,— она справилась с ответственными ролями грибоедовской Софьи в «Горе от ума», горьковской Татьяны в «Старике». А потом были героини Островского — русские женщины, озаренные большой любовью, душевными страданиями, порывом к свободе и счастью. И кого бы ни играла Гоголева — Весну в «Снегурочке» или Негину в «Талантах и поклонниках», Аксюшу в «Лесе» или Юлию Тугину в «Последней жертве», Олену в «Воеводе» или Ларису в «Бесприданнице»,—она олицетворяла красоту русской женщины, одухотворенно раскрывая поэзию и гордую чистоту души.

Уже в годы своей актерской молодости Гоголева показала себя истинной дочерью Малого театра, овладев его искусством яркой театральной сценической правды, его высокой культурой полнозвучной русской речи.

И вот что примечательно. У зрителей и у критики все время менялось представление о характере дарования Гоголевой. Поначалу казалось, что она создана для ролей лирико-романтического, драматического плана. Но вот в «Любови Яровой» Гоголева сыграла Панову — этого коварного, затаившегося врага революции. Стало ясно, что актрисе доступны и острые, социально-четкие обличительные краски. А после ее герцогини Мальборо из комедии «Стакан воды», Марины Мнишек из «Бориса Годунова» и таких образов Островского, как Лидия Чебоксарова («Бешеные деньги»), Глафира («Волки и овцы»), с их новой для актрисы, тонко выраженной сатирической природой, за Гоголевой чуть было не закрепилось амплуа «роковых»—холодных, расчетливых и хитрых — обольстительниц. Однако привязки большой, творчески разносторонней актерской индивидуальности к тем или иным амплуа всегда непрочны и временны: Гоголева вновь подтвердила это и своей героико-драматической Юдифью в трагедии «Уриэль Акоста» и особенно светлой, нравственно богатой, полной здоровых земных сил Надеждой Монаховой в горьковских «Варварах».

Играя преимущественно классику, Елена Николаевна все время стремилась к воплощению на сцене характеров и судеб своих современниц. Это стремление реализовалось в послевоенные годы. Дарование актрисы раскрылось опять новыми гранями. Одна за другой появились ее советские героини, которые — так же, как и она сама,— не просто пережили вместе со всем народом Великую Отечественную войну, но отдали все силы делу победы. В образах актрисы Гореловой («За тех, кто в море!»), хирурга Лавровой («Великая сила»), секретаря райкома партии Полозовой («Московский характер») Гоголева проникновенно и убедительно сплавляла воедино чисто человеческое, личное содержание этих высоконравственных, волевых, сильных женских натур с патриотической гражданской их сутью, общественным, трудовым призванием.

Идейную направленность этих ролей Гоголева развивала, каждый раз по-новому индивидуально обогащая, и в таких сценических портретах своих современниц, как мужественная, преодолевающая серьезные испытания врач Анна Падолист («Крылья»), героическая коммунистка, крупный государственный деятель Ганна Лихта («Заговор обреченных»)...

И все время — непрерывный художнический поиск. Восхождение на высшие ступени совершенного реалистического мастерства. Глубоким психологизмом, трагедийной силой отмечены Кручинина («Без вины виноватые» Островского), леди Макбет («Макбет» Шекспира), фру Альвинг («Привидения» Ибсена). А с другой стороны, еще ярче и еще выразительней становятся в зрелом искусстве Гоголевой характерность, сатира. Достаточно назвать ее Мурзавецкую («Волки и овцы») или эксцентрическую старую Кроули («Ярмарка тщеславия»).

...Об актерских созданиях Елены Николаевны — самых недавних — упомянуто в начале этого, весьма краткого, обзора ее творческой жизни. Большая, достойная, полнокровная жизнь. Озаренная талантом и красотой, гармонией осуществленной мечты, всенародного признания, она обещает артистке новые художнические свершения. А зрителям — новую радость встреч с вдохновенным искусством Гоголевой.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Александр Сосновский — трехкратный чемпион мира по лесоповалу.

Отсюда древесина начинает свой долгий путь на колесах.

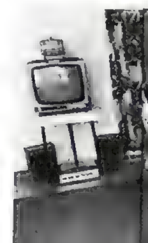

Бригада лесорубов уходит, оставляя делянку в полной чистоте.

Каждый из этих стволов Сосновский повалил за считанные секунды.

ЧЕМПИОН ВЫШЕЛ ИЗ ЛЕСА

Георгий РОЗОВ,
фото автора

«В лесу раздавался топор дровосека» — вдруг совершенно некстати вспомнилась некрасовская строчка. Если что и раздавалось на делянках в бригаде лесорубов трехкратного чемпиона мира Александра Сосновского, так это рокот моторов трелевочных тракторов. Они, словно красные букашки, резво ползали по крутым склонам высоченных сопок. Даже страшно за них стало: с таких круч и свалиться недолго. Но к обеду все пять машин благополучно спустились на круглую площадку склада, притащив на своих «горбах» целую гору хлыстов, и почти мгновенно уложили двадцатипятиметровые стволы в аккуратный штабель.

Здесь, в Забайкалье, на равнинах лес уже давно выбрали, и теперь бригады лесорубов забираются в самую горную глухомань. Некоторые бригады Катангарского лесокомбината ездят на работу километров за сто двадцать. А Сосновскому повезло — до лесосеки всего час езды на автобусе по колдобистому лесному зимнику. Летом тут хляби непролазные, так что за первый квартал нужно выполнить чуть не сорок процентов годового задания, чтобы обеспечить на лето комбинат древесиной. Зима — время сейчас у лесорубов страдное.

В бревенчатом доме Сосновских нас встретили жена Александра Люба и шустрый, круглолицый мальчонка, который тут же представился: «Сележка-калтошка». Пока папа умывался, Сережа вместе со своей старшей сестренкой Светой с гордостью показывал мне отцовские медали.

Ежегодные мировые чемпионаты лесорубов обычно собирают лучших мастеров из многих лесных стран — Канады, Финляндии, Японии, Франции, Венгрии, Югославии и, конечно, из нашей, самой большой на земле лесной державы.

Участник состязания должен сначала свалить дерево точно на вбитый в землю колышек, потом за восемнадцать секунд срезать с поваленного дерева как можно больше сучьев. Причем каждый сук требуется спилить заподлицо, ни выступа не оставить, ни углубления. А за ошибку — штрафные очки. Александр ухитряется в отведенные секунды идеально чисто отхватить от ствола двадцать пять сучьев!

Следующее задание — за девятнадцать секунд собрать и разобрать бензопилу. Но и это еще не все. Надо показать виртуозное владение инструментом и отпилить от бревна тонкий диск. Спил должен получиться вертикальным и идеально ровным.

И, наконец, по условиям конкурса положено отпилить еще один диск, но уже от бревна, лежащего на деревянном настиле. Казалось бы, чего проще, если бы не одно «но»: настил нельзя даже процарапать.

Конечно, такое мастерство вызывает уважение.

За ужином разговор пошел о нуждах лесорубов. Александр горячился:

— Вот новые бензопилы получили, «Урал-2» с электронным зажиганием. Капризничают: катушка зажигания горит. Переделываем на новый лад. Так надежней. А мне обидно. В семьдесят шестом году меня в Пермь на завод имени Дзержинского пригласили. В КБ. Это когда я их пилой на чемпионате работал. Главный конструктор Модылевский про новые пилы рассказывал, какие они хорошие будут. А теперь мои знакомцы брак нам гонят. Так и напишите, все вальщики вам спасибо скажут...

Хорошая бензопила для вальщика и впрямь — дело наиважнейшее. Вот Сосновскому всего тридцать два года, а после работы руки у него ломит. Но ведь до́лжно, а главное, можно вибрацию пилы уменьшить. Он, Сосновский, это точно знает.

...На следующий день наблюдал я такую картину. По крутому склону сопки вертикальной бороздой протянулась вырубка, с краев лес стоит нетронутый, а посередине пятиметровой полосой сучья набросаны. Где-то там, наверху, лазают по снегу две маленькие фигурки, собирают сучья и на середину вырубки бросают. А потом по этим сучьям трелевочный трактор ползает, крошит, в землю вминает. Зачем? Спросил Александра.

Оказалось — такая здесь лесоохранная технология. Методом узких лент называется. Так сохраняется подлесок, а сучья, если они измельчены, быстрее перегнивают. За четыре года такая вырубка уже осеменится, тогда и соседний участок леса можно будет рубить.

На лесосеках Катангарского лесокомбината не увидишь срубленных, но не вывезенных деревьев. И технология строго соблюдается. А ведь было время, платило предприятие лесничеству крупные штрафы!

Александр рассказал мне, что перемены произошли три года назад, когда здесь ввели бригадный подряд. Лесокомбинат договорился с лесниками, чтобы они каждую делянку у бригады принимали. Если найдут высокие пеньки, помятый подлесок, невывезенные хлысты или другие нарушения технологии, то штрафуют уже не комбинат, а бригаду. С тех пор штрафы стали большой редкостью. Бригаду Сосновского один раз «наказали», так он до сих пор даже сумму штрафа помнит. И не денег жалко — стыда не оберешься...

В воскресенье днем я надеялся застать Александра дома. Накануне он говорил, что будет рубить дрова, но оказалось, не для себя, а для детского садика и школы. Обратились к нему как к депутату Верховного Совета РСФСР, и вот в выходной он с ребятами из своей бригады, Рудольфом Щукиным и Василием Грибовским, взяли пилы, сели в «Жигули» и махнули в лес, на школьную делянку.

— И так всегда,— махнула рукой Люба.

...Уезжая, вспоминал я ответ Александра Сосновского на мой вопрос, как часто сменяются люди в его бригаде:

— Уезжать отсюда некуда. Только в лес,— засмеялся он.

И действительно, кроме лесокомбината, нет других предприятий ни в Катангаре, ни в соседней Баляге. В местной школе одна профессиональная ориентация — «зеленое золото». Может, поэтому из маленького Катангара и выходят в свет чемпионы?

Читинская область

Для Светы и Сережи лучший в мире лесоруб — лучший в мире папа.

ЕЩЕ РАЗ О БОЕ БЫКОВ

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ

3 апреля известному советскому писателю Юрию Нагибину исполняется шестьдесят лет. Многие его произведения были впервые опубликованы в нашем журнале, с которым он сотрудничает не одно десятилетие.

Предлагаем вниманию читателей новый рассказ Ю. Нагибина.

Кто только не писал о корриде: Проспер Мериме, Бласко Ибаньес, Эрнест Хемингуэй — имена самых прославленных, имя всем остальным — легион. И художники не обходили вниманием бой быков: Гойя создал знаменитую графическую серию «Тавромахия», ряд живописных полотен, Пикассо всю жизнь рисовал тореадоров и быков. Первый вопрос человеку, побывавшему в Испании: «На бой быков ходили?» Уже потом могут спросить о Гойе, Веласкесе, Эль Греко, национальном танце фламенко и Толедо, Севилье и серенадах. И я не избег общей участи, вернувшись из страны Сервантеса: ну как, видел живых тореадоров? Видел, видел! Чуть не целое представление высидел в мадридском цирке — четыре боя из шести положенных, но больше меня на корриду не заманишь. Почему? Вот об этом и поговорим.

В 1830 году Проспер Мериме писал из Мадрида: «Бой быков *все еще* (курсив мой.— *Ю. Н.*) пользуется фавором в Испании, но среди представителей высших классов редко кто не испытывает некоторого стыда, признаваясь в пристрастии к подобного рода зрелищу». Из приведенных слов видно, что Мериме предвидел скорое угасание корриды: средние классы, как всегда, потянутся из духа подражания за высшими, и бой быков или выродится в зрелище для бедных, или вообще прекратится. Но минуло полтораста лет с письма Мериме, а коррида не думает спускать флаг, все так же гремит и сверкает ежегодный праздник Памплоны, так же полны до отказа цирки, а среди зрителей и министры, и генералы, и крупные чиновники, богачи и знать, профессора, деятели искусств. Если зрелище демократизировалось, то лишь в той степени, что и само общество. Неизмеримо расширилась география корриды, охватив всю Латинскую Америку. Обоюдоострая шпага матадоров сверкает в Италии и Франции. И все же бой быков в этих странах не очень привился вопреки всем усилиям блистательного матадора и очень волевого человека Луиса Мигеля Домингина, который был одержим идеей распространить корриду по всему миру.

Любопытно, что коррида имеет настоящий успех там, где звучит испанская речь, в землях, где сделана прививка испанской крови, что естественно сказывается на обычаях и нравах, на пристрастиях и всем стиле жизни. Будь дело только в огненном испанском темпераменте, Италия непременно стала бы второй родиной корриды. Но даже женитьба лучшего матадора Испании Домингина на первой итальянской красавице Лючии Бозе не превратила итальянцев в рьяных поклонников боя быков. Футбол, родившийся в Англии, давно забыл о своих корнях и стал интернациональным, всемирным безумием. Коррида осталась испанской. Надо полагать, это жестокое, острое зрелище чему-то соответствует в психологии народа.

Суровые горы, нашествия завоевателей и беспощадная борьба с ними формировали характер нации. Средние века, которые ныне так превозносят на Западе над языческим Возрождением за силу и чистоту христианской идеи, подчинившей себе мировоззрение, культуру, искусство, быт, не отличались нежностью — религиозное рвение воплощалось в пытках, казнях, кострах, на которых сжигали заподозренных в ереси. Но нигде так ярко не пылало «очистительное» пламя, нигде так естественно не вписывалась виселица в пейзаж, как в Испании, нигде так не изощрялись пыточных дел мастера — дробящий кости ног железный сапог недаром получил название «испанского». Костры, виселицы и застенки усилиями святой инквизиции перенеслись в другую эпоху, в век Мурильо и Веласкеса. При такой закалке трудно было пронять испанца буколическими развлечениями. Он хотел страсти, огня, крови, игры со смертью. Он получил фламенко и хоту, петушиные бои и деревенские схватки на ножах, когда зрители делают ставки, он получил корриду. Смерть дружественна душевной жизни испанца. Его любовь — это песни и кровь. Серенада под балконом красавицы, стук мечей, распростертое тело в бледном свете равнодушной луны. «Много крови, много песней для прелестных льется дам...» Кровь не отпугивала, а притягивала. И уж если где-то должна была возникнуть коррида, то, конечно, в Испании.

Меняются времена, но не меняются нравы. И в монархической, и в республиканской, и в автократической, и во вновь монархической Испании бесчисленные толпы с неиссякаемым энтузиазмом устремляются на корриду. И хотя мне показалось, что пыл вроде бы пригас, не чувствовалось того накала страстей в мадридском цирке, который обещают Мериме, Ибаньес и Хемингуэй, не стоит доверять этому впечатлению. Ничего не изменилось и никогда не изменится. Дело просто в том, что сейчас на арене нет великих героев, старые сошли, а новые еще не нарастили мускулов. Смена поколений, как в спорте. Есть одаренные и умелые мастера, есть обещающая молодежь, есть любимцы, но нет кумиров, таких, как Домингин или Ордоньос, не говоря уже о Манолете. Да и коррида, на которую я попал, была вроде оперы с третьим составом.

В своей обычной хладнокровной манере Мериме восхищался корридой, признавая и оправдывая ее жестокость. «Ни одна трагедия на свете не захватывала меня в такой степени. За время моего пребывания в Испании я не пропустил ни одного боя и со стыдом признаюсь, что бои со смертельным исходом я предпочитал тем, где только дразнят быков». Бласко Ибаньес основательно живописал жестокость зрелища в чуть устаревшем и все-таки очень хорошем, честном романе «Кровь и песок». Хемингуэй, очарованный эстетикой корриды, не скрывал грубую и тягостную физиологичность творящегося на арене. Но сейчас на Западе о корриде принято писать с какой-то противной усмешечкой, подчеркивающей несерьезность зрелища и незатронутость автора.

Откуда это идет? После Хемингуэя писать о бое быков всерьез не оригинально. Куда удобнее поза этакой усмешливой снисходительности: мол, на такие «ужасы» нас не возьмешь. Конечно, после второй мировой войны, Освенцимов, Майданеков, после двух атомных бомб, разорвавшихся над Хиросимой и Нагасаки, после Вьетнама, после тех чудовищных содроганий, которыми природа напомнила о себе распоясавшемуся человеку, не говоря уже о всех прочих менее масштабных зверствах людей и стихий, наверное, как-то неловко ужасаться тем, что убивают на арене быка, которого иначе забили бы на бойне. Но вот какое дело: смерть никчемного Ивана Ильича потрясает больше, чем газетное сообщение о массовом уничтожении. Тут нет ничего удивительного и ничего позорного для человека. Ивана Ильича мы з н а е м, о жертвах же массового уничтожения нам известно только число. Мы не видели их лиц, их глаз, их мук, как видели лицо, глаза и мýку Ивана Ильича, в нас потрясено и возмущено гражданское чувство, но оно далеко от слезного мешка. Есть и более убедительный пример. Мы не знаем тех миллионов быков, которых ежедневно забивают на всех бойнях мира, и тех милых телят с девичьими глазами, и тех ягнят и поросят, и нам нет до них дела. (Не всем, правда, — Толстому было дело, вегетарианцам есть дело.) Да ведь подавляющее большинство человечества принадлежит не к травоядным. Но быка, которого выгоняют на арену, мы знаем, он мгновенно выделяется для нас из мирового бычьего стада и обретает индивидуальные черты. Вот он стоит перед нами, ошеломленный громадной чашей цирка, многолюдством и шумом, не бык вообще, а отдельная живая особь, со своей, только ему принадлежащей статью и окраской, со своими рогами, копытами, хвостом и кистью, своим взглядом и выражением, своим характером, повадками, единственный на свете, копий не существует. Уже в первые секунды становится ясно: этот — литой, как из одного куска слаженный, смельчак, а этот — робковатый увалень. Один ошарашен, другой гневно удивлен, третий взбешен, четвертому кажется, что он не туда попал, лучше вернуться в темный, тесный закут. А потом эти быки начинают жить перед нами, жить совсем коротенькой, но много вмещающей в себя жизнью, бороться, нападать, отступать, выжидать, кидаться, являть героизм, робость, смятение, испытывать жгучую боль, возмущение, ненависть, усталость, смирение, последний гнев, смертную оторопь. Иной бык дерется до последнего, весь скользкий от крови, утыканный бандерильями, исколотый пикой, измученный мулетой, он гибнет, но не сдается. А иной, горячий поначалу, вдруг поникает, словно угадав свою обреченность и позорные правила игры без выигрыша, в которую его заставили играть.

Все так, но чувствительный этот лепет не имеет никакого отношения к сидящим на каменных ступенях цирка. Ни малейшего сочувствия к животному тут нет. Хорошему быку

от души желают эффектной кончины, быка, не склонного подыгрывать своему убийце, презирают и ненавидят. Хемингуэй совпадал во мнении с цирковой толпой: хороший матадор показывает быку, чего тот стоит. Когда же быка приканчивают по высшему классу — красиво, чисто, с одного удара, — он разделяет славу матадора и, полный благодарности, отправляется в Элизиум зверей. При этом для Хемингуэя каждый бой был душевным событием. А нынешние западные писатели посмеиваются: любопытно, занятно, ну, какая там жестокость — чепуха!

От корриды мысль невольно обращается к охоте. Страстная и добычливая охота (тогда еще была дичь) окрасила целый период моей жизни и литературной работы. Я считал: раз есть дичь, должен быть и охотник. Любя природу и все населяющее ее, я спокойно укладывал из своего великолепного «Зауэра» изготовившихся к любви селезней, томительно хоркающих вальдшнепов в смеркающейся просеке, токующих на рассвете тетеревов и прочую лесную, озерную и болотную дичь, не испытывая угрызений совести и даже мимолетного сожаления.

Все же охотника из меня не вышло. Я так и не смог выстрелить по зверю, давал уйти взятому на цель зайцу, упустил — сознательно, — к великой ярости друзей-охотников, вышедшего прямо на мой номер лося, столь же бесславно охотился на лисиц. Конечно, это едино, что убить: глухаря, тетерева, крякву или лося, лисицу, зайца, но, видать, в четвероногих я сильнее ощущал родную кровь и не мог переступить какой-то внутренний запрет. А потом я вовсе прекратил охоту, раз и навсегда поняв, что это атавистическое занятие вредно для души. К тому же при нынешнем оскудении природы человек должен быть сориентирован в сторону прямо противоположную истреблению, конечно. Возможны и такие возражения: нельзя огулом защищать всех животных, есть вредители полей и садов, хищные волки и ядовитые змеи, таежный гнус, комары, паразиты. Но коль священна всякая жизнь, то и эти жизни священны? Оставим в стороне соображение о том, что понятие вредности той или иной особи относительно и динамично. Вредное сегодня может оказаться полезным завтра. Останемся в державе нравственности, на заданный вопрос ответим твердо: да! Значит, нельзя убить комара, клопа, муху?.. Можно. В доказательство приведу пример из жизни Льва Николаевича Толстого, которого никак не обвинишь в легкомысленном отношении к символу его веры: не убий.

Однажды за вечерним чаем в Ясной Поляне Толстой прихлопнул комара на лбу своего гостя, друга и последователя, знаменитого Черткова. Несвойственный воспитанному и сдержанному хозяину жест разозлил самолюбивого Черткова и крепко озадачил. Он решил проучить графа. «Боже мой, что вы наделали! Что вы наделали, Лев Николаевич! — произнес он с таким страдальческим выражением, что Толстой не на шутку смутился. — Вы пролили кровь, отняли жизнь у божьей твари! Разве дано нам право распоряжаться чужим существованием, как бы мало и незначительно оно ни было?» Очень ловко, убедительно и безжалостно Чертков обратил против Льва Николаевича его же собственное учение. Толстой зажалел погубленного комара и тяжело омрачился. Чертков почувствовал себя отомщенным. Каково же было его разочарование, когда неотходчивый Толстой на удивление быстро повеселел. Поймав его недоуменный взгляд, Толстой с лукавой улыбкой пояснил: «Все, что вы говорили, святая правда. Но нельзя так подробно жить».

То-то и оно: нельзя так «подробно жить» и так педантично, крючкотворно мыслить. Надо доверяться доброму, живому, широкому чувству.

Бой быков еще безнравственней охоты. Дичь имеет шанс спастись, у быка такого шанса нет. Он не может выиграть ни жизни, ни даже отсрочки. Как бы ни был он могуч, отважен, удачлив, он обречен. Он может победить матадора, пронзить насквозь рогами, даже прикончить, все равно с арены он живым не уйдет, его уволокут крючьями.

В той единственной корриде, на которой я побывал, произошел случай, когда по всем законам божеским и человеческим быка сле-

довало отпустить в жизнь. То был четвертый бой программы и второй бой Рамона, лучшего из молодых матадоров, работавших в этот день на арене. Юноши только начинали свой путь — невысокие, стройные, с медальными оливковыми лицами, черными как смоль волосами, они казались издали на одно лицо. Но Рамон был восходящей звездой корриды, а его товарищи ничем не блистали. Бесталанность сводила на нет их отвагу. Они пытались работать близко к быку — в духе Ордоньеса, но бык обращал их в бегство. И убить с одного удара, как это сделал в первом своем бою Рамон, они не умели. Три шпаги понадобились Пепе, чтобы бык наконец рухнул. У быка Лопеса кровь пошла горлом, что означает неверный удар — грубейшая ошибка матадора, которую не прощают зрители. Но расскажем все по порядку.

Итак, корриду открыл Рамон с хорошим, не слишком крупным, но воинственным и резвым быком, которого не приходилось раззуживать на поединок. Бык сразу пошел в атаку, едва мулета затрепыхалась перед его глазами, и дал возможность гибкому и смелому матадору исполнить все положенные пассы. Смысл всего, что проделывается на арене: предельно утомить быка, «подготовить» к последнему, завершающему удару шпагой. Этой реальной задаче подчинена вся эстетика зрелища. Быка «доводят» прежде всего мулетой, чье назойливое мельканье перед глазами заставляет разъярившееся животное кидаться очертя голову на верткого человека, делающего из него дурака. Рамон не боялся в какие-то моменты поворачиваться к быку спиной и делать несколько шагов в вершке от острых рогов. За мулетой следуют бандерильи — палки с шипами, которые матадор с разной степенью ловкости втыкает в загривок быка, потом появляется пикадор верхом на тощей кляче. Он вонзает пику в спину быка и, навалившись на древко всей тяжестью, удерживает быка на расстоянии, не давая кинуться. Обычно бык все же преодолевает упор, достигает всадника и бьет рогами в толстый кожаный фартук, защищающий лошадь, и в железные сапоги пикадора. Сплошь да рядом и лошадь и всадник оказываются на земле. Раньше лошадь не была прикрыта, и бык вспарывал ей живот, кишки вываливались наружу. Вся тройка матадоров спешит на помощь поверженному и, размахивая плащами, уводит быка. Обычно тут ярость быка достигает высшего накала. И Пепе и Лопес, спасаясь от рогов, переваливались через невысокую ограду арены под улюлюканье зрителей. Пикадора поднимают вместе с лошадью, и он опять принимается за свое. Скользкого от крови, истыканного бандерильями, измученного быка снова дразнит матадор, вконец раздергивая душу зверя, после чего закалывает. Есть только одна точка на загривке быка, куда должна войти шпага, чтобы, пронизав твердые мышцы, достигнуть тяжело стучащего бычьего сердца. Хорошие матадоры чаще всего попадают в эту точку. Попал и юный Рамон. Бык глянул удивленно, встряхнул головой и вдруг замер, прислушиваясь к чему-то свершающемуся внутри него со странным, будто сторонним и наивным выражением — а внутри его свершалась смерть, которой требовалось время, чтобы прекратить все жизненные процессы в такой огромной массе, — вдруг колени его подломились, и он медленно, как в рапидной съемке, повалился через голову и откинул ноги. И в то же мгновение сидевшая рядом со мной женщина, средних лет туристка, увешанная фото- и киноаппаратами, вскрикнула и потеряла сознание. Сразу подскочили служители и унесли ее. С той же натренированной быстротой другие служители уволокли крючьями и мертвого быка, его темное тело прочертило широкий след на песке.

Счастливый, улыбающийся Рамон вышел раскланиваться. Трибуны неистовствовали. Я тоже изо всех сил хлопал в ладоши, не потому что зрелище мне понравилось, но я был благодарен матадору, что он избавил быка и меня от лишних мук. Один мастерский удар, и дело сделано. Бык вроде не очень мучился, я ожидал неизмеримо худшего. И сейчас вместе со всеми громко возмущался скаредностью президента корриды, отказавшего Рамону вопреки нашим требованиям в ухе убитого быка. Иные знатоки утверждали, что юный матадор заслужил оба уха, но президент разрешил лишь триумф. Рамон обошел трибуны, потрясая в воздухе рукой и ловя летевшие к нему шляпы. Зря пожадничал президент, больше поводов для награждения не было. И, усугубляемая бездарностью исполнителей, жестокость зрелища стала невыносимой.

Утром, уже с билетом на корриду в кармане, я по туристской ненасытности заскочил в кино. После обычных реклам и киножурнала на экране появился очаровательный молочный теленок и заскакал по заросшему травами и цветами весеннему лугу. Палевая шелковая шкурка золотилась под солнцем. Его позвала мать, белая и прекрасная, как обращенная в корову Ио, возлюбленная Юпитера. Подскакивая сразу всеми четырьмя ножками, он помчался на зов. Повернув голову, корова принялась облизывать сына огромным шершавым языком. Весь влажный от ласки, он сунулся ей под брюхо и, чавкая, сопя, стал пить молоко из тяжелых сосцов. А счастливая мать прикрыла глаза белыми жесткими ресницами.

Я сразу почуял недоброе и не ошибся. Это был трехчастный документальный фильм о ферме, где выращивают боевых быков. Оказывается, это целая наука — выходить, выкормить и воспитать быка для нескольких минут на цирковой арене. Золотистый теленочек становится бычком, шкура его темнеет, крохотные вздутия над плоским лбом превращаются в острые, как ножи, рога, накапливается мускулатура, крепнут кости, и вот уже матадор-тренер хлопает перед его носом мулетой, пробуждая первую злость. А затем — кульминация и одновременно финал короткой жизни: огромный, мощный, литой бык выбегает на арену навстречу стройному, худому человеку с печальным смуглым лицом, которого Пикассо умел изображать одним росчерком карандаша. И все — залитый кровью, он падает на песок, сраженный твердой рукой Домингина, и перед его заволакивающимся взором возникает солнечная лужайка, высокая трава, цветы и нежный язык матери, вылизывающей ему нос, темя, глаза...

Волнение, испытанное во время первого боя, помешало мне вспомнить о фильме, но когда появился бык Пепе, я сразу представил себе его палевым теленочком. Я уже говорил о том, как плохо работал Пепе. Трижды наносил он удар, шпага проникала глубоко в плоть животного, но острие не находило сердца. И на это горестное зрелище, где бездарность оборачивалась ненужной жестокостью, в моем мозгу наплывала лужайка в цветах и безмятежная радость малютки бычка.

Две шпаги остались в теле быка, как бандерильи, а неумело всаженные бандерильи он брезгливо стряхнул прочь. Я ждал, что публика освищет безрукого убийцу, прогонит с арены и другой матадор прекратит мучения животного, но коррида, хоть и охала обвально при очередном промахе, почему-то щадила неудачника. Плоские вонючие кожаные подушки, защищающие зад от стылости каменных сидений, не летели на арену. А Пепе все шел и шел на быка с нарочитой бодростью, но не было в нем ни бодрости, ни уверенности, как не было стыда и отчаяния, овладевавших матадорами Хемингуэя, когда они не могли поразить быка. Я сидел довольно близко к арене и хорошо все видел: на смуглом, залитом пóтом лице была лишь тупая непреклонность человека, который обязан довести дело до конца. Это его профессия, другой нет и не будет, и он не может отступить. Лоск матадора сползал с Пепе с каждой новой неудачей, он все более становился похожим на крестьянина, у которого крепко не заладилось какое-то хозяйственное дело. Быка он добил кинжалом.

Лопесу достался самый большой и безрассудно смелый бык странной свинцовой масти. Эта зловещая масть и чудовищные рога радостно возбудили трибуны. Но я-то видел его палевым теленочком, влажным от материнской ласки. Этот бык поистине показал матадору, чего тот стоит, — три копейки в базарный день. Он вырвал рогом мулету из рук Лопеса и прогнал его с арены. Он не дал воткнуть ни одной бандерильи и в довершение всего дважды опрокинул пикадора вместе с лошадью. Но все его подвиги были тщетны. Лопес проколол ему легкое, и он долго, изнемогая, захлебывался кровью, прежде чем рухнул.

Но самое безотрадное произошло с четвертым быком, когда снова вышел на арену любимец публики Рамон. Его бык был не так громаден и тяжел, как бык Лопеса, но по бойцовым качествам еще выше. Тот не управлял своей яростью, а этот вышел драться и победить. Ему невдомек было, что и победителя все равно венчает смерть.

Бык Рамона не тратил себя даром, он выжидал, приглядывался и вдруг кидался вперед, заставая матадора врасплох. Рамон был юноша гордый и уже избалованный успехом, он не хотел ни отступать, ни уступать быку. Острый рог порвал ему куртку, распорол рукав, задев и окровавив предплечье. Раз он споткнулся, упал, но, оттолкнувшись ногами от бычьей морды, сумел избежать удара и вскочить на ноги. Толпе все это нравилось. Но что-то утратилось в действиях Рамона — легкость, очарование. Бык измотал его. Рамон был талантливый матадор, но бык оказался талантливей. И хотя в отличие от Рамона он дрался впервые, казалось, что у него больше опыта, расчета и целенаправленной ярости. Я глядел на этого мощного бойца, и образ палевого теленочка не тревожил мне душу.

Бык со странным спокойствием принял бандерильи, он словно не хотел расходовать себя по пустякам, а пикадора опрокинул раньше, чем тот вонзил в него пику. Пикадор, видимо, расшибся. Он лежал раскорячившись, как краб, в коже и железе, и над ним хлопотали служители. Неуклюжая возня кончилась тем, что пикадора унесли на руках, а лошадь увели. За быка взялся другой пикадор, но то ли он трусил, то ли был неопытен в своем деле. Ему не удалось подготовить быка для Рамона, который совсем выдохся.

По-моему, все сидящие на трибунах знали, что удар у Рамона не получится. Так и было, шпага встретила кость лопатки и сломалась. Рамону подали другую шпагу. Бык ждал его, понурив лобастую голову. Но когда Рамон ударил, бык косо посунул плечом и выбил оружие из руки матадора. Шпага отлетела метров на десять. Нет ничего унизительнее для тореро, когда шпага валяется на песке. Но Рамону пришлось испытать это унижение еще дважды. На трибунах послышался смех, грозный смех презрения.

Рамон медленно приближался к быку. Пот заливал его смуглое лицо, стекал на глаза, он резко смаргивал капли. Полуослепленный, с ушами, залепленными, как грязью, насмешливым гулом толпы, он нанес удар, и шпага вошла чуть не по рукоятку. Бык постоял и медленно, спокойно пошел прочь с торчащей из тела шпагой, охлестывая бока тугим хвостом. И тут Рамон заплакал. Он плакал на глазах огромной, разозленной, мстительной толпы и по-деревенски утирался рваным рукавом.

Мне вдруг показалось, что столь полный и очевидный провал человека обернется спасением для быка. Ведь бык победил по всем статьям. Израненный, окровавленный, со сталью в теле, он выстоял, явив поразительную силу жизни. Пусть он уйдет в те же ворота, из которых выбежал на арену. Пусть залечит раны, придет на пастбище, вспомнит вкус свежей, сладкой травы, покроет корову, пусть в темной для нас душе своей испытает уважение к человеческой справедливости. Давайте считать, что он может это испытать, ведь мы ничего не знаем всерьез не только о тех жизнях, которые нас окружают, но даже о себе самих. Одно мы все же знаем, что и мудрейшие научные теории объясняют ничтожно мало в той великой тайне, которую являет собой носитель жизни. Может быть, справедливость, явленная быку, всего нужнее нам самим.

Какой там!.. Уже получив смертельный удар, шатнувшись и валко переступив ногами, бык остался стоять, обводя глазами цирк, словно хотел запомнить каждого и покарать непрощением. Он был мертв, но отказывался упасть на колени перед теми, кого презирал всем своим огромным мужественным сердцем...

Вечером я видел Рамона, Пепе и Лопеса в нашем отеле, где каждый из них занимал по крошечному номеру на последнем этаже. Такие номера сдаются обычно на ночь или на несколько часов. Бедные мальчишки! Без своих расшитых курток и поясов — просто уличные продавцы газет...

В. Орешников. Род. 1904. ПОРТРЕТ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ РСФСР Л. А. ЧУРСИНОЙ. 1979.

Николай ЛАЛАКИН

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ ВЕКА

Успенский собор во Владимире. Притягивающий к себе отовсюду восхищенные взоры, просветляющий своей красотой и гармонией саму душу, он уже более восьми веков гордо высится на левобережной круче Клязьмы-реки, как полпред бывшего стольного града.

Возведенный по указу сына Юрия Долгорукова, князя-«самовластца» Андрея Боголюбского, Успенский собор (1158—1161) вместе с Золотыми воротами (1164) и храмом Покрова на Нерли (1165) должен был подчеркнуть и политическое и культурное первенство Владимиро-Суздальского княжества среди других обособленных земель.

На постройку и укрепление белокаменного храма князь Андрей не пожалел десятой доли своих доходов. Собор покорял современников не только внешним видом, но и ошеломлял богатством внутреннего убранства: настенными росписями, иконами, драгоценными камнями. Здесь же находилась святыня Руси — икона Владимирской Богоматери, шедевр византийского искусства.

Судьба собора — страница того жестокого времени: не раз от междоусобиц и нашествий ворогов он горел, но вновь восстанавливался (при Всеволоде перестроился и стал пятиглавым) и расписывался. В 1408 году его своими фресками украсили Андрей Рублев и Даниил Черный.

До совсем недавнего времени считалось, что большая часть работ великих мастеров не дошла до наших дней, их росписи погибли. Но последние комплексные научные исследования, начатые пять лет назад Владимирской научно-художественной реставрационной мастерской и продолжающиеся сейчас, принесли ряд выдающихся открытий. Найдены фрески и фрагменты росписей XII, XV и XVII веков, в том числе и неизвестные доныне рублевские творения.

Дело в том, что в 1882 году был приглашен во Владимир реставрировать Успенский собор палехский иконописец Сафонов, слывший мастером первой руки. Тогда предпринимались первые целенаправленные поиски фрагментов живописи. В ходе их были извлечены из-под вековых наслоений грязи и поздних масляных записей прекрасные композиции, принадлежащие кисти Андрея Рублева.

Но Сафонов не стал ломать головы над тем, как их укрепить и сохранить, а, полный тщеславных помыслов, решил себя увековечить. Но какой ценой?

Он приказал подмастерьям сбить творения гения, счистить красочный слой пемзой, а затем, процарапав графью для сохранения первоначального рисунка, переписал композиции на свой лад...

И когда сегодняшние владимирские реставраторы сняли сафоновские записи, то многих древних фресок и орнаментов, известных по литературным и историческим источникам, в указанных местах обнаружить не удалось.

— Хорошо, что этот новоявленный Герострат XIX века, — говорит руководитель реставрационных работ по живописи Александр Петрович Некрасов, — все же проявил некоторое благоразумие: прежде чем разрушить фрески, он снял с некоторых из них уменьшенные акварельные копии...

А вот Андрей Рублев, — продолжает он, — наоборот, очень бережно, с большим вниманием отнесся к произведениям предшествующих мастеров древности. Он сделал все, чтобы они как можно лучше сохранились. Рублев подправил лишь те места, где был утрачен красочный слой. На фресках XII века мы обнаружили несколько мазков, относящихся по составу краски к 1408 году. Воистину, помните, как у Пушкина: «Гений и злодейство две вещи несовместные»...

А. П. Некрасов — интереснейший рассказчик. И главным героем его устных повестей всегда остается Успенский собор, главное сегодняшнее **дело** Александра Петровича, о котором он начал мечтать еще тридцать лет назад, когда в числе лучших выпускников Владимирского художественного ремесленного училища был приглашен работать в местную реставрационную мастерскую.

Еще во время учебы профессор Н. П. Сычев брал его с собой в Москву для восстановления росписей Московского Кремля. Там-то и пришла первая большая удача. Он работал в храме Василия Блаженного и наткнулся на подпись, которую до него искали многие и о чьем существовании выдвигались лишь предположения. Подпись стала доказательством, что храм этот построен по велению Ивана Грозного, и точно указывала даты сооружения. Молодой реставратор спокойно воспринял свою находку и крайне удивился, когда его наставник профессор Сычев, человек уже пожилой, пустился в пляс, и одобрительно захлопал в ладоши, узнав об этом сам академик Грабарь...

Пять лет проработал Александр Некрасов в Москве, стараясь научиться как можно большему. Когда он вернулся во Владимир, то уже был сформировавшимся реставратором со своими идеями и взглядами на искусство.

Первые его усилия были направлены на поиск надежных закрепителей, которые позволяли бы краскам «дышать» и не создавали благоприятной среды для бактерий. С этой целью Некрасов объездил признанные центры реставрации, побывал в Киеве, Вильнюсе, Ленинграде, Костроме, снова в Москве. Но прошло несколько нелегких лет испытаний, прежде чем из двенадцати предложенных препаратов были отобраны и успешно применены два надежных полимерных соединения. В их отборе Некрасову очень помогла реставратор его группы, химик по образованию Л. П. Балыгина.

...И вот реставрация владимирского Успенского собора.

Первые месяцы работы заставили Александра Петровича изрядно поволноваться. Несмотря на многочисленные пробы и шурфы, в местах, где литературные и исторические документы утверждали нахождение фресок и орнаментов, их почему-то не оказалось. Вновь и вновь приходилось рыться в архивах, но собор словно испытывал реставраторов и проверял, прежде чем доверить свои тайны.

И вдруг (эти минуты всегда неожиданны) за разобранным иконостасом обнаруживаются сразу две фрески. Да еще какие! С изображением хорошо сохранившихся фигур. При первом осмотре стало ясно, что они даже не рублевские, а более древние. Значит, их видел великий мастер, и, возможно, они ему нравились. Анализ вскоре подтвердил, что фрески принадлежали кисти живописцев, работавших по указу Всеволода, и относились к 1189 году. Вскоре были найдены еще два четырехметровых изображения, и там же раскрыли неизвестный ранее фрагмент изначальной росписи фасадов, построенных еще при Боголюбском. Живопись аналогична известным орнаментальным росписям 1161 года, а ее сохранность оказалась даже лучше ранее найденных. Подлинный колорит, яркость и сочность красок позволили представить теперь первые настенные росписи собора, сделанные при Андрее Боголюбском.

Затем открытия пошли одно за другим. И вот наконец-то в верхней части собора, под сводами, во всех четырех люнетах из-под записей, загрязнений и извести показались и долгожданные композиции Андрея Рублева и Даниила Черного: «Сошествие святого духа», «Введение во храм Богоматери», «Жертвоприношение Иоакима и Анны», «Крещение». Они неоднократно упоминались в различных источниках. Но широко известна из них лишь композиция «Преображение», которая в основном была раскрыта еще в годы предыдущих реставраций. Другие же композиции предстали впервые, так как были скрыты слоями записей XIX и XX веков.

Велико же было огорчение некрасовцев, когда в процессе расчистки было обнаружено громадное количество утрат красочного слоя. Зеленая и охристая одежда пророков Ильи и Моисея, лики и нимбы святых, изображения Христа и многое другое сохранилось лишь фрагментами. Все эти утраты — следы «реставрации» Сафонова.

К счастью, нетронутым на восточной щеке южного пилона оказалось неизвестное изображение полотенца, принадлежащего кисти Рублева. Раскрыт удивительной сохранности растительный орнамент, выполненный темно-коричневой краской с сероватыми и голубыми высветлениями. Над ним сохранилось также изображение князя Владимира. Он изображен в красном плаще с белым внутренним подбоем. Нижнее платье князя зеленовато-охристого цвета с геометрическими рисунками. В левой руке князь сжимает меч...

В эти дни заканчивается работа по закреплению раскрытых росписей. Со всех фресок снимаются копии в натуральную величину. Усилия приходится предпринимать невероятные, уж очень слаб красочный слой живописи, борьба порой идет за каждый сантиметр. Процесс медленный, требующий от реставратора большой выдержки. Например, чтобы надежно закрепить одну из фресок XII века, опытному Некрасову потребовался год. А ведь композиция «Сошествие святого духа» имеет длину 7 метров, а высота ее достигает 3,5 метра. Немного уступает ей и «Введение во храм Богоматери».

Видимо, окончательные и наиболее верные оценки труду владимирских реставраторов дадут специалисты и искусствоведы, но уже сейчас ясно, что найденная и раскрытая ими живопись древних мастеров обогатит наше представление о русском искусстве, раскроет дополнительные черты деятельности и творчества великого русского художника Андрея Рублева.

Владимир.

Фреска Андрея Рублева и Даниила Черного «Введение во храм». Фреска XII века. Художник-реставратор лауреат Государственной премии РСФСР в области архитектуры Александр Некрасов.

Известный южноафриканский прозаик Алекс Ла Гума хорошо знаком советским читателям. Все творчество этого писателя-патриота посвящено борьбе с презренным режимом апартеида в Южной Африке. В 1979 году Ла Гума был избран генеральным секретарем Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Недавно увидел свет его новый роман «Время сорокопута», плод шестилетнего упорного труда...

Жителей деревни насильно выселяют в «бантустан», их земли достанутся горнодобывающей компании. Но крестьяне не желают мириться с произволом властей, бросают вызов войскам и полиции. Шиллинг Муриле, отсидев долгий тюремный срок, возвращается в родные места, чтобы посчитаться с преуспевающим бурским помещиком Ханнесом Меуленом за смерть брата. Белый коммивояжер Эдгар Стоупс тщится сколотить состояние, не желая видеть приближающейся социальной катастрофы. Но часы истории не повернуть вспять, настает время «сорокопута, птички-мясника», и угнетателям придется держать ответ за их кровавые преступления...

20 февраля 1980 года Ла Гуме исполнилось 55 лет. Он полон сил, творческой энергии. Последняя книга Ла Гумы — несомненное свидетельство расцвета его таланта. Предлагаем вниманию читателей отдельные главы из романа «Время сорокопута». Целиком в переводе на русский язык он публикуется в журнале «Иностранная литература».

ВРЕМЯ СОРОКОП

Алекс ЛА ГУМА

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Контора комиссара по делам туземцев помещалась в одном из административных зданий, стоявших в ряд: тут и торговая палата, и управление по электроснабжению и водопроводу. Всюду двойные стеклянные двери, завешенные выгоревшими до неопределенного цвета шторами. В конце ряда красовался полицейский участок с кирпичным фасадом и лакированными дверями из тика, хотя лак, впрочем, почти весь облупился. Соединяла административные службы веранда, над которой помещался зал суда. Учреждения глядели окнами на пыльную площадь с церковью и лавками.

Горячий воздух струился над гравием мостовой. Двое черных мужчин стояли на самом солнцепеке перед входом в контору по делам туземцев. Один из них поправил на голове пожелтевшую от времени панаму и сказал:

— Я наперед знал, они и слушать нас не станут.

— Зато ты ему все выложил,— похвалил его второй.— Комиссар корчит из себя белого бога. Важный, как слон.— Он заразительно рассмеялся. Стайка птичек вспорхнула с засохших дубов, пересекла площадь и уселась на перила веранды.— Им до нас столько же дела, сколько этим пичугам.

Оба были уже в летах, одеты бедно, в руках — посохи. По такому случаю они повязали засаленные галстуки, застегнули пиджаки на все уцелевшие пуговицы. Убогость их костюмов бросалась в глаза: бахрома на брючинах, мятые, застиранные сорочки; тот, что в панаме, нацепил еще булавку на воротничок. Жалкие потуги на респектабельность перед лицом белых хозяев.

Прежде чем войти в комиссариат, они тщательно отерли пот с лица — ведь им пришлось проделать долгий путь пешком. С улицы они попали в комнату для посетителей: голые стены, никакой мебели, только деревянная скамья, придвинутая к стене возле матовой стеклянной двери. За железным барьером у стола с пишущей машинкой сидел клерк. Он печатал что-то, перечитывал написанное и хмурился, посасывая костяшки пальцев. На нем была спортивная рубашка с расстегнутым воротом, виднелись завитки светлых волос на груди. Он даже не взглянул на вошедших. На полке в углу жужжал электрический вентилятор, размеренно поворачиваясь из стороны в сторону. Двое черных не сели на скамью, как им бы следовало, а подошли к барьеру, сжимая посохи. Сняв шляпы, они застыли в бесстрастных позах, ожидая, чтобы клерк обратил на них внимание.

Минутная стрелка настенных электрических часов беззвучно скакнула, и тогда мужчина в панаме, старший из них, с умыслом уронил посох.

Клерк злобно воззрился на пришельцев. Он учуял, как запахло пóтом и пылью — особый запах черномазых. Ему и в голову не пришло, что они проделали долгий путь по жаре; клерк был убежден, что все кафры воняют. Он собирался помурыжить черных, прежде чем заговорить с ними,— эти дикари другого обхождения не заслуживают.

— Почему вы не ждете, когда вас позовут? — процедил он.— Что у вас за дело? Пропуска? Вы должны были уплатить налоги еще в прошлом месяце.

Старший наклонился за посохом, потом выпрямился и сказал:

— Дело не в пропусках и не в налогах. Мы пришли по поводу переселения.

— Так вы из деревни Хлангени? Но ведь большой начальник уже объяснил все вашему старосте.

— Мы получили письмо,— продолжал старший.— Ответ из столицы. Нам велено явиться в вашу контору.

— Письмо?—переспросил клерк, хмурясь.— Ты что, умеешь читать?

— Умею,— ответил черный мужчина, невесело улыбнувшись.

Снаружи солнце закатывалось за церковный шпиль.

— Подождите здесь,— буркнул клерк, вставая из-за стола. Он вышел в стеклянную дверь, а двое посетителей снова застыли в ожидании. Муха, застрявшая между оконным стеклом и занавеской, жужжала, как пила; прыгала минутная стрелка на стенных часах. Наконец дверь распахнулась, и клерк пропустил вперед самого комиссара.

Комиссар, являвшийся также мировым судьей, уставился на черных. Он старался держаться на расстоянии, побаиваясь запаха, приставшего к ним в пути. Если не считать пиджака из альпаки, в который он облачался, приходя в контору, комиссар был воплощением накрахмаленной чистоты и изысканной элегантности, от лысеющего черепа до начищенных до блеска башмаков. Жара, казалось, на него не действовала, он выглядел неутомимым и выносливым, как аравийский верблюд. Воротничок сорочки слепил белизной, восковато-розовые щеки с сеточкой кровяных сосудов тщательно выскоблены. Он глядел на двух оборванцев с презрением — как они смели явиться перед ним в этих неописуемых лохмотьях!

И заговорил он с ними, как с непослушными, провинившимися детьми:

— Ну, с чем пожаловали?

— Письмо,— терпеливо ответил старший.

— Какое еще письмо?

— Ваша милость, мы получили письмо, где говорится, что вы дадите ответ на поставленные нами вопросы.— И прибавил бесстрастно: — Так уж заведено столичными властями. Мы обращаемся к ним, они отсылают нас за ответом к комиссару. Довольно странный способ, ответ доходит до нас окольным путем, но не нам судить об этом.

— Ты не имеешь права говорить так,— изменив тон, перебил его комиссар, все еще стоя на пороге.— Как твое имя?

— Кобе, меня зовут Кобе.

Комиссар, держа в руках картонную папку, посмотрел на черного и что-то записал на листке.

— За ответом пусть приходит Хлангени. Он ваш староста.— Комиссару стоило немалых усилий не сорваться на крик, в голосе его сквозил оттенок праведного возмущения. Туземцы, как дети, их надо время от времени ставить на место, напоминать, кто правит в стране, кому принадлежит власть. Но черный снова заговорил, и комиссар вытаращился на него, отказываясь верить своим ушам:

— Хлангени, вечно он! Но на этот раз выбрали меня.

— Выбрали? Да кто вам дал такое право? Как это так?

— Все в один голос высказались за то, чтобы послать меня.

Голова белого задергалась от нетерпения.

— Никогда вы ничего не поймете, ничему не научитесь. Я и говорить с тобой не стану, потому что ты не староста. Скажи спасибо, что не выставил тебя за дверь.— Папка в его руках заходила, он поднял ее, будто целясь в пришельцев.— Так вот, заявляю вам в последний раз: вы обратились в правительственный департамент с прошением отменить указ о вашем переселении, поскольку земля, на которой вы живете, якобы испокон веку принадлежала вам. Вы направили три письма и даже наняли в городе адвоката. Где это вы берете деньги на такую роскошь? Но правительство приняло окончательное решение, и я уполномочен сообщить его вам. Переселение состоится, как и было намечено. Это все.— Снисходительная сдержанность сменилась острой, как бритва, неумолимой суровостью.— Так и передайте своим землякам, а старосте скажите, что я на него сержусь за то, что он не пришел ко мне сам.

Кобе, вертя ветхую панаму в расплющенных пропыленных пальцах, негромко ответил:

— Мы передадим Хлангени все слово в слово. Но и вы, ваша милость, послушайте, что мы вам скажем от имени тех, кто нас прислал.— Он сделал паузу, перевел дыхание, взгляд его стал серьезным.— Нам объявили, что мы должны покинуть свою землю, землю наших предков. Нелегкое это дело — свалить вековой дуб. Корни у него глубокие. Можно, конечно, взять топор и срубить дерево, это легче легкого, но только корни все равно останутся, их не выкорчуешь. Так что дуб попрежнему будет жить на старом месте.

— Что ты такое мелешь! — сузив глаза, прошипел комиссар.

— Это все, что нам поручено сказать.

— Ну вот что,— отрезал комиссар,— с меня довольно, не желаю слушать этот вздор!

— Мы пойдем теперь,— сказал Кобе.— Всего доброго, ваша милость.— Он нахлобучил пожелтевшую панаму, его спутник шагнул в сторону, пропуская старшего вперед, и они вышли из конторы на площадь, освещенную косыми лучами солнца.

— Ты ему все сказал,— повторил тот, что был помоложе.

— Да,— вздохнул Кобе,— я все сказал.— Приложив палец к ноздре, он высморкался

...УТА

в пыль. Мимо, озорно звеня, промчался белый мальчишка на велосипеде, обдав их клубами бурой пыли, и злорадно рассмеялся через плечо. Они отряхнули пыль с ветхой одежды, и второй мужчина проворчал:

— Никакого уважения к старшим.

— Какой с ребенка спрос,— отозвался Кобе.— Пойдем-ка, путь не близкий, надо быть в деревне к закату.

— Пойдем, ты ему все сказал.

Они пересекли площадь, вздымая фонтанчики пыли; оседая, она затягивала следы их дырявых башмаков.

Тяжелые доски потолка провисли, в нем появились трещины. И все же какая ни есть, а крыша над головой! В комнате был старинный буфет с литыми чугунными ручками на дверцах и ящиках, опоясанный поверху фарфоровым орнаментом. В хрустальной вазе пылились искусственные цветы. На побеленной стене, в облупившейся багетной раме — большая выцветшая фотография мужчины в старинном мундире, похожем на адмиральский. Это был отец Хлангени, который сподобился однажды побывать на аудиенции у самого генерал-губернатора. Рядом еще одна фотография — на ней Хлангени, совсем юный.

Хлангени забился в потертое кресло, отдаленно напоминавшее трон. В нем трудно было узнать юношу, который позировал фотографу на фоне пальмы в кадке, облокотясь на высокую тумбу. Он сидел без пиджака, накинув на сутулые плечи старую овчину. На резном столике горела керосиновая лампа с бронзовой подставкой, хранившаяся в доме еще со времен его матери. Свет лампы играл в его седых волосах; в глазах табачного цвета видны были гнев, заботы, усталость и печаль. Темные пальцы перебирали ворсинки шерсти, глаза, прикрытые складками кожи, уставились в пространство. Обеденный стол и стоявший на нем графин с водой тонули в полумраке. Несколько дверей вели в другие помещения; из-за зашторенного окна доносились приглушенные голоса, стрекот сверчков и стук топора. Хлангени удивился: и кому это приспичило работать среди ночи?

Входная дверь внезапно отворилась, в комнату проник отблеск звездной ночи, запах костра. Потом на пороге выросла дородная фигура его сестры. Хлангени разглядел ее сверкающие белизной мелкие зубы.

— Можно к тебе? — спросила она, затворяя за собой дверь.

— Ты и так уж вошла,— ответил он не без раздражения и потупился.— Приходишь и уходишь, когда пожелаешь, говоришь, что тебе вздумается.

Тяжело ступая, она приблизилась к нему, мужские ботинки застучали по утрамбованному земляному полу.

— Тсоане родила двойню, нашла время! Муж-то ее в городе.

— Близнецы? — буркнул Хлангени.— Раньше бы все радовались доброму предзнаменованию. А теперь это два лишних рта. Твоими ерундовыми проповедями их не накормишь.

Она грузно опустилась на кушетку рядом с его креслом.

— Придется поручить Тсоане с новорожденными твоим заботам.

— Мне теперь только и дел что стирать пеленки да возиться с младенцами...

— И стариками! — сурово закончила за него сестра.— Ни на что другое ты не годен. Кто знает, может, двойняшки, когда подрастут, станут твоими послушными подданными. Роженица не в состоянии идти с нами; те, кто остается, должны будут приглядеть за нею.

Он посмотрел на сестру, подпоясанную мужским ремнем, и губы его скривились в ухмылке.

— Ты их всех приведешь прямиком в преисподнюю, вот увидишь!

— А не лучше ли,— резко перебила его Ма-Тау,— угодить в ад, но сохранить достоинство, чем терпеть унижения в ихнем раю. Если они хотят прогнать нас отсюда, пусть явятся и побегают за нами по горам.

— Что это там рубят? — спросил Хлангени, пальцы его все бегали по овчине.

— Мужчины строят баррикаду,— ответила сестра.— Мы не пропустим сюда их грузовики.

— Какая глупость! — вскричал Хлангени.— Что это вам даст?

— Найди, наконец, в себе хоть каплю мужества,— ответила она, печально глядя на брата.— Твои предки выходили с копьями против ружей.

— И были истреблены,— внезапная вспышка гнева прошла, голос его снова стал тусклым, бесстрастным.

— Да, они были разбиты, но не истреблены. Ты знаешь это не хуже меня. Настанет день, когда и у нас будут ружья.

Лампа закоптила, запахло гарью. Протянув большую руку, она привернула фитиль.

— Глупости,— повторил Хлангени в сгустившемся мраке.— Всей этой ерунды ты нахваталась в городе. Уж оставалась бы там. Ты наш злой дух.

— Меня, как тебе известно, оттуда выслали.— Она уставилась в дальний угол, окутанный мраком, словно увидела там кого-то.— Я полюбила город. Мне не хватает его шума, ощущения кипучей жизни.— На мгновение она словно отключилась, погрузившись в свои

мысли. Калейдоскопом мелькали воспоминания...

Вот она едет в пригородном поезде, длинная вереница вагонов третьего класса грохочет на стыках. Как обычно, вагоны битком набиты черными рабочими; после трудового дня их развозят по локациям и отдаленным поселкам. На жестких деревянных скамьях и в проходах яблоку негде упасть, люди сидят даже в окнах, выставив наружу зады. Смельчаки едут на буферах и сцепах, держась за каждый выступ. Поезд раскачивается на стыках, пассажиров швыряет из стороны в сторону, они толкают друг друга, цепляются за соседей, стараясь удержать равновесие, чертыхаются, хохочут, лица блестят от пота, воздух в вагоне тяжелый, спертый, пахнет немытыми телами. За окнами проносятся богатые предместья, чистенькие коттеджи под черепичными крышами с аккуратно подстриженными живыми изгородями; иногда попадаются особняки, окна в них сияют, вокруг — лужайки и клумбы. За предместьями начинаются пустыри, городская свалка, автомобильное кладбище, похожее на поле битвы. Поезд сбавляет скорость возле покосившихся бараков и лачуг. Они жмутся друг к другу, словно боятся упасть. Вечернее солнце играет на ржавых крышах и бочках для воды под уродливыми навесами. Трущобы остаются позади. Раскачивающиеся вагоны, набирая скорость, рассекают акр за акром, точно лесной пожар, несутся мимо застывших сомкнутых рядов унылых двухкомнатных коробок из прессованных блоков, крытых асбестом и жестью: серые, безликие геометрические фигуры под нестираным покрывалом туманной дымки, повисшей в сумеречном небе.

У замусоренной станционной платформы двери вагона распахиваются, точно раскрывшиеся раны, люди темными сгустками вываливаются наружу и, переводя дух, устремляются к выходам. Топот множества ног заглушает смех. Работяги торопятся засветло добраться до своих лачуг.

Женщина с сумкой, набитой каким-то хламом, толкает Ма-Тау в бок; впереди мужчина в драном комбинезоне балансирует с грузом досок на плече. Он свистит и покрикивает, требуя, чтобы ему уступили дорогу. Все спешат, людской поток обтекает ее, словно речной валун.

Людям сегодня повезло — нет проверки пропусков, и толпа растекается во все стороны под недреманным оком двух дежурных полисменов, сидящих в кабине «лендровера». Стекла машины затянуты толстой проволочной сеткой. Черный констебль с копьем в руке стоит снаружи, поставив ногу на бампер.

Она игриво здоровается с констеблем, но толпа уносит ее мимо патрульного автомобиля, увлекая в улицу, образованную двумя рядами совершенно одинаковых кубиков. Она — частица толпы, ее дом — в одной из этих конурок с пыльным клочком земли перед входной дверью, обнесенным изгородью из прутьев и проволоки. Вдоль дорожки — кучки сланцевой золы, битая черепица, пустые консервные банки. Внутри — копоть и сажа по углам, стены в трещинах.

Это ее кровное: усталость, смех, возвращение домой, жареное тесто, размякший рубец, кислая каша, ломти вчерашнего хлеба, дети в лохмотьях за заборами, запах дыма с пропыленных дворов.

Людям все это до смерти надоело. Они изнемогают от усталости, вечного безденежья, постоянных облав и проверок. Изголодавшийся человек среди бела дня зашел в лавку в центре города, схватил с прилавка цыпленка, выскочил за дверь и съел его тут же, на тротуаре, на глазах у окаменевших от изумления покупателей и продавца. «Они устали голодать»,— думала она. Об этом говорят в замызганных заводских столовках, у фабричных ворот, во дворах, на митингах; пишут об этом на стенах кровоточащей краской...

— Вождя положено слушаться,— сказал Хлангени, прервав ее мысли.

Она очнулась, вновь услышала треск цикад и стук топоров, поглядела на брата с кушетки, на которой едва умещалась. Он маячил перед ней в полумраке, забившись в кресло, беспокойно поводя руками, словно пытаясь собрать в кулак остатки мужества, гордости, достоинства. Осунувшееся лицо подергивалось от напряжения, на нем не осталось и следа былой величавости.

— Вождь, конечно, вправе рассчитывать на послушание,— сказала она с оттенком сострадания.— Но ведь сам ты смирился, когда тебя назначили старостой. Позволил им отнять у тебя звание вождя. Сначала тебе дают права и власть над людьми, потом отбирают. И ты ждешь от них послушания.

— Времена изменились.

— Эее, это так, теперь другие времена. Раньше вождь прислушивался к словам своих советников. Потом пришли белые, и вождь стал в их руках кнутом, чтобы стегать людей. Вот народ и говорит: «Если вождь — это только кнут, отшвырнем его!»

— Я ограждаю их от неприятностей.

— Вот как? Почему ж мы тогда не вылазим из бед?

— Но нам дают новую землю взамен этой,— беспомощно пробормотал Хлангени.

— Новая земля? А ты видел ее? Растет ли на ней трава? В ней ли зарыты кости наших предков? Там ли прах нашей матери? Что, если ты захочешь посидеть и поразмыслить у могилы отца,— он ведь тоже был вождем? Пойдешь к ним за разрешением? «О великий хозяин и господин,— скажешь ты смиренно,— я хочу побывать на отцовской могиле, дайте мне клочок бумаги, который доведет меня туда». А еще твердишь: я вождь! — Она резко поднялась, хоть ей это стоило немалых усилий. Учащенно дыша, она посмотрела на него сверху вниз.— Найди же в себе мужество, хоть каплю!

Тяжело ступая, она подошла к двери, опустила руку на засов и оглянулась на брата. Его силуэт расплывался в мерцающем свете лампы. Приоткрыв дверь, она сказала:

— Я велела пастуху отогнать овец в горы.

И прежде чем выйти, еще раз пристально взглянула на ссутулившегося в кресле старика.

— Чудеса,— хмуро произнесла она, точно рассуждая вслух.— Когда мы поем гимны богу дождя, белые нас высмеивают, а теперь сами устраивают молебен...

Конвой фермерских грузовиков с полицейским «лендровером» впереди катил по проселку, колеса шуршали по сухому мелкому песку, песчинки стучали в лобовые стекла и днища. Сбоку от дороги, в полях торчали терновые деревья с ветвями, похожими на скрюченные руки. У неровного, скомканного горизонта, окутанного голубой дымкой, знойное марево отплясывало джигу. Грузовики, точно под хмельком, покачивались вдоль осыпающегося берега иссохшего ручья, пока не произошла вынужденная остановка. На окраине деревни, недалеко от крайних домов, дорогу преградили поваленные камедные деревья.

Сержант, ехавший впереди, разглядел за баррикадой несколько сгорбленных старческих фигур — точно грубо, наспех вырезанные из дерева, они сидели на порогах глинобитных построек. Но тут прямо на его глазах в тени деревьев выросла толпа, привлеченная шумом моторов. Сержант с беспокойством подумал, что все это неспроста.

— Пошли,— буркнул он клерку из комиссариата по делам туземцев и выскочил из «лендровера». Клерк, успевший переодеться после молебна, был уже не в строгом костюме, а в спортивной рубашке и шортах цвета хаки. Он с некоторой опаской взглянул на сержанта, затем выбрался из машины с другой стороны, прихватив папку с официальными бумагами.

При виде двух непрошеных гостей толпа под деревьями затянула песню, сразу взбесившую сержанта. Ему было не по нутру их пение. Если черномазые горлопанят, непременно жди беды. Грузной походкой он подошел к поваленным деревьям, глаза заискрились злобой из отвисших складок кожи, похожих на использованные пакетики для заварки чая.

— Что это все значит? — крикнул он туземцам.

Полная женщина в домотканом платье, перехваченном кожаным ремнем,— он узнал в ней сестру старосты — замахала большими черными руками, и толпа смолкла. До него донесся ее зычный голос:

— Не советую вам подходить ближе.

Сержант как вкопанный застыл у баррикады. Он невольно подчинился ей и сразу осознал, что допустил ошибку: ему надлежало при любых обстоятельствах сохранять присутствие духа и невозмутимость, одним своим видом внушать уважение к закону. Чтобы исправить положение, он притворился, будто не узнал женщину:

— Ты кто такая? Я с тобой говорить не желаю. Где Хлангени? Разве вам неизвестно, что сегодня вы должны покинуть деревню? Почему навалены деревья на дороге? Мы пригнали за вами грузовики.

— Они не понадобятся,— крикнула женщина, и шага не сделав в его сторону.— Никуда мы отсюда не уедем. Ваш судья предупрежден.

— Я не буду тебя слушать,— холодно процедил сержант.— Где староста, где Хлангени? — спрашивал он уже у толпы.— Не обращайте внимания на эту женщину, она только сеет смуту и неприятности.

Ему ответил черный мужчина, которого звали то ли Кобе, то ли как-то еще в этом роде:

— Нет больше Хлангени, мы отказываемся его признавать.

Толпа пришла в движение, зароптала, потом черные снова запели.

— Что здесь происходит? — Сержант едва не шагнул вперед, но спохватился.— Вам не раз и не два было сказано: сегодня вы перебираетесь на новое место.— Он ткнул пальцем в сторону клерка с папкой.— Со мной приехал начальник с правительственной бумагой. Хлангени уже читал ее.

— Начальник,— глядя на клерка без всякого почтения, заметил Кобе.— Молод еще для начальника!

— Ты обязан уважать представителей правительства,— резко одернул его сержант.— Хватит валять дурака, вели своим людям грузить вещи в машины.

И тут женщина громко расхохоталась:

— К чему эти лишние разговоры? Убирайтесь-ка сами отсюда!

Толпа снова запела, раскачиваясь в такт мелодии. Сержант, выйдя из себя, схватился за кобуру, стал ее расстегивать.

В толпе поющих вдруг раздался воинственный клич, улюлюканье, какой-то юнец запустил в сержанта камнем. Камень пролетел мимо, но клерк струсил и побежал, роняя бумаги из папки, официальные документы разлетелись во все стороны по песку. Выхватив револьвер, сержант пальнул в воздух, в ответ на него обрушился град камней. Клерк, как ужаленный, вскочил в кабину «лендровера», и в этот миг увесистый камень угодил в проволочную сетку в лобовом стекле. Водители впопыхах заводили моторы, заскрежетали рычаги передач. Толпа подалась вперед, и камни застучали по кабинам и крашеным кузовам.

Сержант, красный, как рак, вложил револьвер в кобуру и, повернувшись, заковылял к «лендроверу». Одному ему с ними не справиться, надо вызывать подкрепление. Кто мог подумать, что проклятые кафры так обнаглеют! Он спасовал перед этими бабуинами в отрепьях. До чего же мы дошли!..

Камень сбил с его головы форменную фуражку, и она покатилась в пыли вместе с бумагами клерка. Он добежал до «лендровера» и тяжело плюхнулся на сиденье, прячась в бронированной кабине. А камни летели из-за поваленных деревьев, стуча по металлическим частям грузовиков, которые неуклюже разворачивались, буксуя в песке. Колонна двинулась назад, в город. А толпа грянула им вслед причудливую, чуждую уху белого песню.

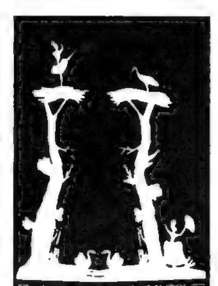
Перевел с английского
Виктор РАМЗЕС.

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Х. К. АНДЕРСЕНА

«ЛУЧШЕЕ В СВЕТЕ ЗОЛОТО...»

Ханс Кристиан Андерсен. Портрет работы худ. Иенсена. 1836 год.

Так сам Андерсен иллюстрировал свои сказки.

Помните, конечно, сказку о гадком утенке, который превратился в прекрасного белого лебедя? Сколько пришлось ему перенести унижений, страданий и горестей, пока он не вырос, не оперился и всем наконец не стало ясно, что это настоящая царственная птица! «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!» — это мог бы сказать Андерсен о себе самом. В самом деле, Ханс Кристиан Андерсен родился 175 лет тому назад в датском городе Оденсе в семье бедного сапожника. Все социальные предпосылки были, казалось, к тому, чтобы и он провел свою жизнь в безвестности, обучившись какому-нибудь немудрящему ремеслу. «Нет, это было бы обидно»,— решительно заявил «гадкий утенок», ощущая в себе иную, могучую силу, которая вопреки всему влекла его к еще смутно представлявшейся ему, неведомой, но желанной цели — литературному творчеству. Он не сразу нашел свое истинное призвание, пробовал себя в театре, балете, музыке. Но он был рожден поэтом, то есть человеком, который, по его словам, умеет «поймать солнечный луч» и черпать вдохновение «из трав и злаков земных, из стоячих и текучих вод».

Андерсен писал стихи, пьесы, романы, путевые очерки и, наконец, сказки, которые и принесли ему самую большую славу. В книге об Андерсене, написанной его соотечественником Бо Грёнбеком и недавно переведенной на русский язык издательством «Прогресс», говорится, что именно «сказки стали венцом его творчества», а кроме того, они оказались «единственными датскими произведениями, вошедшими в мировую литературу».

Свои сказки он писал не только для детей, но и для взрослых — обычно ведь взрослые читают детям сказки. Это было «творчество в два этажа»: почти в каждой сказке наряду с фантастической фабулой, доступной детскому пониманию, присутствуют мысли и идеи, предназначенные для их осмысления родителями.

Как рождались его сказки? «Иди прямо навстречу жизни, в самую густую толпу, да насторожи и глаза, и уши, и сердце! Тогда живо придумаешь что-нибудь!» Придумаешь, конечно, если есть фантазия, тот самый «солнечный луч». Фантазией Андерсен был одарен в высшей степени. Кроме того, он обладал редкой впечатлительностью, много путешествовал, много видел, впитывая многообразие и пестроту окружающей жизни. И, конечно, неисчерпаемым источником вдохновения были для него древние предания, сказания, пословицы и поговорки — «птица народной песни», которая «не умрет, пока на земле остается для нее хоть единая точка опоры».

Мудрые и человечные сказки и истории, рассказанные Андерсеном, поражают широтой диапазона, разнообразием формы — от озорной, веселой шутки до полной глубины и высокого трагизма философской притчи, от тонкой лирической зарисовки до острой сатиры.

Почему не все его сказки веселые, не все с хорошим концом? Да потому, что они не уводят от жизни, но учат понимать и принимать жизнь во всем ее противоречии и сложности. Фея, приносящая жемчужину скорби, «без которой не полон венец земных благ» и которая «еще ярче оттеняет блеск и красоту других», рано или поздно навестит каждого человека. И в сказках, как и в жизни, неизбежны страдания, и величие или ничтожество сказочных персонажей определяются той мерой достоинства и мужества, с которыми они принимают выпавшие на их долю испытания.

Сколько прекрасных образов создано воображением Андерсена! Самоотверженная и преданная Герда из «Снежной королевы», чья чистота сердца сильнее любого колдовства; кроткая и мужественная Русалочка, ради любви принявшая добровольные мучения и самое смерть; Элиза из «Диких лебедей», верная и любящая сестра, готовая пойти на костер ради избавления своих братьев от злых чар; стойкий оловянный солдатик; скромный цветок ромашки, так трогательно сострадавший попавшей в клетку птичке...

«Какое блаженство забывать себя самого ради других!» — вот принцип, которому следуют положительные герои сказок Андерсена. То есть следуют они велению своего сердца, а именно в сердце, не устает напоминать писатель, сокрыты зародыши и наших добродетелей и наших пороков. «Лежат они там крошечными, невидимыми семенами; вдруг в сердце проникает солнечный луч или прикасается к нему злая рука, и ты сворачиваешь вправо или влево — да, вот этот-то поворот и решает все...» Если в сердце пустили ростки зародыши порока, совсем другие образы возникают в сказках. Вместо доброты и самоотверженности они олицетворяют собой тщеславие, зависть, надменность. Но едва ли не самое страшное — это злобные духи — блуждающие огоньки, способные принимать образы людей: «Они произносят речи и на выборах, но не ради пользы страны и государства, а ради своей собственной пользы. Они вмешиваются и в искусство, но удастся им утвердить там свою власть — прощай искусство!»

Наряду с романтическими и даже сентиментальными сказками Андерсен писал и хлесткие обличительные сатиры вроде знаменитого «Нового платья короля», а также «Лягушачьего кваканья» или «Писаря», где он довольно зло изображает газетчиков, что «по долгу службы» готовы «изничтожить любой настоящий талант», и бездарного критика, о котором, «как ни старайся, хорошей сказки не напишешь».

Этот поэт и сказочник, вышедший из простого народа, прошедший «тернистый путь славы», несмотря на весь свой романтизм и до старости сохранившуюся детскую непосредственность, зорко видел царившие вокруг социальное зло и несправедливость. Он и говорил о них в своих сказках: «Каждую вещь следует называть настоящим именем, и если уж боятся это делать в действительной жизни, то пусть не боятся хоть в сказке!»

Свое отношение к миру, свое кредо Андерсен, пожалуй, ярче и лаконичнее всего выразил в сказке «Улитка и розовый куст» в диалоге между «глубокомыслящей», занятой своим «внутренним развитием» улиткой и благоухающим розовым кустом, который не может замкнуться в себе, потому что у него «все просится наружу». «И розовый куст цвел и благоухал, полный невинной радости и счастья, а улитка тупо дремала в своей раковине,— ей не было дела до мира».

Андерсен всю свою жизнь посвятил творчеству. Он был скитальцем, у него не было семьи, не было своего дома. Зато вот уже более ста лет во всем мире, в каждом доме живут его книги. В них — его наследие, то самое «звонкое, блестящее, лучшее в свете золото, то золото, что блестит огоньком в детских глазах, звенит смехом из детских уст и из уст их родителей. Они читают мои сказки, а я стою посреди комнаты невидимкою...».

Н. БЕЛОВА

ТЕРНИСТЫЕ ПУТИ НАУКИ

Сюжетная канва романа Александра Беляева «Взлетная полоса» проста и на первый взгляд традиционна. Сотрудники специального конструкторского бюро возлагают большие надежды на последнюю модель разрабатываемого ими прибора ночного видения. Прибор этот крайне необходим армии, танкистам и пилотам. Нужен он и народному хозяйству, прежде всего летчикам гражданской авиации, постоянно страдающим от капризов погоды.

Работа КБ вроде бы близка к благополучному завершению. Однако в последний момент является «человек со стороны», ставящий под сомнение многолетний труд коллектива. С фактами и цифрами в руках Сергей Кольцов убедительно доказывает бесперспективность конструкции и тут же взамен предлагает собственную схему прибора — принципиально отличную и многообещающую...

Разумеется, часть конструкторов встречает предложение дерзкого армейского капитана в штыки, пытается всеми правдами и неправдами «избавиться от него, как от сильного партнера, который невольно стал и столь же сильным конкурентом». Другие же становятся на сторону «возмутителя спокойствия», поскольку озабочены не только сегодняшним состоянием военно-технической мысли, но и ее завтрашним днем. «...Если мы хотим держать эту самую конструкторскую мысль так же высоко и впредь, талантливых людей надо выводить на большую дорогу скорее, а не ставить их в очередь на выдвижение за кем-то...» — резюмирует генерал Ачкасов, колоритный образ которого несомненная удача автора.

Писатель отводит немало страниц изображению производственных будней; тут военные учения и испытания самолета, оснащенного экспериментальной аппаратурой, жаркие профессиональные дискуссии в конструкторских бюро и тишь министерских кабинетов... Но вся эта «экзотика», интересная сама по себе (не балуют нас писатели подобной тематикой!), всего лишь фон, среда, в которой живут и действуют персонажи романа. Все внимание Беляев сосредоточивает на раскрытии их характеров.

Центральное место в романе отведено Сергею Кольцову — командиру танковой роты, которой поручено испытание прибора. Кольцов — личность во всех отношениях незаурядная. Выпускник Московского университета, он после обязательной службы остается в армии, однако не прерывает и научных занятий. По мысли писателя, он представитель нового, современного советского офицерства, сочетающего в себе глубину профессиональной подготовки и широту интеллекта.

Но эта-то неординарность, постоянная жажда новизны, настырность и не устраивают тех, для кого важней всего соблюдение субординации или собственный престиж. «Вы, дорогой мой, фигура одиозная, талантливая и потому трудноуправляемая... Хлопот с вами не оберешься!» — говорит Кольцову главный конструктор и он же главный его противник Кулешов, пытающийся «решать научные вопросы административным путем».

Под стать Сергею Кольцову и его товарищи по службе и по работе, такие интересные, самобытные личности, как его брат Владимир, Стрекалов, Окунев, Заруба, Юлия, сложные отношения с которой составляют самостоятельную сюжетную линию...

В короткой заметке невозможно упомянуть всех действующих лиц, отметить все сильные и слабые места произведения. Хочется остановиться на одной проблеме — смене поколений. Проблема эта, несомненно, существует, только не в виде пресловутого конфликта «отцов и детей». Сущность ее, показывает автор, и глубже и шире — ответственность каждого перед народом за порученное дело. Такой подход—одно из свидетельств актуальности романа А. Беляева «Взлетная полоса».

Иван ИСАЕВ

Беляев А. П. Взлетная полоса. Роман. М., Воениздат, 1979. 343 с

Исполнилось 75 лет доктору искусствоведения, лауреату Государственной премии СССР И. С. Зильберштейну. Вот уже пятьдесят пять лет он тесно сотрудничает с «Огоньком», публикуя на наших страницах интересные очерки и исследования, посвященные отечественной культуре. Почти полвека И. С. Зильберштейн редактирует тома замечательного научного издания — «Литературное наследство», инициатором которого он является. Ираклий Андроников писал: «...многие исследователи должны сказать спасибо И. С. Зильберштейну за горы материалов и справок, на основании которых были написаны их превосходные, ныне широко прославленные труды».

В эти дни наш корреспондент побывал у Ильи Самойловича и задал ему несколько вопросов.

ДЕЛО ДУШЕВНОЙ ПОТРЕБНОСТИ

— Что вы считаете основным делом своей жизни?

— Моя первая литературоведческая публикация была напечатана в начале 1923 года, когда мне еще не исполнилось 18 лет. Отдельные издания моих исследовательских работ стали появляться с 1926 года; первой из них была вышедшая в том же году в «Библиотеке «Огонек» книжка «Из бумаг Пушкина (новые материалы)». С той поры и до настоящего времени я напечатал свыше двухсот литературоведческих и искусствоведческих статей и разысканий, а число моих книг и подготовленных изданий доходит до двадцати.

Но тем не менее с того времени, когда в марте 1931 года благодаря помощи М. Е. Кольцова я смог приступить к осуществлению мечты моих молодых лет — начать издание сборников «Литературное наследство», посвященных публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли, это издание стало основным делом на протяжении всех 49 лет моей дальнейшей жизни. Подготовка все новых и новых томов «Литературного наследства» остается и по сей день моей первоочередной работой.

А начинать ее пришлось с пустого места, с нуля, имея в качестве помощницы лишь машинистку. Но вскоре в работу включился С. А. Макашин, и начался наш многолетний совместный труд по подготовке томов «Литературного наследства».

В течение последних двадцати лет все замыслы новых томов, которые хочется выпустить в свет, разрабатываю и осуществляю совместно с доктором филологических наук Л. М. Розенблюм. Это не только настоящий товарищ, но и превосходный исследователь, для которого, как и для меня, труд по созданию новых книг «Литературного наследства» является делом самой душевной потребности.

— Какие из вышедших томов «Литературного наследства», в подготовке которых вы участвовали, наиболее памятны вам?

— Многие десятки томов, в создании коих я принимал активнейшее участие, неизменно выявляя для каждого из них неизданные материалы, все мне по душе, так как их тематику определял сам. Но, конечно, имеются и наиболее любимые.

Это прежде всего вышедший в 1934 году, на заре существования нашего издания, том 16—18-й, посвященный А. С. Пушкину. Подготовил его я вместе с И. В. Сергиевским. В семи разделах тома 55 статей и публикаций, в основном сделанные на ранее неведомых материалах; принадлежало это перу 40 исследователей. В книге около 1200 страниц, 340 иллюстраций, в том числе цветные и фототипные. Большую радость доставило то, что мне удалось добиться принятия Гознаком, лучшей типографией Советского Союза, изготовления книги. И, конечно, приятно, что она до сих пор остается незаменимым пособием для всех тех, кто занимается изучением творческой биографии великого поэта и литературного движения того времени.

Очень теплые воспоминания остались у меня от интенсивной работы над тремя книгами «Декабристы — литераторы», одна из которых была посвящена опубликованию первого издания моего исследования о писателе и художнике Николае Бестужеве. Много труда потребовал весьма объемистый чеховский том (в нем около тысячи страниц и 205 иллюстраций). С большой любовью я делал два горьковских тома нашего издания — «Горький и советские писатели. Неизданная переписка» и «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка»; второй из этих томов мог быть создан лишь благодаря тому, что мне удалось получить из Колумбийского университета (Нью-Йорк) фотографии 93 писем Горького к Андрееву, а из Швейцарии фотографии находившихся там десяти писем Горького к тому же адресату. Много лет я занимаюсь изучением творчества И. С. Тургенева (первая моя книга о нем вышла в 1928 году — «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева»), поэтому радостной была для меня работа над двухтомником «Литературного наследства» — «Из парижского архива И. С. Тургенева»; фотографии всех здесь впервые обнародованных его художественных произведений, автобиографических записей, литературной «Игры в портреты» и переписки были получены мною из Франции с правом первой публикации.

Вместе с Л. М. Розенблюм мы выпустили три тома нашего издания, посвященных Ф. М. Достоевскому. Хочется отметить, что первые два тома были переизданы за рубежом в переводе на английский язык.

Наконец, еще об одном из ранее вышедших наших томов, память о котором мне очень дорога.

В эти дни, когда прогрессивное человечество отмечает 110-ю годовщину со дня рождения В. И. Ленина, вспоминаю и тот наш том — по общей нумерации 80-й, который по моему предложению был подготовлен нами к столетию со дня рождения Владимира Ильича и спустя некоторое время выпущен в свет: «В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы». Подавляющая часть напечатанных здесь материалов публиковалась впервые. Так, из 265 писем, вошедших в первый раздел, около двухсот ранее были неизданы (вступительная статья к тому — нашего главного редактора В. Р. Щербины).

— Над какими новыми томами «Литературного наследства» вы работаете?

— Если для этого издания трудиться добросовестно, а не делать вид, что работаешь, то необходимо вести одновременно подготовку нескольких томов. Именно так я работал, готовя первые книги «Литературного наследства», так тружусь и теперь.

В настоящее время уже сверстан 91-й том «Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века)», и вскоре он выйдет в свет. Это исследование академика М. П. Алексеева. Рад, что в результате проведенных мною на протяжении многих лет разысканий удалось обнаружить не только в наших государственных архивах, отделах рукописей и личных коллекциях интереснейшие материалы по этой теме, но и получить их из-за рубежа. Большое удовлетворение принесло мне то, что все отысканное обогатило превосходное исследование Михаила Павловича, к тому же оно является первым в мировом литературоведении, посвя-

Юрий БЛАГОВ

Машина

Приобретать машину я
Не стал — и вот причина:
Хороший друг есть у меня,
А у него — машина.

Зимой поставит на прикол,
А чуть начнется лето,
Глядишь — прокол иль протокол,
А то и то и это.

И с гаражом дела никак
Не двинутся, хоть тресни,—
Машину держит в Лужниках,
А сам живет на Пресне.

Когда его ни попроси
О рейсе, хоть и малом,
В конце концов берешь такси
Иль дуешь пешедралом.

Приобретать машину я
Не стал — и вот причина:
Хороший друг есть у меня,
А у него — машина...

Еще о наследственности

Творческие личности у нас,
Вопреки моральным нормативам,
Дебоширят в классике подчас,
Прикрываясь фразой
«по мотивам».
Все там исковеркано зазря,
Сдвинуто, нарушено и смято.
Неужели, мягко говоря,
Ничего для личностей не свято?
Я хочу гипотезу одну
Выдвинуть, историю затронув:
Уж не их ли предки в старину
Грабили
гробницы
фараонов?..

щенным изучению этой проблемы.

Следующий том «Литературного наследства» — 92-й — «Александр Блок. Новые материалы и исследования» — будет состоять из четырех книг, в которых участвуют 70 литературоведов. Вместе с Л. М. Розенблюм подготовили мы этот том. Его объем — 200 листов и 400 иллюстраций. Это будет пока единственная в своем роде энциклопедия по Блоку, равной которой никогда не было. Мы выпускаем этот том к 100-летию рождения великого русского поэта.

По предложению академика М. Б. Храпченко мы приступили совместно с Архивом Горького к подготовке двухтомника «Неизданный Горький», куда войдут ранее остававшиеся неопубликованными его творческие и эпистолярные тексты. Многие такие материалы мне удалось отыскать в Париже. А самой счастливой из тех находок был автограф неизданного письма Горького к В. И. Ленину, отправленного с Капри в феврале 1908 года.

Наряду с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и И. С. Тургеневым самый популярный за рубежом русский писатель-классик — А. П. Чехов. Вероятно, нет такой страны, где не издавались бы его произведения, не ставились бы его пьесы. С полным основанием можно утверждать, что драматургия Чехова ныне завоевала зарубежную сцену. По предложению директора Института мировой литературы (органом которого и является «Литературное наследство») члена-корреспондента АН СССР Г. П. Бердникова мы приступили к подготовке тома «Чехов и мировая литература».

Могу рассказать еще о ряде томов «Литературного наследства», выпуск которых хочется осуществить в ближайшие годы. Но ограничусь лишь названиями двух из них: «Неизданный Лесков» и «Анна Ахматова. Новые материалы и исследования». А так как в будущем году исполняется полвека со времени выхода в свет первой книги, сотрудники Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина готовят под моим руководством путеводитель «Литературное наследство» за пятьдесят лет». Мне хочется выразить сердечную благодарность нашего коллектива руководителям и редакторам издательства «Наука», которое делает все возможное, чтобы наши тома были достойно выпущены в свет.

— Илья Самойлович, пожалуйста, несколько слов о ваших искусствоведческих трудах.

— Они занимают немалое место в моих исследовательских работах. На протяжении ряда лет я изучал творческий путь И. Е. Репина. К столетию со дня его рождения подготовил и выпустил две книги, посвященные взаимосвязям русской литературы и русского изобразительного искусства: одна — «Репин и Горький», другая — «Репин и Тургенев». Напечатал ряд статей. Затем принялся за создание двух репинских томов «Художественного наследства», вышедших под редакцией академика И. Э. Грабаря и моей; в двухтомнике восемь моих исследовательских работ, общий объем которых превышает 25 листов.

На протяжении ряда лет А. Н. Савинов и я переписывались с жившим в Париже замечательным живописцем и художественным критиком А. Н. Бенуа. После его кончины в 1960 году мы подготовили книгу «Александр Бенуа размышляет...», в которую вошло его литературное и эпистолярное наследие с 1917 по 1960 годы.

В 1960 году в чеховском томе «Литературного наследства» я впервые обнародовал со своими комментариями и вступлением воспоминания художника Константина Коровина «Из моих встреч с А. П. Чеховым». А в 1971 году вышла в свет подготовленная мною и В. А. Самковым объемом в 900 страниц книга «Константин Коровин вспоминает...».

Могу назвать и другие мои искусствоведческие работы, но наиболее близким моей душе является исследование «Художник-декабрист Николай Бестужев». Отыскав в 1945 году считавшуюся утраченной портретную галерею декабристов и декабристок, созданную Бестужевым на каторге, состоявшую из 76 акварелей и принадлежавшую ему самому, я впервые рассказал о своей находке в конце 1950 года в «Огоньке» в связи со 125-летием со дня декабристского восстания. Мои поиски других художнических работ Бестужева увенчались успехом. И в 1956 году появилось в виде второй книги 60-го тома «Литературного наследства» первое издание моего исследования.

Я счастлив, что вышедшее в 1977 году второе, дополненное издание этой работы, для которого на протяжении многих лет проводил дальнейшие поиски акварелей Бестужева, начиная от Кяхты и кончая Парижем, отмечено в ноябре прошлого года высокой наградой — Государственной премией СССР. Приношу сердечную признательность всем тем, кто откликнулся добрым словом на это награждение.

— Передо мной — подготовленный сотрудниками Государственного музея изобразительных искусств и вышедший в 1973 году каталог западноевропейской части вашей коллекции; знаю, что описание ее русской части музей тоже завершил. Как сложилось ваше собрание рисунков, акварелей, картин?

— Русская живопись и графика пленили меня с юношеских лет. А всевозрастающая любовь к отечественному изобразительному искусству ознаменовалась тем, что в 17-летнем возрасте я заболел «болезнью», именуемой коллекционерством. В том же 1922 году мне удалось достать два рисунка Бориса Григорьева,— они положили начало моему собирательству.

Уже тогда, как и до сих пор, высоко ценя замечательные достижения мастеров из славной плеяды передвижников, я с большой теплотой отношусь к лучшим созданиям художников объединения «Мир искусства». Вот почему в моей коллекции, пополнением которой занимался свыше полувека, наряду с произведениями Репина и Сурикова, Боголюбова и Шишкина значительное место занимают работы Александра Бенуа и Добужинского, Бакста и Кустодиева, Серебряковой и Коровина...
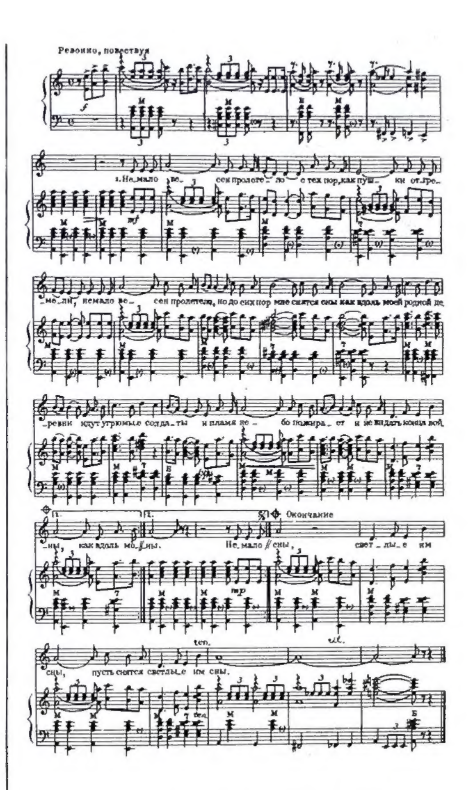
Что же касается дальнейшей судьбы моего собрания, то считаю: если любая из личных коллекций представляет интерес художественный или мемориальный, исторический или познавательный, она должна стать собственностью Родины, взрастившей нас, сделавшей возможным развитие того, что стало потребностью нашего сердца. Думаю, что такова единственная возможность сберечь плоды огромного труда настоящего, истинного коллекционера.

...Наш выдающийся отечественный скульптор М. М. Антокольский писал в 1893 году: «...все мои радости, все, что вдохновляло меня, что создано мной, — все это от России и для России!»

Отдав изучению и прославлению моей родной русской литературы и родного русского изобразительного искусства 57 лет своей жизни, из коих уже 49 лет бессменно создаю тома задуманного мною издания «Литературное наследство», я смею сказать:

— Служу отечественной культуре.

Беседу провел А. ЕФИМОВ

ПУСТЬ О ВОЙНЕ НЕ ЗНАЮТ ДЕТИ

Музыка Г. **ПОНОМАРЕНКО**

Стихи Б. **ПАКА**

Немало весен пролетело
С тех пор, как пушки отгремели,
Немало весен пролетело,
Но до сих пор мне снятся сны,
Как вдоль моей родной деревни
Идут угрюмые солдаты,
И пламя небо пожирает,
И не видать конца войны.

Немало трав отзеленело
С тех пор, как пушки отгремели...
Немало трав отзеленело,
Но к матерям приходят сны:
Как на перронах расставались
Они последний раз с мужьями...
Казалось, вечность пролетела,
Но вдовы ждут мужей с войны!

Немало весен пролетело
С тех пор, как пушки отгремели...
Нам не забыть, как шли до Эльбы
Во имя мира и весны.
Пусть о войне не знают дети,
Пусть слезы матери осушат.
Пусть вечно детям светит солнце,
Пусть снятся светлые им сны.
2 раза

ЗНАКОМЬТЕСЬ — ЖУЖА КОНЦ!

Красный автомобиль резко затормозил у дома. Из машины неторопливо вышел стройный бородатый мужчина, а за ним выскочила, словно распрямившаяся пружинка, тоненькая девушка в джинсах и, тряхнув длинными косами, сказала: «Я — Жужа. Это — мой муж, драматург Миклош Бодижар. А вы — «Огонек»? Здравствуйте!» Так состоялось наше знакомство с одной из самых популярных венгерских исполнительниц эстрадной песни. Конечно, лучше всего было бы побывать на концертах Жужы Конц, но... мы не увидели в Будапеште афиши о таком концерте.

— И не могли увидеть! — сказала певица. — А все дело в том, что моя жизнь поделена на две половинки. Одна — когда я выступаю дома, в Венгрии, вторая — когда уезжаю на зарубежные гастроли.

Она выкладывает перед нами все свои двенадцать долгоиграющих пластинок.

— Пожалуйста, выбирайте любую и слушайте!

Мы выбрали ту, которая начиналась веселой, ритмичной песенкой о будапештском метро. «Искренний клоун», «Потери», «В легком пальто» — так назывались маленькие песенные рассказы, которые мы услышали. Нам захотелось узнать, как находит свои песни Жужа.

— Сюжет — вот о чем я думаю, когда ищу новую песню... Конечно, музыка — душа песни. Но какая она? Богатая или бедная? Об этом расскажет текст песни, и очень важно, чтобы они не противоречили друг другу! Если слова песни меня не волнуют, если сама им не верю, то уж тогда песня у меня ни за что не получится. И я ищу такую песню, которая бы соответствовала моему характеру и моим интересам.

— Значит, все песни, которые ты поешь,— твои любимые?

— К сожалению, нет! Порой я исполняю вещи, которые нравятся моим слушателям, а для себя я бы выбрала другие.

В репертуаре Жужы Конц немало народных песен, которые исполняются в современной манере. Случайность ли это? И вообще, что значит для эстрадного певца быть современным?

— Об этом я часто размышляю. Бывает, что и поспорю с друзьями-музыкантами, с которыми я вошла в мир песни. Так же, как и я, они оставили свои профессии и посвятили себя целиком песне: Янош Броди, Ласло Толчвой, Сёрени Левенте — они такие разные и похожие друг на друга своим стремлением дарить людям хорошие песни! Мы побывали на гастролях почти во всех европейских странах. Были в СССР, на Кубе, в Японии, США, Канаде, Бразилии, и всегда нам хотелось, чтобы, услышав наши песни, люди разных стран хотя бы чуточку больше узнали о нашей Венгрии. Я убеждена, что у эстрадной песни должен быть свой, национальный характер, а корни его — в классическом наследии прошлого. В музыке нашего великого композитора Золтана Кодаи я не только слышу — я вижу мою родную Венгрию!

Прошлое... Это маленькая деревушка неподалеку от старинного города Эгерт. Здесь в семье медсестры и учителя венгерского языка родилась девочка, названная Жужей. И хотя давно уехала семья из той деревушки, а в памяти Жужи Конц она осталась разрисованной яркими красками детства.

Настоящее... Любимая работа. Вот они, стоят на книжных полках призы, полученные на международных фестивалях в Париже, Лейпциге, Берлине, Софии, Сопоте.

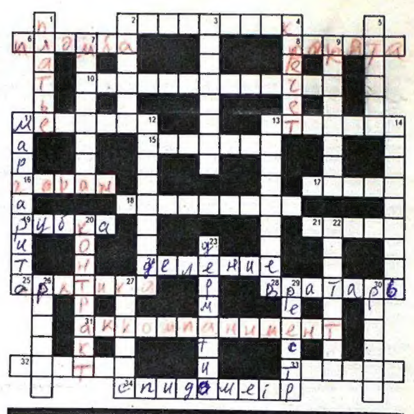
А будущее? Каким она себе его представляет?

— Ни за что не расстанусь с песней! Может быть, со временем буду готовить для эстрады новых венгерских певцов... Жизни без музыки не представляю!

Н. ЦВЕТКОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Вечнозеленый кустарник семейства вересковых. 6. Кусочек свинца, пластмассы с клеймом на приборе, товаре, закрытых дверях. 8. Летательный аппарат с реактивным двигателем. 10. Русский путешественник XVIII века, исследователь Камчатки. 11. Лимонная мята. 13. Овальная дощечка для смешивания красок. 15. Инициатор совершенных методов труда. 16. Сооружение для стоянки и технического обслуживания автомобилей. 17. Оптический квантовый генератор. 18. Рассказ М. Горького. 19. Надстройка на верхней палубе судна. 21. Немецкий химик XIX века. 24. Математическое действие. 25. Атомный ледокол. 28. Участник спортивной команды. 31. Музыкальное сопровождение. 32. Морская птица, обитающая в тропиках. 33. Химический элемент, металл. 34. Прибор для определения расстояний.

По вертикали: 1. Женская одежда. 2. Равновесие. 3. Певец, народный артист СССР. 4. Птица семейства утиных. 5. Фигура высшего пилотажа. 7. Один из «Морских рассказов» К. М. Станюковича. 9. Медовый пряник. 11. Действующее лицо оперы Ш. Ф. Гуно «Фауст». 12. Северное созвездие. 13. Композитор, автор балета «Сказ о каменном цветке». 14. Областной центр в РСФСР. 20. Договор, соглашение. 22. Искусный подражатель, артист. 23. Искусственная кожа. 26. Герой поэмы А. С. Пушкина. 27. Город в Узбекистане. 29. Перечень, список. 30. Картина А. А. Пластова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали: 7. Курсовка. 8. Мопассан. 10. Конвертер. 11. Крона. 13. Аршин. 15. Детройт. 17. Сноп. 18. Плот. 19. «Благодарность». 22. Горн. 23. Тмин. 24. Акробат. 25. Мокко. 27. Орион. 28. Прессшпан. 31. Камертон. 32. Цирконий.

По вертикали: 1. Бумеранг. 2. Бочка. 3. Акын. 4. Сорт. 5. Кайра. 6. Барвинок. 9. Петропавловск. 12. Напильник. 14. «Репетитор». 15. Долгота. 16. Триолет. 20. Солончак. 21. Питомник. 26. Опера. 27. Оникс. 29. Енот. 30. Приз.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Во время вручения Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу Ленинской премии за книги «Малая земля», «Возрождение», «Целина».

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: У монумента Освобождения на горе Геллерт всегда многолюдно. (См. в номере материал «Тридцать пятая весна»).

Фото А. Награльяна

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Репортажа и новостей — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-21-13.

Сдано в набор 17.03.80. Подписано к печати 01.04.80. А 00348.
Формат 70 × 108 1/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 762. Заказ № 2067.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

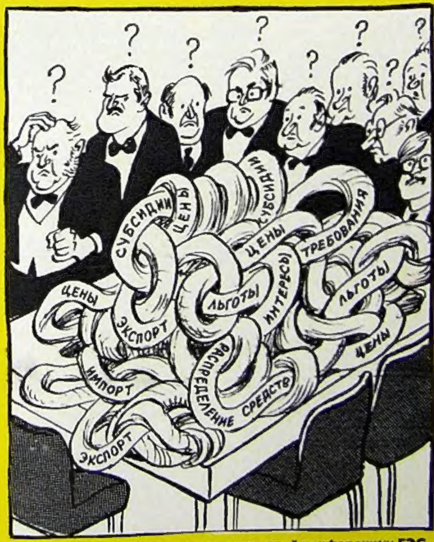
Новая «астрономическая система» Пентагона.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

«Неспортивное поведение».

«Узелок на память» после очередной конференции ЕЭС.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663